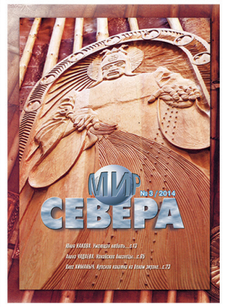
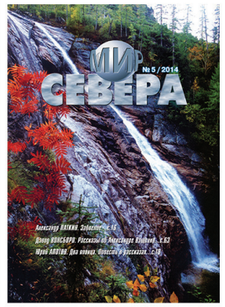


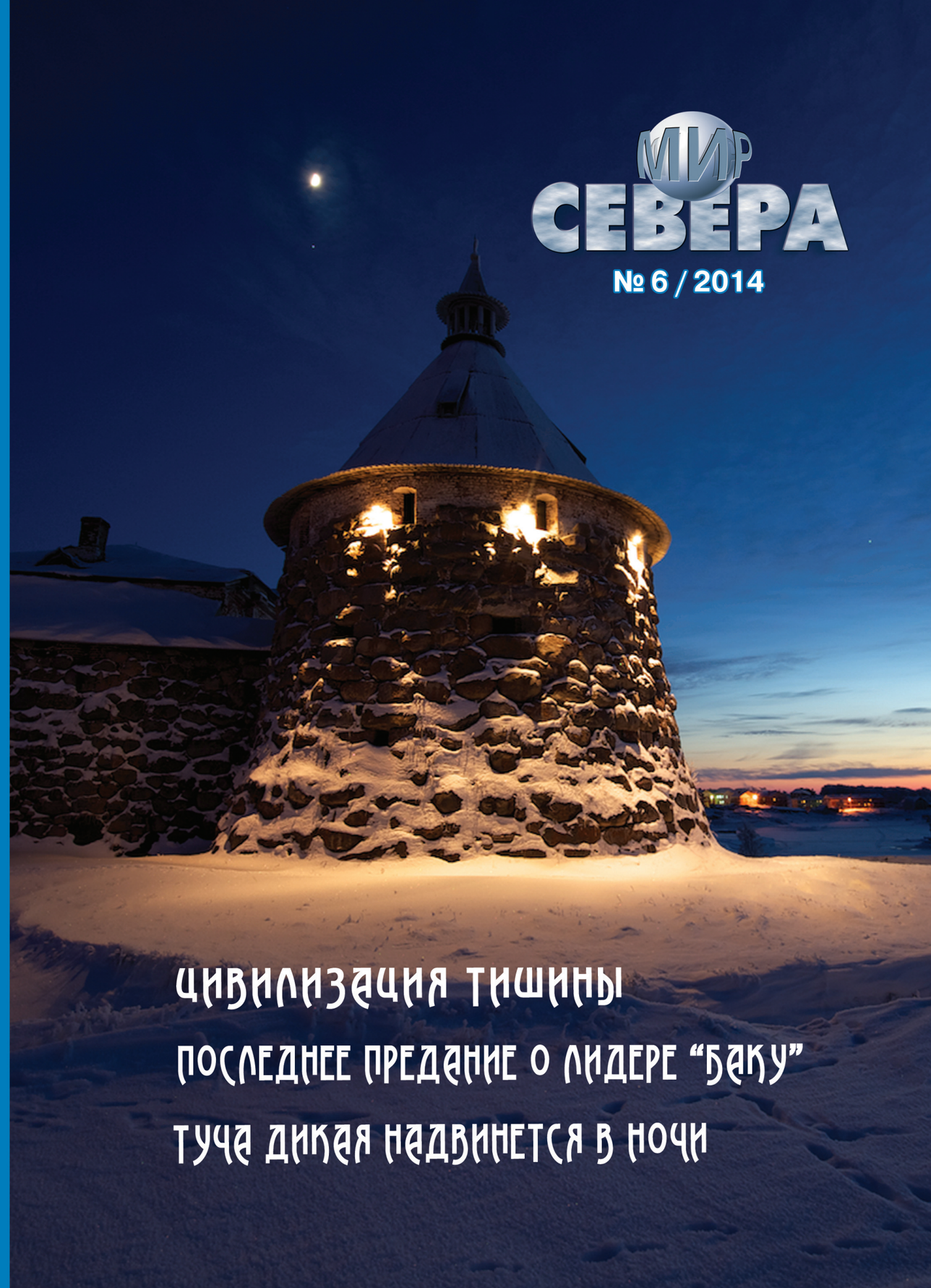


ВНИМАНИЕ!

Во всех отделениях связи продолжается подписка на наши издания:

журнал "Мир Севера" и газету "Литературная Россия"

ISSN 1560-6864
9 771560 686003 14006>



МИР СЕВЕРА

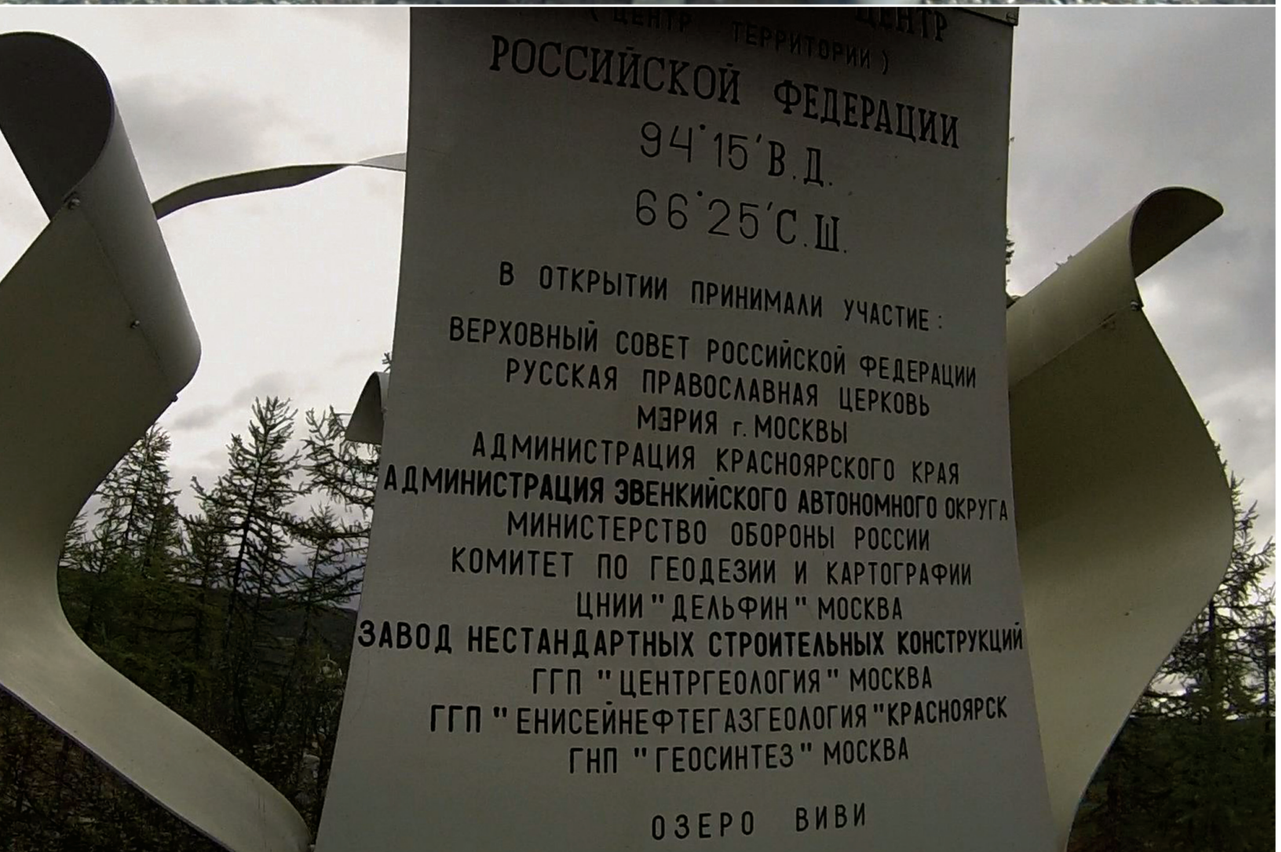
№ 6 / 2014

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ТИШИНЫ

ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДАНИЕ О ЛИДЕРЕ "БАКУ"

ТУЧА ДИКАЯ НАДВИНЕТСЯ В НОЧИ

putorana
.com


РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
94°15′В.Д.
66°25′С.Ш.
В ОТКРЫТИИ ПРИНИМАЛИ УЧАСТИЕ:
ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
МЭРИЯ г. МОСКВЫ
АДМИНИСТРАЦИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
АДМИНИСТРАЦИЯ ЭВЕНКИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА
МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИИ
КОМИТЕТ ПО ГЕОДЕЗИИ И КАРТОГРАФИИ
ЦНИИ "ДЕЛЬФИН" МОСКВА
ЗАВОД НЕСТАНДАРТНЫХ СТРОИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
ГГП "ЦЕНТРГЕОЛОГИЯ" МОСКВА
ГГП "ЕНИСЕЙНЕФТЕГАЗГЕОЛОГИЯ" КРАСНОЯРСК
ГНП "ГЕОСИНТЕЗ" МОСКВА
ОЗЕРО ВИВИ

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ТИШИНЫ

– Песок вулканический, – сразу определился Шафраник, спрыгнув с вертолёта. Песок действительно непривычно тёмный, заметно древний. Шафранику не возразишь: он же горный инженер, председатель Высшего Горного Совета страны. Разбирается.
Но я тоже определился: местечко, понятно, дальнее, спокойное, но вулканические страсти и здесь явно бушевали. Правда, давно. Превратились в прибрежный песок.
...Крест четырёх сторон. Налево Россия, направо Россия. Россия на юг. И Россия – на Север.
Географический центр Российской Федерации – математически рассчитанный – находится в Эвенкии, в Красноярском крае, на береге большого озера с нежным именем Виви – и так случилось! – он попал прямо в Северный полярный круг. После воссоединения Крыма с Россией символическая точка центра немного сдвинулась, но основные параметры остались: Сибирь, берег озера Виви, Северный полярный круг.
И наконец-то я сюда добрался. Штормовой мысок. Непрекращающийся дождь. Сырость ветреного места. Промозглая ночь. Затерявшаяся звезда. Безлюдные реки. Тесная уютная палатка. Неугасимый огонь человеческого костра. Мощный храп современников. Горячий утренний чай. Бездонный космос мира.

Но вопрос неотступен:
– И всё-таки: ради чего?
Ради нелепого и простого:
– Я там Был.
Я видел я знаю я помню. Прекрасна земля.
Возможно, немного и от лукавого: миллионы людей здесь не бывали, а я – вот я какой редкий! – был.
Ты помнишь, Виви? Ты помнишь меня, Виви?
Что в сухом осадке? остатке? Как после вожделения – удовлетворение...
Я там был. Я знаю. Я видел. У меня есть место на планете. Наверняка, оно запомнило и помнит меня. Мы встретились.
Но не это определяюще. Я должен был это увидеть. Я увидел. Какой-то долг у меня был. Не перед кем-то, не кому-то. Только себе.
А вообще-то: чистое вожделение. Зачем? Почему? Какие вопросы? Ибо – вожделею. Да, овладел. Овладел этим пространством. Теперь оно и моё, а не только само по себе.

Продолжение репортажа Анатолия Омельчука из центра России читайте с 3-ей страницы

МИР СЕВЕРА

№ 6 (94), 2014

Этнополитический и литературно-художественный журнал

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Исполнительный директор
Александр ДОРОФЕЕВ

Редакционный совет:
Еремей АЙПИН (Ханты-Мансийск),
Михаил АНДРЕЕВ (Томск),
Евгений БОГАЧКОВ (Москва),
Андрей БОРИСОВ (Якутск),
Галина БУТЫРЕВА (Сыктывкар),
Людмила ЕФРЕМОВА (Надым),
Николай КУРИЛОВ (Якутск),
Татьяна МОЛДАНОВА (Ханты-Мансийск),
Анатолий ОМЕЛЬЧУК (Тюмень)

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА
Дизайн/Вёрстка
Ольга ПЕЛЕНКОВА

Обложка: 1 стр. - Соловки. Фото Alex Ruriders. 2-3 стр - Фото Эдуарда Улыбина.

Подписано в печать 8 декабря 2014 года.

Выпуск издания осуществлён при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати. Свидетельство о регистрации № 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1200 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,
8 (495) 694-03-65,
Факс: 8 (495) 694-50-10

E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано
в ГУП Академиздатцентр «Наука» РАН,
ОП ПИК «ВИНИТИ»-«Наука»,
140014, Московская обл., г. Люберцы,
Октябрьский пр-т, д. 403.
Тел./факс: 554-21-86, 554-25-97,
974-69-76.

Заказ 881

Воют духи Полярного круга,
Помавает бровями Борей.
И змеится до самого юга
Резкий треск с ледовитых морей.

Южный пасынок русской равнины,
Я зарылся в сугроб и уснул,
И орёл с отдалённой вершины
Равнодушно на север взглянул.

Юрий Кузнецов, 1969

СОДЕРЖАНИЕ

3 Время, вперёд!
Анатолий ОМЕЛЬЧУК. Цивилизация тишины

10 Честь имею
Олег ХИМАНЫЧ. Последние предания о лидере «Баку»

17 Познание России
Алексей ПОЛУБОТА. Промысел

30 Парадоксы провинции
Виктор СБИТНЕВ. Укоренённые русские люди

40 Драма
Юрий КИРИЛЕНКО-МАЛЮГИН. Я не верю вечности покоя

45 Реалии советской литературной жизни
Вячеслав ОГРЫЗКО. Случайные эпизоды

67 Эскимосский символ
Сергей СУЩАНСКИЙ. С тоской по Наукану

72 Легенда Амура
Алина ЧАДАЕВА. Туча дикая надвинется в ночи

Читайте новые книги о Севере издательства «Литературная Россия»

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ТИШИНЫ

Истина центра: не спеши, не суетись. Есть другие подлинно вечные ценности. Не случайно, ох, не случайно Россия отцентровалась в месте, где нет места – суете сует.

Он, хозяин здешний, Иван, Иван Николаевич Поченчук перепробовал много истинно мужских занятий. «Диковал» – бил диких таёжных оленей на узких речных переправах. «Морячил» – водил ледовые конвои по Северному морскому пути. «Промышлял» – по первому снегу, по чернотропу уходил в тайгу, добывать пушного зверя, и здешнего первейшего – соболя енисейского кряжа. «Добычил» – крупную рыбу в крупных реках.

Скорее всего, он всё умеет. Светлана именно так и считает. Всё, что требуется человеку. Потребуется в непредсказуемой жизни.

Иван Поченчук. Как его назвать и обозначить? В географическом центре России живут только он да его жена Светлана. Прописки на озере Виви, естественно, нет, никакого поселения здесь не зарегистрировано. Только его хозяйство. Мужик, как сказала бы моя мама, «сурьезный».

Придётся, видимо, назвать так: хозяин географического Центра страны России. Может, хранитель.

Иван: Я начинал не с этой избушки. У меня туда вверх, повыше километров 20, была чуть побольше. Здесь раньше, при советах, серьёзный промхоз держали, бригада стояла. Ютились, как-то жили, по своему времени. Сам, понятно, люблю побольше пространства, усадьбой, поместьем. Теплица чтоб, всё остальное. Лучше, допустим, было жить на озёрах. Извините, я, может, чё-нибудь несу ностальгию. Но смысл такой... Не каждый че-

ловек сможет здесь жить. Не каждый. Всегда. В любое время. Хоть при советах. Хоть при демократии. Но тогда, честно, дело поставлено было посолиднее. Чтобы здесь выжить, надо иметь 100 специальностей.

– А у самого сколько?

– А я их считал?

– Сто?

– Если не больше. Я и в электронике, я и в компьютерах.

А дрова кто колет, печка-то чья? Видели же – гараж у меня. Для лодок. Я его срубил, прирубил к бане. Если долго живёт человек на одном месте, начинает маленько обрастать. Че-то больше постоянно хочется чего-нибудь обновить. Ну, а насчёт того: как оно, чё? В те времена многого не было, недоступно. Сейчас же сами видели, чё у меня только нету. У меня только бананы не растут, а остальное-то всё есть.

– Гостеприимный край? кормит?

– Мне ж не платят шальные деньги.

– А какие платят?

– Я живу за счёт чего? Я и мои руки. А так у меня ну тыщ 10 выходит, если честно. Столько выделили. Всего. На Севере за 10 тысяч как? Нормально? А на кого жалиться? Если по совести, я сын лесника. Я родился в лесу, в Белоруссии ещё. Сам с Бреста. Сюда в Эвенкию родственники привезли, до армии. Отсюда в армию ушёл. На Дальний Восток призвали, в Петропавловск-Камчатский. Отслужил, вернулся, ушёл в профессиональные охотники. 30 лет уже в тайге.

– Прокормят эта вода, эта земля?

– Они не то, что прокормят – многих кормили. Здесь бригад стояло столько! Кормили весь Красноярский край, пушнину вывозили самолётами. Сейчас никому не надо, прости Господи.

– Временно?

– Думаю, временно. Пока.

– Это ж хорошо, что пока. Жадные руки сюда не добрались. Пока?

– С одной стороны, да, хорошо. Потому что было бы тоже самое. Грабёж. Чем меньше здесь народу, тем лучше. Извините, я от души сказал, вырвалось. Приятно, когда хорошие приезжают, но люди сейчас всяко разные бывают.

Попадая в такие знаковые места, оглядываясь и не находя сразу ничего необычного, с трудом сознаёшь, что у государственно сакральных мест может и не быть никаких тайн и загадок. Здесь всё так естественно просто, что просто не верится в очевидную простоту. Не обвыкнешь, не успеешь. А значимо всё: ветхая промысловая лачужка-развалюха, обглоданный волной витиеватый кусок плавника, звериный след на тёмном песке. Вся натура протестует: не может быть здесь привычной обыкновенности.

Внимательный психолог Иван охотно удовлетворяет расхожее любопытство, может быть, потому что и сам, рациональный прагматик и позитивист, не всё себе ещё объяснил.

Иван: Чего здесь непонятного и необъяснимого? Поначалу этого не замечаешь, потом чё-то начинаешь мороковать: почему именно так, а почему это не так. Или это наша современная техника делает, или всё-таки чё-то там такое. Ну смысл-то начинаешь маленько терять. Необъяснимо. Идёшь, допустим, я вам могу даже показать, километров триста... Почему деревья сломаны и именно на два с половиной метра от земли, и именно по одной полосе. Полосой. Кто их так ровно ломал? Хоть линейкой мерьте – два с половиной метра. Кто их ломал?

– Вопрос задал – к ответу пришёл?

– Не пришёл. А бывает свечение в озере. Допустим, то ли планктон, то ли рыба какая-то идёт.

– Озеро светится?

– Полоса в озере светится. Тихая погода. Не совсем ти-

хая, но без шторма. Даже непонятно, что там. У меня есть эхолот, но он ни чё не показывает.

– Виви глубокое?

– Здесь на мысу метров 180, я промерял. Дальше не мерил ничё. А если сюда – 100, 108 метров. Чуть дальше отъехать – метров 200.

– Неожиданная рыба ловится?

– Здесь вся рыба из Красной книги и ещё до книги. Осётр, тугун, ряпушка, сиг здешний мочегор, щуки много. В лесу самой неожиданной для меня оказалась здешняя рысь. Годков, наверное, семь назад. Остальное, как обычно – волки. Волки, волки, волки. Соболь здесь хороший. Но я бы не сказал, что его много.

– Для себя какая-то загадка в озере есть – нет?

– Есть. Хочу понять, куда девается рыба. Не, не просто... естественная убыль, это-то понятно. Ну, допустим, 180 метров глубины и там стоит рыбища, не знаю, как руки развести-то.

– Рук не хватает?

– Рук не хватит. Сигнал эхолота «пе-пе-пе», там же кто-то есть интересный, а достать не достанешь. Бесполезно.

– Нечто на глубине 180 метров обозначило себя «пе-пе-пе»?

– Нет, почему? И силуэт видно....

– Не подводная лодка, нет?

– Нет. Мачты нету и антенны нету. Осетры здоровые и палия, они самые глубоководные, только они и могут быть. Я палию ловил как-то, было дело. В килограммах – 50, если не все 60.

– Застывает Виви когда?

– Я ещё в ноябре месяце на лодке езжу. Вода чистая. Когда тихо, можно спокойно на 15 метров видеть, что на дне делается. Чистая вода, совершенно чистая.

– Много на своём веку видел-перевидал, самое для себя таинственное?

– Подводный лес. Я на Севере жил, туда подальше, мы рыбачили там и место нашли, непонятное чё-то. Эхолот бросали. Не понимаем. Потом перевернули схему, оказалось просто лес – старый лес растёт в озере. На дне. Утонул живым. Короче, затопило, видно, его, а он как рос, так он и растёт там. Под водой. А может, не растёт, может, уже только стволы стоят. Надо только перевернуть, а смотреть чисто сверху – непонятно что на самом деле: на дне озера лес растёт или мёртвые стволы стоят.

– Земля провалилась или вода поднялась?

– Скорей всего, провал. А, может, и вода поднялась. Ну, чё-то непонятное. На Севере же все озёра в провалах получаются. Не знаю даже, как объяснить.

– А лес какой?

– Скорей всего, лиственница. Какой там ещё лес? Там другого леса-то кроме лиственницы и нету.

– Не видно, он ещё продолжает жить? или омертвел?

– По эхолоту не увидишь, живой или не живой.

Здесь перво – бытно перво – зданно.

Бог как будто сдавал и сдал свой первый воодушевлённый объект. Кому сдавал? Да самому себе.Но – принял.

Глядя на Ивана, я понимаю, почему я здесь, на озере Виви, в центре державы – моей родной России. Дабы убедиться. Единственный её мужик, её центровой житель обживает российский центр в стремлении самостоятельности, самодостаточности, надеясь только на себя, ни на кого не обижаясь и не у кого ничего не прося. Довольствуется «десяткой». Веря исключительно в себя и зная – очень же жёсткий реалист – в этой жизни всегда есть место чуду.

Потому что подозревает, что он сам и есть чудо.

Омельчук: А для самого себя объяснил, почему именно Иван и именно в этом месте?

Иван: Для меня необъяснимо. Как объяснить – не знаю.

– Догадываешься, что не случайно?

– Мне кажется, не случайно. Уж столько лет и всё нормально. Меня эта земля приняла. Допустим, мне скучно без неё. Честное слово. Ну привык я. Каждый день с утра – в бинокль смотрю, если чё-то изменилось, я уже точно знаю: чё-то не так. Всю территорию знаю, уже ж 30 лет. Это кажется, что примелькалось. Бесполезно, мол, ничего нового не увидишь. Недавно гроза стукнула и расщепило дерево ... У меня зоркие глаза. Расщепило, в щепки прям. Я сразу в бинокль, подъехал, точно: молния. Щепки метров на 30-40 поразлетались. Пометало.

Чем (и что?) меня звало – манило – притягивало – завлекало – вело и несло именно сюда? Наверное, бывают места и поглуше, глуше, но – столь символических – глушее – не бывает. Этот глухо-

манный центр России – по формуле единственного здешнего обитателя Ивана – «центр цивилизации».

Цивилизация выглядит так: озеро, вода, далеко, север, тайга, Сибирь, переменчивая погода, суровый климат, возможность вселенского одиночества. Ты – наедине: с собой, с природой, с Богом. У тебя есть всё, чтобы – БЫТЬ.

Абсолютное место – здесь ничего не происходит. В центре России, подразумевается: в центре событий – не происходит ничего. Сейчас. И всегда. Когда это началось? Впрочем, происходит. Течёт вода. Шумит ветер. Падает лист. Накрапывает дождь. Солнце зашло за тучу. Проглянуло.

Для России это не случайно? Для большой страны – так и надо?

Омельчук: Когда я понял, что здесь на таком огромном пространстве живёт всего один человек, один-одинёшенек, конечно, первая мысль: надоело, наверно, ему, Ивану Николаевичу, всё это человечество?

Иван: Мы летаем в отпуска, нынче в Китае побывал. Ну какая разница? Нет, не то, чтоб общество надоело. Не общество, надоела эта болтовня. Сейчас с этой Украиной чё-то говорят, говорят, говорят. Я только не понял, будут воевать 20 лет ещё, воевать и говорить? А смысла-то никакого. Ну вообще никакого смысла. Отсюда: никакого смысла. Мы согласны, с этим мы не согласны – это наш протест. Ну и чё? И ходят и стреляют. На охоте, на «диковке» пошёл – честно пострелял, к вечеру отдохнул, ещё пошёл пострелял. Это промысел. Работа. Дело. А у них «диковка» на Крещатике. Ну сами – прикиньте, это что – по-человечески? Ну не естественно же. И вы хотите сказать, что это цивилизация? Европа и всё остальное? Какая тут нахрен Европа, извините за выражение.

– И какая нахрен цивилизация?

– Не цивилизация. Председатель этот, ну самый-самый который отвечает за всю мировую безопасность, ООН, он чё сказал про Украину: а, да там всё нормально.

– Цивилизация здесь, на Виви?

– Да, здесь цивилизация. У меня цивилизация, а там дикость. Там просто дикие обыкновенные джунгли военные нахрен. Убивают детей, женщин, стариков. Европа! Господи, пронеси.

...Вечерняя Сибирь. Здесь страна явно отдыхает от себя, от важных, мелких и решающих событий современного сумасбродного сумасшедшего ритма, превращаясь в точку вечности. Не случайно все линии, все нити сошлись в этой точке: озеро, тайга, Север, Полярный круг, Сибирь.

Это что-нибудь подсказывает? Магический, математический центр России – в подлинной, истинной Сибири.

Россия – это тишина.

Жилья здесь не увидишь на сотни вёрст в округе. Но здесь у обелиска географическому центру России жилым духом всё же пахнет. У самого обелиска подняли скромную, но выразительную православную – из местного лиственничника срубленную – часовню во имя Сергия Радонежского, а на другом озёрном берегу – пара домиков. Это хозяйство единственной на здешнюю тысячекилометровую окрестность семейной пары в центре России –Ивана и Светланы Поченчук.

Хозяйство им досталось по наследству от ещё одного бывалого анахорета, хранителя Центра Анатолия Денисенко, который обитал здесь полтора десятка лет, но не так давно в несерьёзном возрасте умер.

Светлана Анатольевна – настоящая хозяйка, умудряется и здесь, на центральном отшибе России вести своё хозяйство.

– В этом году – вы второй вертолёт, – сообщает Светлана. – Прежде Толоконский, губернатор Красноярский, прилетал, молился, центр новый переставлял. Вы вторые. А в прошлом году – вообще ни единого борта, ни единого вертолетика.

Конечно, не часто, но изредка забираешься к таким анахоретам. На ямальский, скажем, остров Белый или на остров Олений. Особо поражает опрятность отшельнического, анахоретского быта жизни. Понятно, это не городская ухоженность, зализанная опрятность, а живая, природная, естественная, всё аккуратно прибрано, разложено по полочкам. Опрятно, как в осеннем лесу. И ничегошеньки лишнего. Лишнее в таком жилье-бытье не образуется.

Ничто не предвещало крутых перемен в ординарной жизни красноярского электрохимика Светланы Анато-

льевны. Спокойное бытие научно-исследовательской конторки в Красноярске, если бы не судьбоносная встреча и сама судьба с простым именем Иван.

У Светланы в здешнем вивинском затишке – тепличка и огородик. Жалкая грядочка картошки. Конец августа – стебли картофеля выглядят прозрачно и тонко, как первые апрельские цветы. А ведь кругом буйная растительность, живая могучая сибирская – енисейская! – тайга.

У Светланы земли нет – только тёмный – почти чёрный – (по Шафранику) вулканический песок побережья Виви, да Иван в устье ближней речушки нарыл на грядки торфа. Но какой-никакой свой огурчик-помидорчик у Светланы поспеет, чтобы украсить их неприхотливый, но хлебосольный стол. Хозяйка (хранительница) центра России.

Светлана: Практически мы здесь одни. Иван у меня всё умеет делать, поэтому никаких трудностей.

Омельчук: Лучше всего?

– Конечно, весна. Июнь. Здесь весна в июне. В мае ещё снег, в первой половине мая у нас ещё зима. Озеро вскрывается числа 20-го июня. Потом, когда нет комаров, очень даже комфортно. Белые ночи. Прекрасно! Я ночью читаю без света. В конце июня начинаются комары, как бы похуже. А так каждое время года имеет свои прелести. Зимой посложнее. Темно. Природа нас кормит. Мясо, дичь, рыба, грибов в этом году много. Всё из тайги и с озера, да вот теплица кормит зеленью. Зелени хватает. Даже картошку садим.

– Не очень тихо?

– Очень. И хорошо.

– Кто Светлану соблазнил?

– Иван здесь с 92-го года. Сам свидетель, как центр ставили в 92-ом году, потом часовню ставили в шестом году. Я езжу с седьмого года, уже семь лет езжу.

– Что в такое оголтелое анахоретство потянуло?

– Он смолоду в тайге. Профессиональный охотник, профессиональный рыбак. Очень эти дела любит и Эвенкию.

– Белорусы – лучшие сибиряки?

– Так получилось...

– Самый лучший эвенк?

– Руками всё умеет сделать. Первыми из окрестных охотников мы поставили здесь телетарелку, телевизор стали смотреть. В этом году установили батарею солнечную, аккумуляторы заряжаются, смотрим все каналы. В курсе всех событий. Но тишина здесь необыкновенная...

– Не удручает?

– Нет, нет. У нас уже не тот возраст, уже хочется уединения, хочется поближе к природе. Мы как бы чуть-чуть своим хозяйством занимаемся, и чуть-чуть с природой разговариваем. Чуть-чуть с озером. Нам здесь хорошо.

– А с озером о чём разговор? О чём Виви?

– О вечном. О вечном. К озеру только на Вы. На Вы. Озеро не изучено совершенно. Вода здесь чистейшая. Сами эхолот приобрели, глубины смотрим, где какая рыба. Наблюдаем за погодой.

– Она здесь стабильная?

– Сами видите, какая стабильная. Регистрирую погоду в течение этих семи лет, сравниваю по годам. Можно уже метеокартинку нарисовать.

– Сегодня стандартная погода? Сегодня же 19-ое августа – день путча. Как и должно быть?

– А-а-а, ну да..., Правда ведь... Девятнадцатое. Погода наша очень переменчивая. Вот недельку стояла прекрасная. Заморозков ещё, правда, не было. Где-то в середине августа у нас уже заморозок бывает. А путч-то разве не в 92-ом? А-а, в первом.

– Кроме волнения на озере, какие ещё события случаются?

– Штормы бывают. Балла

на три, белые гребешки... Нет, сегодня не шторм. Бывает такой, что оё-ё-ёй. Не проехать. В прошлом году было очень мало воды, сюда совершенно даже на лодке сложно было проехать. Озеро обмелело очень. Две лодки туринских ребят пробились и всё. В этом году воды много. Туристы стали появляться. Поставили, вы видели, новый крест... Приезжали, освятили его из Красноярска, высшие духовные чины приезжали, губернатор, освятили крест. Это как бы географическое общество приезжало от Шойгу.

– Сама рыбоедка?

– Не очень.

– Но самая вкусная рыба в Виви?

– Кумжа. Редкая. Красная рыба типа форели. Голец есть, тоже красная, он посуше немножко. В основном, сиговые, речной сиг один, озёрный сиг – другой вид, ещё и горбатый сиг мочегор.

– В прошлой жизни – до Виви – Светлана Анатольевна чем занималась?

– В прошлой жизни я электрохимик. Работала в технологическом институте в Красноярске.

– Закономерный переход из электрохимиков в отшельники?

– Абсолютно нет. Думаю, единственный случай перехода. Перестройка. Была лаборатория, сократили. Уже 15 лет как в Туре. Конечно, приезжаю в Красноярск, встречаемся с бывшими сослуживцами, друзьями. Они очень удивлены, что я здесь.

– Никто не захотел бы повторить подвиг?

– Вряд ли. В Туре разговариваю с женщинами, они тоже: ой, я бы поехала, тоже бы пожила. Но на недельку, не больше. Меня ж всё здесь устраивает. От этого мира суетного, который там, уходишь от всего, от денег, от магазинов. Сестра мне говорит: «Как это ты так можешь там жить. Ты даже не можешь платье красивое одеть». «А мне надо?»

– Свобода не угнетает?

– Нет, нет. Я беру сюда книжек 50, беллетристику, в основном. У меня электронная книжка, закачано около тысячи книг, я читаю. Есть ноутбук, смотрю, фильмы скачиваю. Интернета нет, к сожалению. Фильмы смотрю те, которые в прошлом сезоне были. Не очень отстаём.

– Сказала: «к сожалению», Интернета нет. Может, к счастью?

– Может, к счастью. Некоторые: «Ну как ты там без Интернета?» Да очень просто. Место приветливое. Место хорошее. Те, кто здесь побывал, настолько счастливы! Один приезжал из Туры парнишка: «Ой, как я счастлив, я в центре России».

Здесь понимаешь и осознаёшь: это точка, где время переливается в пространство, а пространство – во время. Это какая-то машина времени. Взял и – выпал из времени. Но выпадаешь в будущее.

Эвенкийское озеро Виви, вытянувшееся по меридиану на добрую сотню километров, в южной своей части, где из него выпадает стремительная речушка Виви – волею географической судьбы – едва ли не самое уникальное место в нашей стране. Добраться до него не просто сложно – невозможно сложно. Первый помощник – вертолёт, в большую воду можно весной по рекам. Или... Или, как в старинной песне поётся: бежал бродяга с Сахалина. Пешком, напролом – по тайге и тундре, вперёд!

Попасть на Виви, добраться до российского ГеоЦентра сложно. Дорого. Всё стоит серьёзных денег: вертолётный керосин, найм проводников, смена пилотов, снаряжение.

Хорошо, что существует Высший Горный Совет, который возглавляет земляк из ишимского Карасуля и первый тюменский губернатор Юрий Шафраник, который по стране помотался, но до центра России добраться ему пока не удавалось. Уговаривать его долго не пришлось, но размышлял он долгонько. А при всяком непредвиденном расходе фундаментально чесал в затылке. Кому нынче дёшево обходится познание родины?

Почему здесь поминальная часовня в честь Сергия Радонежского? Кто додумался?

Перекличка понятна. Мощная Россия начиналась с личности на Куликовом поле.

И если центр российской державы сегодня здесь, в Сибири, в Азии, и мы – страна на два континента – это подвиг тех личностей, которые и составляют народ. У освоения сибирской России до Тихого океана нет личного имени. Это народное освоение.

Иван: Помню, бригада приехала. Золотарёв губернатором был, Юрий Иванович, начали строить часовню. Погода установилась, как будто на этом бугре рай, а по всем углам в округе – мрак: дождь, тучи, небо за-

тянуло. Строили один год, здесь же пилили лес, часовня из местного леса, не привозной брус, поставили. Юрий Иванович летел чё-то долго на завершение. В Туре погоды не было, а сюда прилетели, начали ставить крест с куполом – погода установилась. Купол поставили. И сразу над ним радуга засияла. Сразу просияла и как бы здесь поселилась. Как только солнышко взойдёт-выйдет, так вот и она, радуга обязательно. Живёт как прописанная. Постоянно. Мы такого раньше не замечали. Мы напротив же живём, утверждать не возьмусь, раньше не поглядывали что ли... Но сейчас каждый день радуга. Только солнышко, тучка проходит, солнышко появится, обязательно радуга будет. Прямиком над часовней. Отчего – почему так, не знаю. Кто бы мне объяснил, что такое радуга вообще и почему она здесь как привязанная.

– Так... Чудо дивное. А над поместьем Иван Николаевича – радуга бывает?

– Конец её. Конец радуги, он у меня. Другой конец. А там прям своя радуга. Собственная. Бывает, допустим, над озером падает: этот конец туда, а бывает именно над часовней. Аура что ли над этим местом? Самая настоящая разноцветная радуга, которая только есть.

– Наверное, не простое место?

– Туристы прилетают, ставят свечки. Просто летают, не рыбачат, прилетят паломники, кто-то пошепчет, помолится и всё.

– А сам свечку поставил?

– Да не одну.

– О чём молился?

– О разном. Бывает другой раз в шторм попадаешь, не то, что замолишься, а много чего у боженьки попросишь. Бывает.

Омельчук: Никогда не задавалась вопросом: «А почему центр России именно здесь»? Не случайно же?

Светлана: Конечно, определяли градус, параллель-меридиан. Чистая математика. Но место особенное на самом деле. Радугу видела я, над озером радуга. А как часовню поставили – над часовней постоянно своя маленькая радуга.

– Даже радуга знает, что здесь центр России?

Светлана не ответила. Заплакала. В самый казалось бы неподходящий момент, смотря на противоположный часовенный берег и, озаряясь лицом, Светлана расплакалась. Слёзы набежали, говорить не смогла. Замахала рукой. Почему она так внезапно заплакала? Не тот момент, когда надо лезть с вопросами.

О чём плачущая женщина? О чуде, которое происходит? о неумолимости времени? о счастье жизни, которая проходит? о поднявшемся ветре, который погнал штормовые белые барашки по взволновавшейся Виви?

Она смутилась сама, хотя не могла остановиться. Но сама, пожалуй, разберётся, если надо разбираться.

Плато Путорана. Окрестности озера Виви. На ум приходит дежурное сравнение: пейзаж – марсианский. Ландшафт внеземной. Иной. Но тут же следует пресечь себя: да нет, как раз земной. Наш. Нашей планеты. Чисто земной. Но, понятно, космической. Космос земли. Просто многие из нас первозданной матушки-земли не видели. Она здесь, в центре державы. Державное место.

Может, в этих местах наша планета была, как каменный мяч с ровной каменной поверхностью, где не место водам. И только потом появившаяся вода порезала идеально ровную поверхность-плоть потоками, ущельями, реками, оврагами, озёрами, равнинами. И оставила на память. Здесь не увидишь гор – пирамид, кругом длинные горы – столы. Идеальные космодромы для приёма инопришельцев и их космолётов.

Плато Путорана.

Чего тут думать?

...утром рано из Зурбагана...

Кто в своё время не пел про бригантины?

это навек – юно с юности

на твой век: и в 1966-м, и в 2014-м.

утром рано на Путорана...

Когда работаешь на Таймыре (я полсотни лет назад работал в Дудинке) – понимаешь: плато Путорана никуда от тебя не убежит. Рано или поздно. Зачарованно.

Кто скажет, попав в эдакую сибирскую глухомань, что здесь не просто географический центр, а центр цивилизации?

Иван, Светланин муж, и скажет.

Центр естественной нетронутой неискажённой России.

Цивилизация тишины.

Фото: Эдуард УЛЫБИН

Олег ХИМАНЫЧ,
морской историк

ПОСЛЕДНИЕ ПРЕДАНИЯ О ЛИДЕРЕ «БАКУ»

В биографии известного корабля Северного флота осталось множество загадок. Молва приписала ему многое из того, что не было, а официальная история скрыла, то, что с ним было

В 1988-м на Соловецких островах работала экспедиция Министерства культуры РСФСР. И тогда, недалеко от входных створов залива Благополучия, её участники обнаружили остатки боевого корабля времён Великой Отечественной войны. Экспедиция обследовала и посчитала их брошенным корпусом лидера эсминцев «Баку». Сведения попали в печать, и на страницах сразу нескольких газет разгорелся спор: действительно ли на отмели близ Соловков покоится известный североморский корабль?

Среди тех, кто поддержал версию министерской экспедиции, как помнится, нашлось немало бывших североморцев, которые к тому же утверждали: прежде чем оказаться на камнях, корабль был расстрелян крылатыми ракетами. При этом всякий раз они поминали недобрым словом Никиту Сергеевича Хрущёва, считая его едва ли не самым главным виновником столь бесславного конца бывшего флотского флагмана. Они были искренне убеждены, что демонстрационные пуски ракет по «Баку» велись для Н.С. Хрущёва и с его ведома. Надо сказать, первые такие разговоры начались в 1962-м, когда генсек и предсовмина посетил наши края. Спустя четверть века находка у Соловков как бы дала пересудам новый импульс.

Краснознамённый лидер эсминцев «Баку» после модернизации на городском рейде Архангельска в День ВМФ, 50-е.

Курсом флагмана

Во время Великой Отечественной лидер «Баку» являлся одним из самых известных кораблей Северного флота, хотя, если быть точным, то в списках последнего он появился лишь осенью 1942 года, прибыв с группой дальневосточных кораблей для усиления надводных сил, и вошёл в состав 1-го дивизиона бригады эсминцев. На долю корабля выпали нелёгкие походы: он защищал не только наши внутренние коммуникации, бывал и на внешних – четырежды ходил в во-

ды противника, из них дважды с набеговой операцией на опорную базу немцев в Варде.

Вплоть до прихода (во второй половине августа 1944 года) «Архангельска» – ленд-лизовского линкора, «Баку» практически являлся флагманским кораблём североморцев. Всего, как подсчитано, в годы войны лидер прошёл свыше 42 тысяч миль, участвуя в проводке 29 союзных и внутренних арктических конвоев. Много это или мало? Будем объективны: по сравнению с аналогичными кораблями американцев и англичан, действовавших на огромных пространствах Атлантики, Тихого и даже Индийского океанов, показатель «Баку» довольно скромный. По меркам же нашего Северного флота времён войны – немало.

6 марта 1945-го экипаж корабля был награждён орденом Красного Знамени. *«За образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленное при этом мужество»* – так сказано в представлении. Иными словами, у лидера эсминцев «Баку» имелась та репутация, чтобы со временем войти в число наиболее часто упоминаемых в нашей исторической литературе кораблей, а затем, примерно к 40-й годовщине Победы, и вовсе получить эпитет «легендарного».

Когда закончились бои

В Молотовске корабль тоже хорошо знали. Имеется в виду послевоенный Молотовск, завод № 402, куда лидер пришёл на капитальный ремонт. На той «капиталке» корабль простоял очень долго – 5 лет 7 месяцев и 21 день. Объясняется это главным образом тем, что в ходе неё кораблю предстояла ещё и модернизация. Технический проект её, кстати, разрабатывали сами заводчане. И второе, пожалуй, основное: опыта подобных работ у молотовчан на тот момент не было, а лидер эсминцев действительно представлял собой технически сложный корабль. К тому же, по свидетельству ветерана предприятия Вячеслава Фёдоровича Усынина, изрядное количество проблем возникало из-за того, что «не было замены многому из вышедшего из строя».

Все мои собеседники, без исключения, заставшие «Баку» у молотовского причала и в северном доке цеха 50, восхищались внешним его совершенством – обводами корпуса, архитектурой надстроек. Лидер являл собой боевой корабль «с типичным итальянским дизайном», как сказали бы сегодняшние ценители внешних форм.

В том не было ничего удивительного, поскольку проект его разрабатывался в то время, когда Советский Союз ещё крепко «дружил» с Италией, и немало ведущих советских кораблестроителей стажировались на её верфях. «Заимствований» тогда было сделано много. К слову, по той же причине известные наши эсминцы проекта 7 походили на эсминцы флота Муссолини, а наш первый советский крейсер отечественной постройки «Киров» имел итальянского двойника – «Эудженио ди Савойя».

С «Баку» же и вовсе история особая, поскольку типовой предшественник всех советских лидеров – «Ташкент», вообще строился в... Италии.

Как вспоминали и вспоминают участники ремонта и модернизации «Баку» на заводе № 402, многое им было в диковинку – лёгкая, но прочная сталь, необычные элементы набора и подкреплений корпуса, в машине – оригинальные, даже остроумные решения с расположением отдельных механизмов и узлов. Так что на Краснознамённом корабле многие из ныне известных северодвинских судостроителей не только работали, но и учились.

Корабль у завода приняли представители Балтийской группы приёмки 21 июля 1954-го. Однако командиру обновлённого «Баку» капитану III ранга П.М. Кочубееву не пришлось вести его на Север. За пять месяцев до сдачи корабль приказом командующего переквалифицировали в эсминец и передали в состав Беломорской флотилии. Но по большому счёту судьба этого чисто артиллерийского корабля была предрешена, когда он ещё стоял в наливном бассейне цеха 50. Флот стремительно перевооружался – осваивал ракетную технику, и нужда в корабельных пушках быстро отпала. «Баку» отрядили обеспечивать все виды испытаний новых кораблей в Белом и Баренцевом морях. И хотя в этом качестве корабль служил недолго, северодвинцы его запомнили.

Затерянные следы ЧП

Тысячи миль прошёл лидер «Баку» в годы войны. Однако серьёзные неприятности настигли корабль уже после

неё. Сегодня, по крайней мере, достоверно известно о двух таких ЧП. Оба они случились уже после того, как лидер прошёл капитально-восстановительный ремонт на молотовском заводе № 402. И в том, и в другом случае последствия аварий устранялись там же – на заводе № 402. Довольно продолжительное время сведения об этих эпизодах в моём архиве занимали место в разделе так называемой неподтверждённой информации, и попытки узнать подробности, получить свидетельства оказывались безрезультатными. Не знаю тому определённой причины: то ли известные перехлесты в секретности того периода, то ли специфическая способность российского бытия основательно стирать страницы летописей, но обстоятельства стали проясняться спустя 40 лет после событий.

В 1998 году появилась моя газетная публикация о судьбе лидера «Баку» уже после его вывода из состава действующих. На этот материал откликнулись очень многие читатели старшего поколения, и... отложенное в дальний ящик письменного стола моё расследование наконец-то сдвинулось с мёртвой точки.

Первым позвонил Александр Иванович Поташев, капитан II ранга в отставке, бывший военный гидрограф. В 50-е его судно ходило на промеры в район западнее Мезенской губы Белого моря, и там от промышлявших по соседству рыбаков он узнал, что «Баку» со всего хода напоролся на отмель у острова Моржовец.

Затем ветеран Севмашпредприятия Иван Иванович Воробьёв, также по телефону, поинтересовался, известно ли мне о том, что уже после капитального ремонта в Молотовске «Баку» едва не лишился носовой части в результате столкновения с другим судном. К слову, были и другие любопытные сообщения читателей, но они, правда, больше походили на пересказ слухов.

Признаться, про столкновение «Баку» я слышал, даже нашёл кое-какие зацепки в своих же записях, но не более – ни точной датой, ни подробными обстоятельствами происшествия я не располагал.

Наконец его величество случай распорядился так, чтобы в редакцию обратился северодвинец Павел Андреевич Шипов: бывший моряк лидера – не просто очевидец, а непосредственный участник двух упомянутых ЧП. Благодаря ему и удалось выйти на более или менее точный след.

Тесным оказался рейд

В тот день на акватории завода № 402 работали земснаряд и грунтоотвозная шаланда: обычная работа технического флота по чистке и углублению дна. День был ясным, но ветреным...

«Мы шли с моря, – рассказывал старшина трюмных лидера «Баку» П.А. Шипов, – *и к причалу должны были стать под буксирами. А у них кранцы, сами знаете, – жалко борт испачкать, и командир решил швартоваться сам. Решить-то решил, а с задачей не справился: не учёл парусность. Корабль наш понесло прямо на шаланду. И носом! У той борта крепкие – швеллеры стоят будь здоров! А у лидера какой металл – почти жесть».*

Случайным свидетелем этого столкновения стал и северодвинец Е.А. Добродеев, в ту пору – студент 4-го курса молотовского техникума, проходивший практику на одном из лихтеров, что стояли у заводского причала. Евгений Андреевич описывает увиденное так:

«Манёвры корабля были непонятны – он двигался то вперёд, то назад, и это продолжалось минут пятнадцать, пока не произошло то, что заставило меня непроизвольно вскрикнуть: своим носом «Баку» воткнулся в ограждение земснаряда на уровне полутора-двух метров над водой! Винты корабля выбрасывали из под кормы мощные струи воды – лидер работал полным задним ходом до тех пор, пока между корпусами «Баку» и земснаряда не образовался просвет....»

Рассказ Евгения Андреевича дополнил В.А. Некрасов:

«В тот день многие заводчане оказались на берегу и видели, как «Баку» пришёл с моря. Корабль тогда ударился дважды: первый раз в шаланду, потом отработал назад, дал ход вперёд и... врезался ещё раз, уже в земснаряд. После этих столкновений лидер ушёл и стал к пирсу угольного причала».

«Мы сразу поняли, что на «Баку» неладно: либо у них на мостике зевнули, либо отчего-то не могут подрабатывать машинами – корабль несёт, он не управляется, – продолжил рассказ ветеран Архангельского техфлота Ф.А. Демидов. – *Мат,*

скажу вам, стоял крепкий. Сами-то мы уклониться не могли, уж больно поздно. Вот и «боднул» он нас так, что на шаланде зазвенело всё – от посуды до машины. Но всё же, могу сказать, легко отделались – к вмятинам нам не привыкать».

На «Баку» сыграли тревогу.

«Мы побежали на нос, – вспоминал П.А. Шипов, – *В общем, завернуло его метра на два... Командир было дёрнулся, мол, своими силами отремонтируем. Да где там!»*

Повреждения оказались большими, а всё столкновение по своим последствиям потянуло на ЧП: завод № 402 находился на пике сдаточной программы – в море на ходовых испытаниях находился заказ 301 – крейсер «Молотовск», а «Баку» должен был идти на их обеспечение. Лидер поставили около цеха № 36 – у сдаточного же, 9-го, где сподручнее всего было ремонтироваться, не нашлось свободного места: всё было заставлено эсминцами, которые завод на тот момент продолжал сдавать флоту.

Работы вели в основном рабочие цеха 7: слесари-сборщики, газорезчики, сварщики. Привлекли к «стахановским вахтам» специалистов из заводских конструкторов и технологов. Работали круглые сутки два-три дня. Иного выхода просто не было. Это понимали все, саму мысль о срыве ходовых «Молотовска» не допускали. Сумели даже обойтись без постановки корабля в док, так сказать, меняли нос лидеру на плаву – случай, конечно, в своём роде редкий.

Виктор Александрович Некрасов:

«Потом мы спрашивали главного инженера завода Фомина, который курировал ремонт, понёс ли кто наказание за аварию? За чей счёт ремонт? Фомин ответил, мол, мы на чужом горе своё благополучие не строим... Мы поняли, что все работы по «Баку» производились бесплатно, то есть за счёт завода, а наряд-заказ на ремонт даже и не открывали».

Лидер «Баку» на зимнем отстое в Молотовске (Северодвинске), около 1957 года.

В итоге – «Молотовск» и «Баку» вышли в море одновременно. А вот разбиралось ли с этим ЧП флотское начальство, хотя бы на уровне дивизиона, и по сей день неизвестно.

Хлебнули машины песка

В августе 1955-го в Белом и Баренцевом морях шли учения. Работали несколько эсминцев, подлодки, сторожевики, правда, без артиллерийских стрельб. «Баку» и эсминец «Разъярённый» были в северо-восточной части Белого моря – каждый со своей задачей.

Ясный полдень, не шторм, прекрасная видимость – никаких поводов винить неблагоприятную обстановку. И вновь ЧП! В районе Моржовца «Баку» шёл под одним, первым котлом – 28 узлов – скорость приличная. И вот с такой завидной лихостью 3600 тонн боевого корабля внезапно... вылетели на мель!

Потом уже выяснилось: корабль шёл, а мостик его пустовал: ни командира, ни вахтенного офицера, ни штурмана, один матрос-рулевой.

Слово очевидцу и участнику того происшествия – старшине 1 статьи ПавлуАндреевичу Шипову:

«Удар был настолько сильным, что днище сгофрировало. А там – мазутные цистерны. Мазут потёк под горячим котлом. Надо гасить. А как? Циркуляционные насосы через водоприёмники захлебнулись песком. Вскрыли машинные холодильники по бортам – то же самое. Песка не меньше кубометра. Аврал! БЧ-2, вооруженцы, минёры – все вниз! Тазами, вёдрами песок черпать, наверх его – и за борт!»

Чтобы сняться своим хо-

дом, на «Баку» ввели третий котёл и дали самый полный назад. Корабль задрожал, напрягся 22 тысячами лошадиных сил – бесполезно! Вода тем временем уходила – отлив, и, очевидно, чтобы каким-то образом уменьшить посадку на грунт, командир решил, что называется, «раскачать корабль».

Всех, кроме вахты – офицеров, старшин, матросов (около двух сотен человек) – собрали на верхней палубе. Торпедные аппараты и артиллерийские орудия здесь развернули так, чтобы между трубами и стволами последних образовались проходы, достаточные, чтобы по ним с одного борта на другой могли перебегать люди. Экипаж выстроился вдоль борта. Затем всё происходило по командам с мостика: моряки попеременно и дружно... бросались с одного борта на другой. Раз, второй, третий. Однако и тогда ни расчёты, ни надежды не оправдались – «Баку» плотно сидел на грунте.

Спасли корабль начавшийся вечерний прилив и посвежевший ветер: нагонная вода «приподняла» лидера, и тот, работая всеми машинами, смог наконец сползти на глубину.

Утром следующего дня «Баку» был в Молотовске. Швартовались на Яграх, у понтонного причала, он тогда располагался напротив цеха № 42 завода. К возвращению корабля прибыли офицеры особого отдела. Подали трап, и они поднялись на борт. Дела свои они знали: сразу же изъяли вахтенные журналы — в штурманской, в машине, опечатали главные механизмы. Командира, вахтенного офицера и штурмана увезли на одной из автомашин.

Позже прибыли водолазы. Ушли под воду, метр за метром прощупали днище. Нашли деформации, но сочли их неопасными. Поэтому и на сей раз обошлось без постановки в док.

Обратно на «Баку» Л.М. Кочубеев уже не вернулся, а спустя какое-то время весь дивизион узнал: понижен в должности – назначен старпомом на старый эсминец «Разъярённый». Но и там служба не шла. Удалось выяснить: с эсминца бывший командир «Баку» ушёл командиром отряда аварийно-спасательных судов, что тогда означало лишь одно: крест на карьере боевого офицера.

«Баку» после той аварии принял новый командир – капитан III ранга М.Б. Полинский.

Тут есть момент, объяснить который из послевоенных флотских так никто и не смог: за столкновение на рейде командир наказан не был. Во втором случае последовало лишь понижение, не в звании, в должности, хотя за тот же свёрнутый шаландой нос – по меркам лета 1955-го можно было бы и вовсе погон лишиться. Правда, в отношении последствий второго ЧП есть следующая версия...

В тот день, когда «Баку» налетел на мель близ Моржовца, на борту его находились командир бригады эсминцев Северного флота со всем своим штабом и флагманский штурман. *«А когда много начальников, бдительность уменьшается и ответственность – тоже»*, – резюмировал по поводу этого происшествия контр-адмирал А.В. Петерсон, с которым мы обсуждали события 45-летней давности. Так что исключать момент «заступничества за командира» со стороны вышеупомянутых чинов при разборе обстоятельств ЧП, очевидно, не стоит.

Цена парада

Краснознамённым лидером «Баку» со времени его выхода из капитального ремонта в Молотовске командовал капитан III ранга Л.М. Кочубеев. Послужного списка его найти не удалось. Те же сослуживцы его, с кем довелось свидеться или списаться, говорили о нём не слишком лестно: тяжёлый человек, амбициозный, с нижними чинами, которые, думается, не случайно прозвали его Кочубеем, держался высокомерно. По крайней мере, контр-адмирал Анри Викторович Петерсон (в бытность свою командиром эсминца «Разъярённый», куда «списали» Кочубеева в старпомы) признался мне, что всячески противился его назначению на свой корабль.

«Как командир он был слаб, – признал П.А. Шипов. – Вот строевую он знал хорошо. Весь корабль маршировал...»

А не кроется ли в этом одна из причин просчётов командира «Баку»? И каких?! При отсутствии навигационных сложностей не рассчитал манёвр на рейде, не учёл парусности, позже – совсем уж из ряда вон – на полном ходу оставил управление кораблём без присмотра... Что это: низкий уровень подготовки? Отсутствие опыта? Халатность?

«Вы взялись написать о необычном времени, – пояснил К.С. Субботин, отставной офицер, тёртый моряк. – *Всего-то несколько лет, но каких?! Флот тогда из воевавшего, действующего начал превращаться в нечто иное. Число выходов в море уменьшилось, тревоги и цели стали учебными. Для многих из тех, кто раньше четыре года ходил под смертельной угрозой, наступило совершенно иное время, вернее, состояние. Расслабуха...»*

Служивший по машинной части, он и образ тому подобрал соответствующий: *«как если бы с «реверса» сразу на «стоп» перейти – крепёжные болты слабнут. Хотя и не сразу...»*

Разговор этот поддержал П.А. Кабанов, бывший флотский минёр:

«На старослуживых, фронтовиков всё это и впрямь действовало дурно. Дело прошлое, но в иных экипажах многие к рюмке потянулись. Были и такие, кто откровенно спивался, особенно много их было среди подводников...»

К слову, подтверждение сказанному Петром Афанасьевичем я нашёл в дневниковых записях офицера-подводника Марка Васильевича Пуссе, который как раз в ту пору пришёл в подплав молодым штурманом.

По признанию К.С. Субботина, скорее всего, именно тогда первый раз после войны морская профессиональная выучка на нашем флоте захромала. Самое паршивое состояло в том, что при бытовавшем раскладе вещей благополучную офицерскую карьеру вполне можно было выстроить и не по своему профессиональному заведованию. Желаемое быстрее достигалось и должным уровнем «политической подготовки», и даже неустанной муштрой своих подчинённых для отличия в смотрах и парадах.

Моряки-ветераны корабля в Доме офицеров флота в Северодвинске, 1962 год.

«Недели не проходило, чтобы нас на плац не гоняли, – вспоминал А.И. Поташев. – *Дивизиону в поход вот-вот идти, стрельбы главным калибром сдавать, а у нас с утра и до вечера шагистика: майские праздники и смотры впереди. И так на всех кораблях. Помню, командир наш с помполитом по этому поводу не раз лаялись. Так ведь тогда уже на командира управа была. Эх, не флот а парад!»*

Эту последнюю фразу старый моряк произносил довольно часто, она бытовала в его лексиконе как универсальная присказка. Первое время смысл её мне не был ясен, пока я не понял, что под словом «парад» он имел в виду вовсе не торжественный смотр воинского соединения, а некую показушность, ненужную, даже вредную для дела суть. Не этот ли «парад» стал виновником двух ЧП с бывшим североморским флагманом?

Расстрелять!

Последние годы «Баку» сложились прозаически – по сценарию, уготованному большинству старых военных кораблей. В 1959-м (всего через пять лет после капиталки) его разоружили, и он стал... плавказармой. Ещё позже бывший лидер решили использовать как судноцель. Именно этот момент и послужил в дальнейшем основанием для многих считать, что крылатые ракеты поразили на полигоне именно «Баку». Но это не так.

Во время визита Н.С. Хрущёва на Север действительно проводились показательные ракетные стрельбы. По ут-

верждению некоторых, ракеты стартовали тогда с Ненокского испытательного полигона ВМФ. Правда и то, что мишенью служил бывший лидер эсминцев. Но только не «Баку», а однотипный «Ленинград». Подтвердить это официальным запросом в архив, к сожалению, долго не удавалось – военно-морское ведомство упорно не желало расставаться с секретами даже такого порядка и такой давности. Свидетелей и очевидцев найти было ещё сложнее. И всё-таки они нашлись. Случайно, и только через много лет.

Ветеран-водолаз Севмаша Михаил Семёнович Барсамов в 1962-м служил в 79-м аварийно-спасательном отряде Беломорской флотилии, который обеспечивал те ракетные стрельбы. Он-то и поведал о последних часах «Ленинграда». Более того, предоставил фотоснимки с места событий.

Корабль стоял на якоре в Кандалакшском заливе в районе Чупа-губы. Его на самом деле поразили две ракеты. Одна прошила надстройку в районе радиорубки, вторая угодила чуть выше ватерлинии и «продырявила» машинное отделение. Когда подошёл буксир, «Ленинград» с небольшим креном оставался на плаву. Завели тросы, поставили понтоны. Но дело было к вечеру, и тащить корабль из полигона решили утром. С рассветом же «Ленинград»... исчез с поверхности моря! Стали разбираться и выяснили: он принял много воды и лёг на грунт. Повезло, что глубины оказались здесь небольшими. Дали воздух в понтоны, и он всплыл. Буксировать предстояло в Северодвинск. Однако на переходе выяснилось, что повреждённый корабль, образно говоря, «едва живой». Опасались, как бы он не затонул на узком входном канале в порт. В конце концов, от греха подальше «Ленинград» бросили на отмели у Соловков – на малой воде с восточной стороны острова Сенная Луда, и сегодня видны его разбитые конструкции.

Остатки лидера «Ленинград» (ЦЛ-75) после попадания в него крылатой ракеты. Белое море, полигон, 1962 год.

Что касается «Баку», то летом 1964-го его привели в Архангельск, вытащили на осушку у известного многим острова Краснофлотский, и там уже за несколько месяцев газорезчики Вторчермета раскромсали корпус безжизненного корабля.

Отчего же столь живучей оказалась ошибочная версия-легенда о расстреле лидера «Баку» ракетами? Думается, не последнюю роль здесь сыграл тот факт, что с середины 50-х целую группу известных североморских эсминцев перевели в разряд опытовых кораблей, чтобы затем перетопить их в ходе различных испытаний новых видов вооружения. Например, у Новой Земли под молот и жар ядерных взрывов подставили эсминцы «Урицкий» и «Разъярённый», Краснознамённые «Валериан Куйбышев» и «Грозный». Их участь разделил и гвардейский «Гремящий». Так что у ветеранов был серьёзный повод держать обиду. В этот же список их молва «внесла» и лидера «Баку», как помните, также переклассифицированный в своё время в судно-цель.

Около полувека назад это засекреченное уничтожение кораблей отечественной боевой славы творилось с ведома и по директиве адмирала Н.Е. Басистого. У Николая Ефремовича, моряка, офицера, участника Великой Отечественной войны, рука была твёрдой. Подписывая документы, она не дрогнула.

г. СЕВЕРОДВИНСК

Все фото из архива Олега Химаныча

Алексей ПОЛУБОТА

ПРОМЫСЕЛ

Да, вот здесь, на этом самом месте, на углу бывшей школы мы с отцом чуть не столкнулись с моей учительницей русского языка и литературы. Не знаю, разглядела ли она в серых предутренних сумерках одного из самых прилежных своих учеников. Вряд ли – посмотрела она тогда на нас странными, даже испуганными глазами.

Видок у нас и впрямь был не очень-то внушающий доверие одинокой женщине, пробирающейся тёмной улицей на работу. Грубые потёртые ватники, сапоги до колен, торчащий из рюкзака коловорот, связки лесных лыж… Родители отпросили тогда меня на один день из школы ради рыбалки. Бывает, совсем незначительная, вроде бы, встреча, подробность жизни западёт в память, как неприметная цепкая семечка, и ждёт терпеливо, чтобы через многие годы вдруг прорасти соцветьем воспоминаний…

Мне было тогда одиннадцать. Больше четверти века прошло. Но тот мальчик, который чувствовал себя счастливым от того, что его взяли на рыбалку, и гордился резиновыми сапогами до колена, оказывается, никуда не делся – вот он, на несколько мгновений встрепенулся во мне.

Мы с отцом спускались с вершины крутой сопки, где был тогда наш дом.

Шли по спящему ещё городу к вокзалу. Всё почти как сейчас.

Город в предутренних сумерках кажется почти не изменившимся. Всё те же знакомые с детства очертания зданий обступают нас. Разве что незримо потяжелели они, осели в землю под тяжестью прошедших лет. А в морозном воздухе, как и тогда, неуловимо веет свежестью близкой весны. И так же загадочны мурманские фонари, дрожащими нимбами раздвигающие вокруг себя сиреневую мглу. И на дорогах в этот ранний час почти нет машин. И можно идти прямо по пустынным руслам главных городских улиц. И так же, как и тогда, радостно и тревожно покрикивают откуда-то из дворовых закоулков вечно бессонные чайки, и закрывают уставшие за ночь глаза неяркие весенние звёзды…

Вот только людей, что досматривают сейчас последние сны в окружающих нас домах, теперь, наверное, поменьше. Да и стали они иными.

Жива ли та самая учительница, что задолго до начала уроков пробиралась зачем-то в школу? Зачем, кстати? Наверно, хотела получше подготовиться к уроку или проверить тетрадки с очередным диктантом, на которые не нашлось времени и сил накануне вечером. Пришли ли ей на смену учителя, готовые вот так вставать в темноте, чтобы добросовестно выполнить свою работу?

Не помню уже, как звали ту учительницу – в этой школе я проучился меньше года. Но помню, как рассердившись на что-то, кажется на разбитную шутку классного остряка, она буквально зашипела на нас: «Сыты, обуты, одеты – чего ещё надо?! Радуйтесь жизни, учитесь, слушайтесь взрослых».

Видимо, чувствовала она в нас ростки чего-то враждебного ей, что спустя всего 5 лет, опрокинет привычный для неё, но уже надломившийся мир, где много трудиться – благо, скромность – достоинство.

А ещё запомнился восторг, когда открыв тетрадку с проверенным ей сочинением, увидел там две красавицы-пятёрки. Через чёрточку. За содержание и грамотность. Получить такие оценки у этой учительницы было очень непросто. Сочинение было на извечную тему: кем хочешь стать. Я мечтал тогда о профессии лётчика-испытателя, о «головокружительных виражах» и «бескрайней синеве» неба. И мне казалось, что эти «пятёрки» бы-

ли, как приглашение в ту самую головокружительную судьбу, о которой мечтал. Оторвавшись от тетрадки, я восторженно посмотрел на учительницу. Наши взгляды встретились. Но она, наверно, побоявшись сорвать со своего лица намертво приставшую к нему плёнку строгости, тут же отвернулась.

Лётчика из меня не вышло – ещё в юности врач заказал мечтать об этой профессии из-за моего хронического отита.

Интересно, а хоть кто-то из ребят, освоил профессию, о которой писал в тех сочинениях?

Да и много ли из них осталось жить в родном городе?

Сам я уже полтора десятка лет бываю в Мурманске лишь наездами. И когда доводится проходить мимо здания этой бывшей школы, где-то в душе нет-нет, да мелькнёт сожаление, что не приходят сюда больше шумливые школьники, ровесники того меня, который учился здесь. Школу давно уже переделали в колледж. Наверно, из-за того, что меньше стало в городе детей...

Да, многое внешне кажется таким же, как и четверть века назад. Даже рюкзак на мне очень похож на те, что шили тогда. Такой же неброский, потёртый, но ещё крепкий. И также торчит из него коловорот. Вот только рюкзак и коловорот уже не отцовские. Да и сам отец сейчас за две почти тысячи километров отсюда, в тверском городке. Так и не согласился поехать со мной, отмахнулся, сославшись на больные ноги и на какие-то неотложные (это в марте-то...) огородные дела.

А рядом со мной давний отцов друг Михаил Александрович. Это он навязал мне свой рюкзак, вместо моего, современно-щеголеватого, но менее вместительного. «Рыбу складывать некуда будет», – в полушутку сказал он, заставив спешно перекладывать уложенные с вечера вещи.

Да, ещё в Москве я догадывался, что особой романтики в нашем походе не будет.

– Для меня рыбалка – это промысел, – обозначил по телефону «формат» нашего предприятия мой старший товарищ.

И всё же я согласился пойти с ним. И совсем не только потому, что больше мне в Мурманске идти в зимнюю тундру было не с кем.

***

Мы подходим к тёмному, почти безлюдному вокзалу. Его звёздный шпиль смутно проступает сквозь сумрак. Огибаем это молчаливо-отрешённое сейчас здание, идём между облупленных вокзальных колонн, выбираемся на мост над железнодорожными путями. С него хорошо видно северную часть города: зияющий чернотой залив, полусогнутые шеи портовых кранов, одинокие суда у причалов, скученные портовые сооружения. За ними – приземистые скобы сталинских домов, а выше, на склоне могучей сопки панельные шеренги многоэтажек. И над всем этим – бессонный маяк мужества, памятник заполярному Воину Алёше в золотисто-оранжевом сиянии.

Я опускаю глаза вниз, смотрю на немой перрон под нами. Отсюда я пустился в главное странствие в своей жизни, из которого не вернулся до сих пор. Двадцатилетним молодым человеком, полным надежд, тревог, и гордости, что удалось поступить в Литературный институт, я уезжал в Москву.

Да, на этом вот безлюдном, даже нелюдимом сейчас перроне стояли тогда мои молчаливые, растерянно улыбавшиеся родители. В их лицах отражался пронзительный свет ранней осени. Друзья скрывали за грубоватыми порой шутками волнение разлуки, переполнявшее наши молодые души. Во мне звенели, искрились, как тугие алые гроздья на мурманских улицах, строки песни, на которую я наткнулся на волне какой-то радиостанции перед самым выходом из дома: «Вей-бей проруха-судьба, разбуди слов рябиновый слог...» Это была одна из моих любимых песен, и в том, что именно её довелось услышать в родительском доме напоследок, в том, что так подходила она этому щемяще просветлённому дню, я видел знак не случайности и важности всего, что происходило со мной в эти минуты. Я тогда как-то мало вдумывался в прямой смысл этих неумолчно звучавших во мне слов...

Когда поезд тронулся, двое, Денис и Вадим, побежали вслед, нарочито кривляясь. А Вадим даже умудрился зацепиться за что-то с той стороны вагона, и его весёлая гримаса маячила несколько мгновений в мутноватом подрагивающем стекле. Где сейчас это всё?! Неужели только в моей памяти и остался жить тот день?

Помнит ли о нём Вадим,

который два года спустя поехал вслед за мной в Москву, но не смог поступить в художественное училище, да так и полубомжует в столице, зарабатывая тем, что рисует портреты на Старом Арбате? И, вроде бы, есть возможность иногда встречаться, но мы оба понимаем, что после того, что случалось между нами за прошедшие годы, лучше не делать этого...

А Денис здесь, в Мурманске. Я слышал, что он любит вспоминать меня и «приколы» из нашей юности. Но и с ним всё не так просто. Потому-то виделись мы последний раз уже больше пяти лет назад.

– Вот наш транспорт, – говорит Михаил Александрович, – показывая на угольно чернеющий локомотив с единственным прицепным вагоном. Ни единого признака жизни не видно пока в этом одиноко замершем на втором пути странном поезде. Ещё за месяц до этой моей поездки, когда мы по телефону договаривались о рыбалке, Михаил Александрович сказал, что поедем на какой-то электричке, развозящей по глухим полустанкам железнодорожных рабочих. Я, привыкший в последние годы, с помощью расписаний в интернете выверять, порой поминутно, свои маршруты, долго сомневался. Всё искал, нет ли каких иных, более надёжных способов добраться до маленькой станции Пулозеро. Однако ничего толком так и не разузнал, и махнул рукой, решив довериться своему спутнику, как доверялся когда-то на рыбалке отцу, и как доверяются, наверно, теперь мне мои сыновья.

Мы спускаемся на перрон, сваливаем с себя громоздкие рюкзаки. В вагоне уже открыта дверь, еле приметно светится окно, напротив купе проводников. Михаил Александрович идёт туда договариваться. А честнее говоря – проситься. Вообще-то посторонних в этом вагоне

быть не должно. Кто знает, какое там настроение будет у хозяек этого одинокого вагона, и захотят ли они слегка рискнуть ради нескольких сторублёвок.

***

«Переговоры» проходят успешно. Вскоре мы проходим в тёплый, тёмный вагон с сидячими местами. Садимся на самые дальние кресла перед тамбуром – тут побольше места для нашей поклажи. Ехать всего километров 70, но из-за частых долгих остановок, как объяснил мне мой товарищ, на месте будем часа через три, не раньше. Поэтому я настраиваюсь подремать – позади две полубессонные ночи, а впереди – двое суток на ветру и морозе с ночёвками в безвестной мне рыбацкой избушке.

Однако сразу задремать не удаётся – вагон наполняют рабочие. Между сиденьями мелькают их оранжевые робы. Неторопливо рассаживаются, почти не обращая на нас внимания. Некоторые шумно здороваются друг с другом, чему-то смеются, обмениваются незамысловатыми новостями.

Я с интересом и даже какой-то завистью смотрю на них. Эти люди спокойны, чувствуют себя на своём месте среди своих. И, наверно, они уверены, что никто другой не сделает лучше их нужную людям работу. Я думаю о том, как редко встречал людей с таким самоощущением в тех редакциях и офисах, где мне приходилось работать...

Поезд нехотя, словно спросонья, трогается. Как в замедленном серо-белом кино проплывают за мутным окном портовые постройки. От многих из них веет неуютом заброшенности.

– Не понимаю, за счёт чего город живёт. Никакого производства нет. В порт суда с рыбой почти не заходят, на рейде – пустота. – Это Михаил Александрович, глядя, как и я, за окно, продолжает разговор, начатый вчера вечером. – Здания в порту, смотри вон, через одно продаются, с повыбитыми стёклами стоят. Заводы закрываются... И за что только люди деньги получают?

– В Москве в каждом втором магазине печень трески

мурманская продаётся. Угля через порт всё больше перебрасывают, – мне не хочется спорить, но я делаю это, лишь бы не поддаваться пессимизму, который веет от его слов. – Ну, а деньги... Сейчас каждый, как может, устраивается. Один мой одноклассник организовал рекламную компанию, на квартиру себе заработал. Ещё один – риэлтором вкалывает. Третий – на таможне. И что тут плохого?

– Вот я и говорю, молодёжь в обслугу подалась, а производство глохнет, – упрямо ворчит Михаил Александрович.

Я больше не спорю с ним. Знаю по вчерашнему разговору, что контору, где он работает, могут закрыть. Вроде как, с помощью спутников следить за ходом промысла в Баренцевом море можно и из Москвы. Здесь на родине я порой чувствую неловкость за то, что живу в столице, которая «всё под себя гребёт».

– Смотри, красота какая, простор! Где в своей Москве ты такое увидишь?! – полчаса спустя толкает меня Михаил Александрович, вырывая из полусна. Поезд уже проехал мост через бурливо-снежную Колу, за окном тянутся безлюдные сопки.

«Да, красота», – соглашаюсь я, хотя в сероватом свете начинающегося дня хмурые северные пейзажи не так уж живописны. Увязшие вкривь и вкось сосенки и ели, взъерошенные карликовые берёзы сиротливо торчат из сугробов.

Впрочем, настоящая красота природы, я уверен, это далеко не только те эффектные, зачастую однотипные пейзажные картинки, какими любят щегольнуть полупрофессиональные фотографы в интернете. По-настоящему красива только та природа, которая, как образ родного человека, с детства отпечаталась в нашей душе.

***

– Милые мои, вот вам, вот, – проводница кидает куски хлеба с маслом нетерпеливо приплясывающим у подножки вагона собакам. Пса, с оторванной наполовину лапой, она прикармливает особо.

Поезд стоит рядом с приземистым жёлтым зданием. Кажется, оно единственное здесь содержится в относительном порядке. В него по каким-то своим надобностям заходят ехавшие с нами рабочие. За этим зданием видны остовы домов, покосившиеся сараи.

Вот она и есть та самая станция Пулозеро, которую пытался я представить в Москве несколько последних недель, выискивая фотографии в интернете. Но, конечно, никакой интернет не покажет, не передаст лёгкий солоноватый запах мазута, искрящиеся вдоль железной дороги сугробы, этих вот тявкающих, виляющих хвостами собак и налетающий с белеющих вдали гор живительный морозный воздух.

– Хороший посёлок раньше был, человек пятьсот жило, – говорит Михаил Александрович, – и станция всегда открыта. Заходи после рыбалки: грейся, чай пей. А сейчас – сиди на ветру, дожидайся поезда. Жителей здесь всего шесть человек осталось.

Впрочем, сейчас он не расположен к пространным монологам. Чтобы цель «оправдать рыбалку» (то есть, чтобы примерная стоимость наловленной рыбы превзошла расходы на дорогу, водку и еду) была достигнута, надо «шевелиться». Словечко, которое любит отец, и которое я слышу сейчас от его товарища. Логика проста: чем быстрее придём на озеро, и чем больше насверлим лунок, тем больше налимов будет лежать в рюкзаках на обратном пути.

Михаил Александрович кладёт на землю пластмассовые волокуши, крепит на них верёвками свою поклажу. Я, глядя на него, проделываю, как могу, то же самое со своим грузом. Мы становимся на лыжи, накиды-

ваем на себя верёвочные петли.

– Эх, дубинушка, ухнем, – шутливо восклицаю я, делая первый замах лыжными палками.

На самом деле волокуши сильно облегчают дорогу. Они игриво скользят сзади, то и дело норовя наехать на задки лыж. Мы идём к озеру по проторённому снегоходом пути. Начинавшийся невзрачно день выпустил на волю мириады золотых искр. Они танцуют по нетронутой белизне снегов, путаются в чистой весёлой хвое невысоких сосен и ёлочек. Кажется, что деревца эти, залитые солнцем, светятся изнутри.

Радуясь чистому морозному снегу, хрустко поют лыжи, и в душе моей нарастает, переполняя её, ликующий мотив.

Не раз уже бывало, что захваченный полумеханическим, изматывающим вращением жизни в мегаполисе, я начинал сомневаться в том, что есть ещё на свете бесхитростная сурово-хрупкая природа, воспитавшая мою душу.

Рядом с рёвом столичных шоссе порой кажется, что на планете не осталось места для такой вот одухотворённой тишины, что окружает нас.

И потому в последние годы, возвращаясь на родину, я каждый раз невольно радуюсь и благодарю Творца за то, что знакомые с детства северные пейзажи не превратились для меня в потерянный рай, что я могу видеть их наяву, и могу запросто трогать игольчатую лапу живописно искривлённой сосенки или морщинистый бок валуна.

– Эх, повезло, с погодкой, – подмигиваю я Михаилу Александровичу, – люблю, чтобы – мороз и солнце.

– Погоди, будет тебе везение, – в тон мне шутливо отвечает попутчик, – уже градусов 20 мороза есть. Под вечер все тридцать будет. Только знай, дрова в печку закидывай. Так и будем: полночи – я, полночи – ты.

– Да ну, какие там двадцать градусов, десяточка, не больше, – не унимаюсь я.

– Конечно, идёт в дублёнке на лыжах, волокушу тянет, мороз ему не страшен. Поглядим на тебя, что ты у лунок на ветру скажешь...

Так вот всегда они с отцом безобидно подначивали друг друга во время своих лесных походов. Теперь как-то незаметно та же манера общения установилась и между нами.

Минут через сорок пути мы подходим к распахнутой на многие километры снежной пустыне Колозера. Ветер тут и там испещрил затвердевший наст причудливыми узорами, от которых веет чем-то первозданно диким, безлюдным.

– У тебя пятнадцать минут на лирику, можешь сходить вон туда, пофотографировать, – показывает Михаил Александрович на густо синеющую невдалеке полоску воды.

Я охотно отправляюсь туда, где берёт своё начало главная река Кольского края. По сей день, увидев из окна вагона кипучую Колу, я окончательно понимаю, что вернулся на родину. Много воды было выпито из этой красивой могучей реки, но никогда ещё не доводилось мне бывать на месте её зарождения.

Кола начинается не с зыбких, медленно свивающихся в водное полотно ручейков, как это обычно бывает в Средней Полосе. Она вытекает из озера состоявшейся рекой. И хотя здесь она только начинает свой неукротимый разбег к Баренцеву морю, течёт плавно, ещё не стряхнув с себя озёрную задумчивость, есть уже в ней сила, совладать с которой не может даже двадцатиградусный мороз. Лёд лишь кое-где у берегов сероватой, усыпанной снежными горошинами плёнкой затягивает устье Колы.

Тут и там на макушки выглядывающих из воды валунов нахлобучены пушистые шапки. Над медленно завивающимися струями поднимается тончайший пар. Я смотрю на морозные искры, которые словно маленькие чудо-рыбы сверкают между подводных коричневатых камней, и мне почему-то чудится, что из воды улыбается близкая заполярная весна.

Я мнусь с лыжами возле берега, рискуя осесть вместе с заледеневшей кромкой в студёную воду, пытаюсь найти удачные ракурсы для фотографий. Впрочем, я заранее знаю, что какими бы эффектными ни вышли кадры, они всё равно не передадут и десятой доли того, что я вижу и чувствую сейчас.

***

Сверкает, кружится ледяное крошево, маленькие стальные зубы ледоруба с хрипом и шелестом прогрызают круглую дорогу к воде. И порой уже кажется, что само озеро кружится вокруг тебя. Жар распирает грудь,

сдавливает дыхание, ударяет в лицо. Лунке на третьей я, забыв про мороз, сбрасываю с себя старую добротную дублёнку.

Просверлить в полутораметровой ледяной толще надо десятки лунок. Трудная это работа. Труднее всего, когда, встав на колени, дёргаешь ручку ледоруба, которая одна только и не ушла в лёд. Кажется, из последних сил рывками вращаешь своё орудие, и, когда уже совсем невмочь, вдруг последняя ледяная перемычка проваливается под твоим нажимом. И мгновенно пробурённая пустота во льду заполняется чёрной ртутью озёрной воды вперемешку со снежной кашей.

И вот есть несколько минут отдыха. Пока товарищ бурит другую лунку, достаёшь из рюкзака незамысловатую донку, какой ловили, наверно, и сто лет назад, насаживаешь на грубый большой крючок мойву. Потом вычерпываешь из чёрного глазка во льду мокрый снег. Черпаком или просто покрасневшими на морозе руками. И тогда уже разматываешь, понемногу стравливаешь в воду снасть.

– Ну, что, москвич, лунок сорок осилим с тобой, – слышится голос Михаила Александровича.

– Осилим, был бы толк, – из последних сил пытаясь придать шутливость своему голосу, отвечаю я.

– Ничего, вот увидишь, мы ещё бурить не закончим, а уже пара-тройка налимов попадётся. Без ухи сегодня не останемся. Давай-ка, вон там луночку просверли, поближе к острову.

Я послушно берусь за ледоруб, и сам себе удивляюсь, откуда берутся силы снова перемалывать ледяной панцирь озера.

Впрочем, добытчицкий запал моего старшего товарища иссякает где-то лунке на тридцатой. Бурить сегодня особенно трудно, потому, что нижний слой льда, видимо, из-за стоявших в середине зимы оттепелей перемешан с водой. И острые зубы-ножи ледоруба то и дело проскальзывают вхолостую в этом месиве.

Мороз всё сильней. На наших лицах, одежде хлопьями повисает иней. Разгорячённость от работы ледорубом быстро проходит, оставляя сырой зябкий неуют липнущей к телу рубахи. А от оранжевого, склонившегося к сопкам солнца, кажется, ещё холодней.

– Пошли на берег, в избушку, – говорит Михаил Александрович. – Темнеть начнёт часа через два, а насчёт дров ещё неизвестно, есть ли там какой запас.

По дороге на берег мы со знакомым всякому рыбаку нетерпением проверяем наши донки в надежде почувствовать на том конце снасти рывки заглотившего наживку налима. Погода для его клёва стоит самая подходящая, морозная. Однако кто их предугадает, рыбьи капризы... Некоторые лунки, как полузакрытые глаза, уже подёрнулись тонкой плёнкой льда и слегка присыпаны позёмкой. На первых донках, тех, что ставили последними, ничего не попалось. Мне вспоминается рассказ отца, как однажды они просверлили на этом озере восемьдесят лунок и не поймали за сутки ни одного налима.

– Ну-ка, иди сюда, почувствуй рыбину, – зовёт меня Михаил Александрович.

Он, видимо, считает, что первого налима извлечь на лёд должен я, московский гость. Я снова слушаюсь его, подхожу к «сработавшей» лунке, выбираю ожившую туго пульсирующую снасть. С полминуты проходит, и вот он, первый наш трофей, с килограмм, примерно, весом, по-змеиному извивается на снежном насте.

Вообще-то налим никогда не относился к завидной добыче для северных рыбаков. Многие здесь считали и считают его сорной рыбой (хотя мясо его по вкусу мало чем уступает треске). Нередко и мы с отцом оставляли его на съедение чайкам да воронам, вырезая лишь лакомую печень. Да и красавцем налима не назовёшь. Но сейчас на сахарно искрящемся снегу в лучах предвечернего солнца эта пятнистая зеленовато-коричневая рыба кажется мне настоящим произведением природы.

– Ну вот, с почином, – Михаил Александрович просовывает в налимью пасть припасённую заранее ветку, прижимает к ней тянущуюся в рыбье чрево леску и начинает сильно вертеть вздрагивающую всем телом рыбину, пока та не отлетает в сторону.

Это его личное изобретение, к которому он шёл многие годы. Дело в том, что налим, как правило, заглатывает наживку очень глубоко. Доставать крючок из его нутра – всегда морока. Обычно приходится резать его глотку ножом, что на морозе особенно неудобно.

И вот такой простой, хоть и

жестокий по отношению к рыбине способ избавляет от этих хлопот: снасть, разворотив крючком налимьи внутренности, освобождается от него.

– Да, и так мучились, и этак, а придумали-таки, – довольно улыбается в усы Михаил Александрович, кидая в объёмистый пакет добычу.

***

Невысокая избушка живописно тонет в розоватых сугробах, из которых поднимаются шероховато-золотистые колонны сосен. Они здесь высоки по заполярным меркам – метров на семь-десять поднимают к солнцу свои прореженные ветрами кроны. Я, нагнувшись, заглядываю в чёрное выстывшее нутро нашего будущего жилища. После света дня оно выглядит особенно мрачно. Промозглой стужей веет от нар, заваленных старыми ватниками, заменяющими матрацы. По углам на потолке в луче фонарика блестит заиндевелый лёд. Первую секунду невольно думается, что это наименее подходящее для ночлега место во всём лесу. Впрочем, это чувство знакомо мне. Я знаю и то, что каких-нибудь час-полтора понадобится железной печке, притулившейся в земляном углу, чтобы вдохнуть тепло и душу в эти неровные древесные стены, сделать их желанным приютом для нас.

На наше счастье, предыдущие постояльцы избушки заготовили немало дров. В «сенях» лежит внушительная поленница и ещё несколько высохших сосновых стволов валяется рядом с входом. Значит, сегодня у нас будет пара-тройка часов отдыха перед сном. Вернее, перед вечерним обходом лунок. Промысел не терпит простоев, считает мой старший товарищ. Налим в тёмное время клюёт даже активней, чем днём, поэтому надо хотя бы дважды за ночь проверить донки: поснимать попавшихся налимов, наживить новую мойву вместо съеденной.

Первый обход намечен ближе к полночи, второй – под утро, часа на четыре.

Честно говоря, меня не очень радует такая перспектива, но, как говорится, назвался груздем... Никто не тянул меня в этот поход, поэтому я молчаливо принимаю те правила, которые установлены Михаилом Александровичем. Меня греет мысль, что завтра за целый день найдётся-таки час-другой, чтобы попробовать в деле мои новые дорогие балансиры. Может быть, даже найду время подобраться по льду поближе к истоку Колы. И там, глядишь, покусится на мои яркие рыбки-обманки красавица-кумжа...

Пока мой товарищ «раскочегаривает» печку, я возле избушки смотрю, как медленно розовеет небо над снежной пустыней озера, как всё плотнее укутывает сиреневый сумрак причудливые шапки прибрежных сосен. Как на волнистые вершины дальних сопок наплывают сизые волны облаков.

В морозной оцепенелой тишине отчётливо слышен малейший скрип под моими лыжами. Вдруг издали доносится глухой нарастающий гул. Я безошибочно угадываю в нём звук приближающегося поезда. Железная дорога проложена вдоль берега Колозера километрах в трёх отсюда.

Что-то уютное и одновременно тревожное слышится в торопливом и таком неожиданном здесь, среди первозданной природы перестуке стальных колёс.

Может быть, этот уже уга-

сающий звук напоминает мне о скоротечности моего пребывания здесь, среди сосен, льда и снега, да и в целом на Земле – тоже...

***

– Теперь уже редко так вот, как мы с тобой сейчас, на рыбалку ходят, – с затаённой грустью говорит Михаил Александрович.

Гудит раскалённая печка, добираясь волнами драгоценного тепла до зябких ещё нар. Сочится, едва разбавляя мрак, свеча на дощатом столе. В её подрагивающем свете особенно притягательно выглядит нехитрая наша снедь: хлеб, колбаса, сало, солёные огурцы, чеснок. Честно говоря, от усталости я поначалу не хотел есть, даже отказался от идеи варить знаменитую налимью уху. Но несколько стопок обжигающей водки вернули аппетит и интерес к жизни. Как я и ожидал, избушка, спустя всего пару часов после нашего вселения, кажется единственным островком уюта среди морозно-настороженного ночного леса.

– Если кто и рыбачит зимой, то рядом с дорогой, возле машины, – на лице моего собеседника мелькают красноватые блики бушующего в печке огня. – Или богатые на буранах гоняют. Заберутся за полчаса в глушь, куда нам на лыжах полдня идти, пару часов порыбачат и – опять в свои коттеджи греться, водку пить. Обленился народ. Лет тридцать назад легче мурманчане на подъём были. По городу зимой идёшь, почти всегда мужиков с рюкзаками, ледорубами увидишь. Сейчас – редкий случай. Многие из товарищей моих прежних, кто болеет, а кто и совсем уже отходился. Как уехал твой отец с Севера – напарника мне не хватает. Трудно на рыбалке одному, без напарника...

Отец, перед тем как уезжать из Мурманска, долго доказывал мне, какая на Севере тяжёлая жизнь, и как хорошо будет жить он возле своего огорода в Средней Полосе. Он и сейчас ни за что не признается, что жалеет о том своём решении. И, действительно, большую часть его жизни составляют сейчас огородные заботы и радости. Но когда, подвыпив, расслабится он, отойдёт от повседневных хлопот, почти всегда сворачивает разговор на воспоминания о Севере.

Вернее, не о Севере вообще, а именно о своих лесных походах. Да, это была целая эпоха для Кольского края, не отмеченная ни в одном краеведческом учебнике. Я был ребёнком тогда, но всё же успел почувствовать и запомнить её.

Съехавшиеся со всего Советского Союза мужики, в основном вчерашние крестьяне, открывали для себя просторы диковинного для них Заполярья. Срисовывали друг у друга карты местности, узнавали всё новые богатые рыбой озёра, реки, ручьи. Забирались в глушь, где до них бывали разве что кочующие с оленьими стадами саамы. Бывало, часами в дождь и мороз ждали у глухих дорог, когда проедет хоть какая-то машина: почтовая, военная, грузовая, чтобы вернуться в город. С детства мне памятен рассказ отца, о том, как однажды почему-то не пришёл рейсовый автобус, и он с друзьями выбирался из тундровой глуши в прицепе Бог весть откуда взявшегося там трактора.

Помню и рассказы о том, как после многих часов пути по снежной целине, местами – до пояса глубиной, падали рыбаки в сугробы в изнеможении. И казалось им, что сил нет уже не только на обратный путь, но и на то, чтобы забраться в избушку. Однако проходило полчаса, вставали они и шли сверлить

лунки, пилить дрова, раскапывать от снега лесное жилище... И ведь не сказать, что ради больших уловов преодолевали мужики все лишения. Да и далеко не всегда возвращались они с богатой добычей – северная рыба капризна. У каждого водоёма свои «внутренние часы». Пока не приспособишься к тому или иному ручью, озеру, не вызнаешь, в какое время года и суток бывает здесь хороший клёв, можешь целыми днями сидеть на берегу без единой поклёвки.

Рыба тогда, в относительно благополучные советские времена, когда на Севере почти любой мог позволить себе покупать её в магазине несколько раз в неделю, думается мне, была лишь предлогом. Главное, что влекло в тайгу и тундру таких вот энтузиастов, было подспудное желание ощутить себя мужчинами. Вдали от жён, от городских «начальничков всех видов и сортов» они проверяли себя в дружбе-борьбе с суровой заполярной природой. И возвращались в повседневную городскую суету, очистив душу и немного приподняв себя в собственных глазах.

Мало кому из моих ровесников знакомы подобные чувства. Они уже в гораздо большей степени городские жители, чем их отцы. Будет ли и дальше продолжаться наше отдаление от природы, и до какой степени? Среди знакомых я считаюсь «бывалым» лесным человеком, но выбираюсь в серьёзные походы всё реже. И куда реже, чем я ребёнком, выбираются со мной мои дети. Не получится ли, что потеряв окончательно в городах связь с собственной землёй, окажемся мы лишними на ней?

– Ты давай, в следующий раз отца с собой на Север вытаскивай, – слышу я сквозь свои размышления глуховатый голос Михаила Александровича. – Годы у нас уже такие, что ещё пару-тройку лет – и дальше магазина за хлебом не уйдёшь никуда. Надо нам хотя бы раз ещё вместе на рыбалку выбраться, тряхнуть стариной. Так чтоб суток на трое, без спешки.

– Хорошо, – говорю, – один раз – вытащу.

***

В темноте, высвечивая дорогу фонариками, возвращаемся с ночного обхода донок. В рюкзаках у нас уже около двух десятков налимов. Некрупных, как считает мой товарищ. Самый увесистый тянет килограмма на полтора. От острова, возле которого мы ловим (там место проверенное, рыбное), до избушки примерно два километра по ломкой проторённой днём лыжне. Накопившаяся за день усталость даёт о себе знать. Каждый шаг даётся с трудом, ломота в пояснице и давящая тяжесть в ногах всё сильней.

Нет-нет, да проскользнёт малодушная мысль: «И зачем это всё надо? Проводил бы, как все «нормальные люди» отпуск на курортах, в крайнем случае, в пансионате подмосковном сидел...». Однако я знаю, что усталость пройдёт, забудется, а останется другое, неизмеримо более важное, что не получишь ни за какие деньги на курортах и в санаториях.

Наст под лыжами оседает, не выдержав моей тяжести. Не удержавшись на ногах, падаю в снег и лежу так несколько минут один на один с сиреневой глубиной неба, с отстранённым сиянием зыбко-голубых звёзд. И на какое-то мгновение чувствую себя такой же звездой, посылающей в ледяной сумрак позывные своей одинокой души.

***

– Вот это да, мороз жмёт, столбик в градуснике совсем исчез, – улыбается Михаил Александрович. – За сорок ночью было. А ты – знай себе дрыхнешь.

Да, как пришли с озера, недопив горячего, крепкого до вязкости чаю, я, что называется, «отрубился» на нарах, едва успев натянуть на себя какой-то старый ватник.

Правда, среди ночи сквозь сон дошли до сознания слова моего товарища, что печка совсем остыла. Я даже сделал было поползновение, чтобы встать и заново растопить её. Но остановленный властным: «Лежи», снова провалился в цепкую темноту сна.

А Михаил Александрович, значит, всю ночь поднимался к печке, подбрасывал дрова, поддерживая тепло. А меня ни разу не обременил этой работой. В его отношении ко мне порой проскальзывает затаённая тоска несбывшегося отцовства.

– Ничего, будешь там в своей Москве рассказывать, как в настоящие заполярные морозы в тайге ночевал, – говорит он, разливая по желез-

ным кружкам кипяток из закопчённого котелка.

Это вот «в своей» невольно цепляется за мой слух. Могу ли я назвать своим город, в котором живу уже полтора десятка лет? Да, в чём-то он стал ближе и понятней мне. Появились в нём места, отзывающиеся щемящей теплотой воспоминаний. Но до сих пор трудно мне представить, что в этом неуёмном мегаполисе, где близкие люди порой месяцами, а то и годами не могут найти время приехать друг к другу в гости, в таком вот городе проживу я до конца своей жизни.

– Ну, работы у нас тобой сегодня полно,– отрывает меня от размышлений Михаил Александрович. – Ночью не пошли второй раз налимов снимать, теперь лунки, наверно, так промёрзли, что придётся рядом с ними новые просверливать или топором снасти вырубать. А ещё дров заготовить надо вместо тех, что сожгли…

Этот неписаный от века закон – по мере возможности, возместить то, что взято в лесном жилище – соблюдается рыбаками и сегодня. Не всеми, конечно. Но нередко путнику, набредшему на избушку на Севере, можно не только обогреться припасёнными теми, кто был здесь до него дровами, но и утолить голод, если свои запасы иссякли. У рыбаков «старой закалки» заведено оставлять перед возвращением в город в подвешенных к потолку пакетах остатки незамысловатой провизии: сухари, крупы, вермишель. Эта заочная забота незнакомых или малознакомых людей друг о друге – явный признак того, что утверждение: «все люди – братья», это не просто красивая патетическая фраза, а – правда.

***

Ветер гонит колючую позёмку по снежным барханам. Уворачиваясь от неё, мы перебираемся от лунки к лунке. К счастью, большинство из них замёрзло не сильно. Аккуратно вырубая лёд по краям, высвобождаем снасти, извлекаем из чернеющего глазка воды извивающихся, маслянисто блестящих налимов. Они ползают по искристо-снежному насту, оставляя чёрные следы слизи. Некоторые с трудом пролазят в сузившуюся прореху во льду. Их уже много поймано, килограммов двадцать – общий вес. Но промысел – есть промысел. Мы наживляем мойву на опустевшие крючки, сверлим новые лунки вместо «холостых», тех, где за ночь не попалось ни одной рыбы.

«За шестьдесят человеку перевалило, а жизненных сил – иному молодому позавидовать», – с невольным уважением думаю я, глядя, как неутомимо хлопочет вокруг лунок Михаил Александрович.

В голове я держу мысль о том, чтобы испробовать мои балансиры, почувствовать себя рыбаком, а не промысловиком, но всё время что-то мешает исполниться этому моему желанию. То, надо сходить за забытым на берегу мешком с наживкой, то – время заново обходить вереницу лунок, то – донка запуталась. «Ничего, – утешаю я себя, – вот вечером… или, в конце концов, завтра утром…». Лишь однажды я испытываю рыбацкий азарт, когда, опуская только что наживлённую снасть, вдруг чувствую удар по леске. Делаю подсечку и через минуту, преодолевая тугие рывки, вытягиваю довольно увесистого налима. Неожиданно он срывается с крючка, и чуть было не ускользает обратно в лунку. Падаю на снег, прижимая вёрткую рыбину ватными варежками ко льду, и чувствую, как прыгает в груди встрепенувшееся сердце.

Солнце над нами, то ослепительно-золотое, зовущее жить, то, серебристо-расплывчатое, проглядывающее сквозь обжигающий тюль позёмки. Долго всматриваюсь в белеющую над озером гору. Пытаюсь понять, что же такое знакомо-счастливое сквозит в её пустынном сиянии. И вдруг вспоминаю, что именно эту гору не раз видел я из окна поезда, когда возвращался в Мурманск. И, видимо, где-то в моём подсознании навсегда стала она приметой приближающейся родины.

В другом конце Колозера у самой линии горизонта в безветренные ясные минуты можно различить две крохотные палочки с ватными дымками над ней. Ещё вчера ночью обратил я внимание на слабое желтоватое марево над тем местом. И тогда же догадался – там, в мглистой дали, тот самый Оленегорск, где я был меньше недели назад. Глядя на палочки заводских труб, я в очередной раз

удивляюсь тому, как, найдя подходящий момент, вдруг в одной точке переплетаются разные линии жизни, чтобы потом, возможно, снова разойтись навсегда.

Оленегорск. Ещё неделю назад это название вызывало в моей памяти разве что большую пустынную площадь с громоздкой башней посередине. Да ещё, пожалуй, приземистое здание вокзала, перед которым в сплетении рябиновых ветвей, глядя куда-то мимо проезжающих поездов, замерло серебристо-серое оленье семейство.

На привокзальной площади Оленегорска останавливался автобус, когда с родителями, а позднее и один, я ездил в Апатиты, к бабушке. Ребёнком, оказавшись на площади, я озирался по сторонам и всё пытался понять: где же он, город с таким притягательным названием?

Город, как я узнал значительно позднее, из-за каких-то проектных расчётов строили в нескольких километрах от станции. Но тогда мне казалось, что он притаился где-то совсем рядом. И стоит лишь повнимательнее вглядеться в волнистую линию горизонта, и – увидишь его скрытую от рассеянного взгляда тайную жизнь.

Вот это неутолённое чувство неоткрытого, невидимого города прокралось и в мою взрослую жизнь. Поэтому я, повидавший уже немало городов, ждал встречи с Оленегорском, как чего-то особенного. И хотя фотографии в интернете пытались убедить меня, что как раз ждать сильно особенного не стоит, я давно уже приучил себя до конца не доверять интернету.

И вроде бы, и вправду, мало чем выделяется, как убедился я, этот промышленный городок от других, подобных ему, чьи лучшие времена пришлись на шестидесятые-восьмидесятые годы прошлого века. В стройных линиях его центральных зданий, в горделивой стелле на центральной площади, в шеренгах домов ещё угадывался тот молодой созидательный пафос, который пытались вложить в Оленегорск его строители.

Лет двадцать назад расцвет резко сменился угасанием. Многие жители, ещё вчера уверенные в смысле своего нелёгкого горняцкого труда на этой земле, стремились покинуть Крайний Север, который, как теперь уверяли с телеэкранов и газетных полос, стал обузой для страны. Население Оленегорска за считанные годы уменьшилось почти вдвое. Квартиру здесь можно было купить за несколько зарплат...

Тот обвал всего и вся в Заполярье сменился медленным угасанием. И в стенах постаревших зданий сейчас читался знакомый мне по другим северным городам вопрос: что дальше?

Так, может быть, зря я приезжал в этот город, и было бы лучше, если бы он, по-прежнему, оставался для меня притягательным городом-невидимкой?

Возможно, так бы оно и было, если бы не встреченные мной там люди. Сейчас, глядя, из морозной пустыни озера на зыбкие городские дымки, я вспоминаю открытые, доброжелательные лица библиотекарей, которые, отказывая себе в иных вещах, в век интернета привозят из поездок целые сумки новых книг.

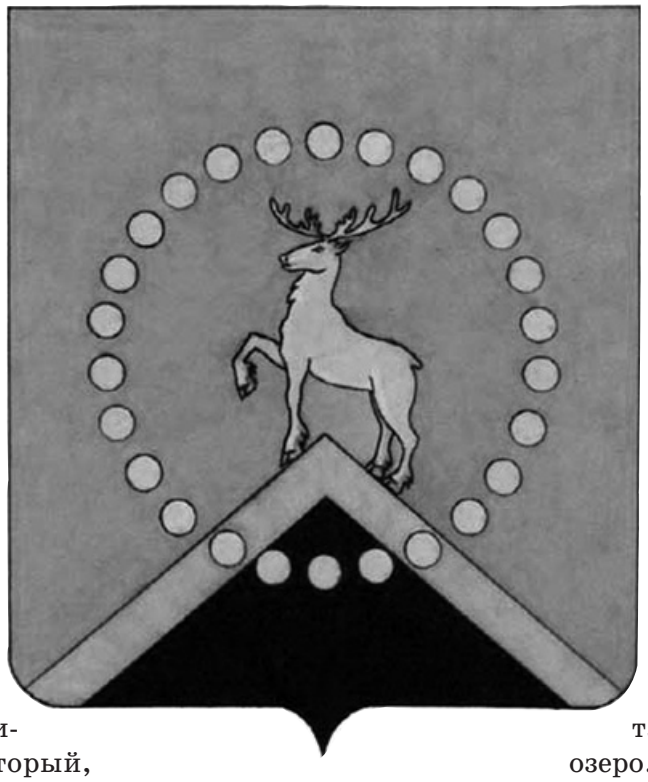
Вспоминаю и столь же добрые, скромные лица учителей, приведших на поэтическую встречу со мной своих школьников – в основном девочек того волнующего возраста, когда они, сами того ещё не осознавая, становятся девушками. И ведь удалось учителям убе-

дить их больше часа выходного дня провести не перед монитором ноутбука или экраном телевизора, а перед читающим стихи неизвестным им поэтом. (Вот и ответ на мой вопрос, который я задавал себе, на улицах ночного Мурманска: остались ещё, остались в стране добросовестные, неравнодушные учителя, несмотря на четверть века погрома всего лучшего в стране!)

И, конечно, останется в моей памяти и душе оленегорский поэт с самым поэтическим для нас, русских, именем. Стихи Александра нравились мне уже давно, и давно хотелось мне поближе познакомиться с их автором. И теперь я вспоминаю тихого, даже беспомощного, на первый взгляд, человека со слабым зрением, неуверенно идущего по обледенелым оленегорским улицам. Человека, который, как сам признался мне, тяготится большим числом необязательных знакомств, неизбежных в маленьком городке, но который при этом никогда не смог бы жить в мегаполисе, где на улице нередко приходится перекрикивать рёв машин, чтобы быть услышанным собеседником.

Но вместе с тем вспоминаю я сильного человека, который в возрасте далеко за тридцать не побоялся бросить опостылевшую провинциальную журналистику, чтобы жить литературным трудом. Человека, который положил немало сил, чтобы помочь своей жене победить рак... И когда страшная болезнь отступила, супруги решились дать жизнь своему первому ребёнку.

Вспоминая всё это, я понимаю, что там, вдали, снова невидимый, укрытый морозной пеленой, находится уже не чужой мне Оленегорск, что на карте Кольской земли появилась для меня ещё одна тёплая точка притяжения.



***

– Я, может быть, только через два, а то и – три года смогу на родине порыбачить, – с досадой говорю я, не глядя на Михаила Александровича.

Передо мной груда заледенелых мёртво изогнувшихся налимов. Широким хорошо заточенным ножом я отрезаю им головы. Это чтобы не тащить «лишнее» до станции. Невдалеке, ожидая поживы, уже тяжело перелетают с места на место два ворона.

До последнего слушался я своего старшего товарища, смиренно нёс бремя промысла, а тут не выдержал – взбунтовался. Хотя бы в самом конце надеялся выкроить час-полтора на «настоящую рыбалку», испытать, наконец, свои яркие балансиры. Поймать, может быть, заветную кумжу.

И вот, оказывается, что этого часа мне Михаил Александрович давать не хочет.

– Заранее надо выйти, – упрямо твердит он, – чтобы за час до поезда на станции быть. А лучше – за полтора. Кто его знает, что в пути будет: лыжу кто сломает, или лыжню занесёт. Смотри, метель вот-вот начнётся. Да и поезд раньше прийти может – дожидайся потом целые сутки.

Набухшие снегом неоглядные облака тяжело наползают на озеро. Из них, и вправду, то и дело начинает сыпаться снег. Подвывает ветер, обещая худшее.

– Ничего, – решаюсь я. – В крайнем случае, если на поезд опоздаю, вернусь в избушку. Дров мы много наготовили, еда есть ещё. Не пропаду.

Бросаю в мешок последнего обезглавленного налима, достаю из рюкзака свёрток с зимними удочками.

– Ну, как знаешь, – Михаил Александрович крепит свою поклажу с рыбой на волокушу, встаёт на лыжи.

Минут через десять, он превращается в чёрную чёр-

точку на белёсой равнине озера. Позёмка то и дело стирает эту чёрточку, но она, уменьшаясь, упрямо проступает вновь.

Я пытаюсь сосредоточиться на рыбалке. Чуть склонившись над лункой, делаю размеренные взмахи удочкой. Леска то и дело обрастает ледяным бисером, ветер заметает лунки снежной пылью.

Оторвав глаза от чёрного кружка воды, смотрю на место, где совсем недавно прошёл мой товарищ. Там теперь такой же точно снежнодевственный наст, как и везде. Я вдруг остро ощущаю своё одиночество перед безжизненной пустыней озера. И ещё понимаю, что никакой кумжи не поймаю, что та искромётная поэтическая радость рыбалки, которую я ждал до последнего, уже невозможна после двух суток трудного, даже изнуряющего промысла.

Я всё же упрямо продолжаю блеснить, перехожу от лунки к лунке. Однако эти глазки воды всё сильнее затягивает льдом, залепляет снегом. Воли дальше спорить со стихией, в который раз выгребать лёд со снегом, у меня уже не хватает.

И сорока минут не прошло после того, как, сердито махнув рукой, отправился в путь мой товарищ. И вот уже я перекидываю через плечо верёвку от волокуши и отправляюсь вслед.

***

Как всё-таки переменчива заполярная погода... Словно характер поэта. Только что пробирался я сквозь метель, отворачивая лицо от её шершавых колючих пальцев, а тяжёлая, словно камнями гружёная волокуша, тянула назад, упиралась, не желая зарываться носом в сугробы. Только что, казалось мне, конца не будет этой снежной мути, спеленавшей весь мир, и я жалел уже, что не отправился с Михаилом Александровичем, когда метель только начиналась. И не раз закрадывался в меня холодок сомнения: не сбился ли с пути, не промахнулся ли мимо станции...

И вот ослепительно и невинно светит солнце, словно и не оставляло без своих лучей и поддержки подопечных на земле. Сверкают на заснеженных шпалах рельсы, прислушиваясь в тишине, не раздаётся ли весёлый перестук колёс близкого поезда. Казалось бы, одно название, что посёлок – покосившиеся сараи, да большей частью нежилые дома. И всё же тут почему-то теплей и как-то уютней после двух суток среди сугробов и льда. Даже от свежих собачьих следов на снегу веет чем-то радостным. Ещё издалека у жёлтого здания пулозерской станции замечаю фигуру Михаила Александровича. Он пристроился на ступеньках. Сидя на рюкзаке, смотрит в мою сторону.

– Ну что, твои балансиры московские, не подвели, – то ли хитро, то ли добродушно улыбаясь, спрашивает он, словно и не было недавней ссоры на озере.

Скидываю верёвку от волокуши и чувствую, как наваливается усталость, которую в пути гнал от себя. Присаживаюсь на рюкзак рядом с Михаилом Александровичем, и несколько минут сижу, бессмысленно и счастливо глядя на искрящийся снег вокруг. Михаил Александрович сам связывает мои лыжи, возится с рюкзаком, что-то поправляя.

Медленно наплывает из-за солнечной сопки наш куцый, но такой родной теперь поезд.

– Намёрзлись? – участливо спрашивает проводница. – Ну, зато, я гляжу, с рыбой...

Мы пробираемся в тёплый, пахнущий углём и чаем вагон. Из окна я ещё раз напоследок окидываю взглядом безвестную станцию. Невдалеке видна сказочно притягательная отсюда, из вагона, снежная полоска Пулозера.

Я вдруг вспоминаю, что здесь прошло детство поэта, в годы Великой Отечественной войны погибшего в воздушном бою. А ведь именно его именем названа первая, присуждённая мне литературная премия. Я удивляюсь и не удивляюсь тому, что нежданно-негаданно родные для него места стали близкими и для меня...

Говорят, перед смертью в сознании человека вспыхивают наиболее яркие картины из его жизни. Я думаю о том, что наверняка в залитой кровью кабине несущегося к земле самолёта совсем молодой поэт Саша Подстаницкий на мгновение увидел эти белоснежные сейчас сопки и ослепительную равнину Колозера. И ещё я думаю о том, что, наверно, в одно из предсмертных мгновений доведётся их увидеть и мне.

2012–2014

Виктор СБИТНЕВ

УКОРЕНЁННЫЕ РУССКИЕ ЛЮДИ

Нет, в самом деле, странным образом скроен русский человек, а тем паче, костромич! И четыреста лет назад, сразу по завершении великой «смуты», удивлялся он тому парадоксу – что отчего, де, посчастливилось уродиться, вроде, на самой обширной и богатой земле, а живём вот беднее всех? И триста лет назад удивлялся: что же это, всё рубим и рубим эти проклятые «европейские окна», а живём по-прежнему «подло»?.. И двести лет назад, низвергнув французского супостата, перед которым трепетала вся Европа, и, принеся тем самым российскому самодержцу всемирную славу и господство, удивлялся тому же. Ещё более удивлялся он этому сто лет назад, к 1913 году, когда империя Российская «во главе» с опекаемыми царём костромскими белопашцами кормила хлебом своим едва ли не полмира! Кстати, во многом именно поэтому в ту достопамятную пору гениальный костромской философ Василий Розанов в письме к своему не менее гениальному земляку Павлу Флоренскому назвал костромичей самыми укоренёнными людьми России, вложив в это определение, по всей видимости, как великую гордость, так и «многие печали». Но вот в последнее время меня, всё того же костромича, только ещё через сто лет, стало вдруг настораживать то бросающееся в глаза специфическое свойство российской жизни, что её парадоксы каким-то весьма чудным образом перешли из разряда явлений исключительных в череду самых настоящих обыденностей, то есть, упрощённо говоря, перестали удивлять. Ну, скажите на милость, только честно: разве сегодня кому-нибудь по-настоящему больно от этого очевидного несоответствия явлений: Россия – самая богатая страна Мира, а подавляющая часть её населения живёт, по современным меркам, бедно. И даже – очень бедно?! Повторюсь, что из подобных парадоксов буквально соткана современная российская действительность. Но даже на общероссийском фоне Костромская область – тоже, своего рода, парадокс. Точнее, парадокс – не область, а собственно факт самого существования такого субъекта на карте Российской Федерации. Но обо всём по порядку.

Начнём с того, что Костромская губерния после 1917 года зажила, пожалуй, самой тяжёлой за всю свою историю жизнью. Свергнувшие самодержавие большевики (именно они, а не Временное правительство, в конечном итоге, – так будет логичней) чрезвычайно не любили Кострому как «колыбель Дома Романовых» и одну из «поставщиц» на бурно развивающийся капиталистический рынок целой плеяды блестящих купцов и предпринимателей – таких, как Фёдор Чижов, братья Павел и Сергей Третьяковы, Иван Сытин, Михаил Красильщиков и другие. Именно они, и им подобные, заложили отличительные черты истинно русского предпринимательства, которые до сегодняшнего времени являются едва ли не главным укором самому смыслу Великой Октябрьской Социалистической революции, провозгласившей своей главной целью – построение на Земле самого справедливого строя за всю историю человечества. Увы, ни до Чижова и его «коллег по ремеслу», ни после них в России да, пожалуй, и во всей Европе не было столь квалифицированных и профессиональных устроителей крупных производств и столь же справедливых и совестливых граждан страны и родного

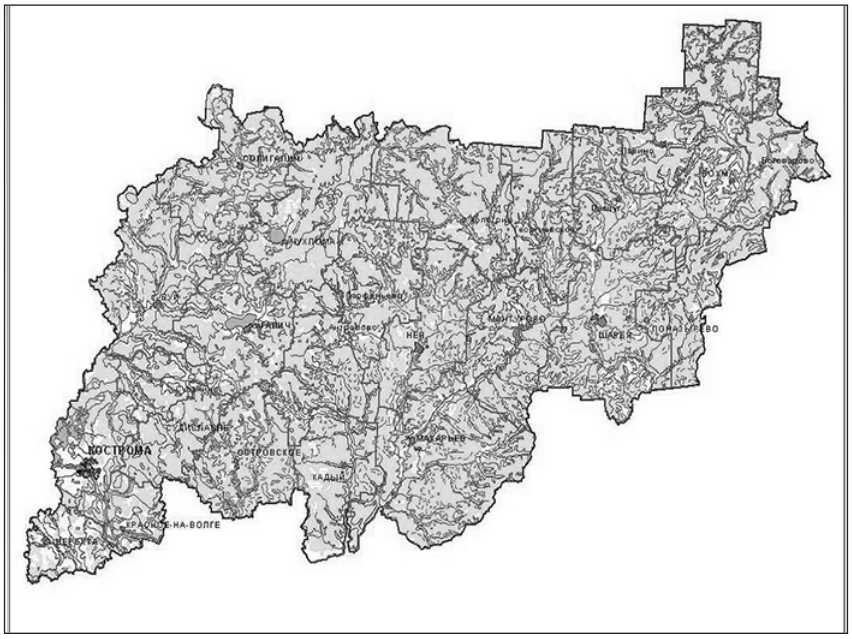
края. Львиную долю своих гигантских прибылей эти «хищные буржуи» вкладывали в учреждение и содержание в Костроме и губернии учебных заведений, театров, больниц и в строительство иных общественно значимых объектов. Про историю воцарения на Русском престоле самой мощной из царствовавших в России династий повторяться не стану. Напомню только, что гениальнейшая опера Михаила Глинки «Иван Сусанин» (Сусанино является центром ближайшего от Костромы района), положившая основу всему нашему, в том числе и советскому, музыкальному искусству, не случайно была названа автором – «Жизнь за царя». Царя вместе с женой, детьми и прислугой расстреляли уже в восемнадцатом году. И как говорится в финале знаменитого анекдота про поручика Ржевского: «Тут и началось!».

Советское правительство не нашло ничего лучшего, как попросту, не создавая из российской губернии советскую область, взять её и... уничтожить. А зачем тратить время, средства и кадровые ресурсы на какие-то там преобразования «гнезда самодержавной власти»? Поразительно, но факт: с огромной губернией (вотчиной царей) поступили ровно так же, как поступали с отдельными представителями правящего класса. Сначала её сделали районом огромного Ивановского промышленного края, а затем кое-что от неё перепало Нижнему Новгороду (Горькому), Ярославлю и Вологде. При этом надо заметить, что Иваново-Вознесенск до этой славной «перестроечной» поры был всего лишь одним из многих промышленных посёлков, разросшихся как грибы после дождя по всей вставшей на путь капиталистического развития России. Там (да, простят мне очень трудолюбивые и добрые ивановцы) до этой самой, выше поименованной поры фактически не творилось вообще никакой российской истории, но там возникли Советы! А в центре районного (уездного) теперь города Кострома на фундаментальном постаменте искусно выполненного памятника правящей династии установили ассиметричную и нелепую, прежде всего, с архитектурной точки зрения, статую Вождя (приезжайте и оцените сами). А памятник династии уничтожили вместе с губернией. Но я, разумеется, не об этом. Я – о последствиях. А они для нашей земли были поистине плачевными, если не сказать – гибельными.

Каждый, кто учился в советской школе, а тем паче окончил советский ВУЗ, прекрасно помнит, что в конце двадцатых, вскоре после свёртывания НЭПа, страна взяла курс на индустриализацию. Огромные средства и людские ресурсы были брошены на строительство крупных, главным образом, промышленных предприятий. Их строили по всей стране, в том числе, и на территории современного Центрального региона: в Ярославле, Иванове, Горьком, Вологде, Кирове и так далее. Но никто не собирался строить что-либо фундаментальное в каком-то районном центре, каковым в ту пору числилась Кострома. Да, на её территории валили лес для строек в соседних областях и сманивали на эти стройки костромскую молодёжь. И краю Костромскому осталось развивать, в сущности, одно лишь сельское хозяйство, по которому в эту пору шёл «девятый вал» коллективизации, сопровождавшийся массовыми раскулачиваниями наиболее работящих и соответственно продуктивных крестьян и их выселениями в никуда (и, тем не менее, что весьма показательно, много позднее, в шестидесятые годы, лучший секретарь Костромского обкома КПСС Флорентьев был назначен на должность министра сельского хозяйства СССР). Ярославль же отстроил огромные шинный и нефтеперегонный заводы, а также – Рыбинский моторный, Вологда – Череповецкий металлургический комбинат, Иваново – целую череду текстильных фабрик, Горький... один автозавод чего стоит! Не говоря уже про мощнейшую «оборонку». А потом началась война.

Хотя Кострома и оставалась до самого 9 Мая 1945 года глубоким тылом, но Великая Отечественная выкачала и перемолола в своих смертоносных жерновах практически всех молодых мужчин края. Как значится в Костромской энциклопедии, «Костромская область отдала каждого четвёртого своего жителя фронту, и каждого второго из них – безвозвратно». Поэтому август 1944 года, когда статус Костромской области был наконец-то восстановлен, стал, по большому счёту, слабым утешением всему

сильно поредевшему населению. По городам и весям земли Костромской стоял плач куда более безутешный, чем во времена Батыева нашествия, когда и Кострому, и древний Галич не раз жгли, а то и вовсе стирали с лона земного. Да, во время войны область несколько пополнилась беженцами и эвакуированными с западных территорий страны, но это были, в основном, женщины, дети и старики.



Многие истощённые дети Ленинграда, так и не сумев поправиться, умерли на Костромской земле, где им сегодня, словно ощущая себя виноватыми в чём-то, памятливые костромичи, «укоренённые русские люди» поставили великолепный памятник.

Началось восстановление страны из развалин и пепла. И вновь СССР призвал на эти стройки самых молодых и перспективных. Губернатор Сергей Ситников, возглавивший Костромскую область два года назад, ссылаясь на недавние исследования института прикладной социологии РАН, в личной беседе констатировал то печальное обстоятельство, что поскольку на территории нынешней области лет пятьсот (!) не велось никаких крупных строек, отток молодёжи отсюда был явлением постоянным. Притока же, естественно, не наблюдалось. Это, с одной стороны, сказалось на генетике (почти чистая генетическая линия!), а с другой, неминуемо привело к старению местного населения. И сегодня процесс этот, особенно в районах, приобретает угрожающий характер. Приток, по словам губернатора, конечно, был, но кого. В первую очередь, это отставные военные и северяне, которые приехали к нам в рамках жилищных проектов и программ. И это, как правило, люди уже немолодые.

А между тем, власти заново созданной области к шестидесятым годам(!) оказались перед фактом, что между районами, с одной стороны, и районами и областным центром – с другой, фактически нет сколько-нибудь надёжных путей сообщения, то есть – элементарных проезжих дорог. В тридцатые годы их прокладывали разве что для подвоза спиленного леса к железнодорожным узлам. Пишущий эти строки, приехавший в Кострому в конце восьмидесятых годов, добирался в дальние районы области, в основном, на самолёте «Ан-2», который по зиме, случалось, приземлялся и на каком-нибудь огороде. Вообще, вновь образованная область (исконно костромские, поволжские районы – Плёс, Кинешма, Юрьевец так и остались за Ивановым) представляет из себя довольно странную конфигурацию. Это – некий «чулок», вытянутый с юго-запада на северо-восток примерно на шестьсот вёрст. И если сама Кострома стоит далеко не на самой северной реке Волге, то из Павина и Боговорова в особо морозные ночи запросто можно увидеть всполохи Северного сияния. А родина знаменитого русского художника-сказочника Ефима Честнякова – та, вообще, носит название в самом прямом смысле разъединяющее – Кологрив, то есть город, расположенный около («коло») гривы. Той самой гривы, выпуклости тверди земной, которая проводит чёткую границу между Югом и Севером. И всё здесь, так или иначе, подчинено этому геофизическому разграничению. Например, реки, берущие начало к югу от этой гривы – такие, как некогда сплавная и богатая рыбой Унжа, текут в Волжский бассейн, а те, что начинаются севернее – например, река Юг, скатываются с гривы

на Север, к Ледовитому океану. В связи с этим и народ на территории нынешней Костромской области живёт очень разный: даже образ жизни, а не только говор у северян и южан совершенно не похожи один на другой. Не стану принижать нравственных достоинств жителей Юго-запада области, но они, в большинстве своём, значительно практичней и жёстче северян. Тот же Сергей Ситников вспоминает о том, что не раз в прежние времена где-нибудь в районе Вохмы, встретив на ночной дороге случайного мужика, можно было запросто рассчитывать на кров и скромный ужин. Однажды с ним так и случилось по пути в далёкое Малораменье. Встретивший его деревенский житель тут же пригласил к себе в избу, накормил, уложил спать, а утром сам же посадил в автобус. Увы, на Западе, вблизи оживлённых магистралей и торговых путей, крупных производств и соответственно более обеспеченной жизни такое представить гораздо трудней. А если уж и приютят, то за определённую плату. Можно ли всё это каким-либо образом соединить? Разумеется, не только можно, но и **нужно**. То есть, я хотел сказать, что для этого **нужны** деньги. А их в нашем практически лишённом крупной промышленности крае всегда остро не хватало. Бюджет-то, как известно, пополняется за счёт налоговых поступлений с продуктивно работающих предприятий.

И всё-таки, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Кое-как справившись с разрухой на западе страны, Центр наконец-то обратил внимание на проблемы, так сказать, молодой области. Впрочем, всё вновь подчинили идеологии и геополитике, и уже в конце пятидесятых – начале шестидесятых вокруг Костромы развернулось интенсивное строительство многочисленных ракетных шахт под ядерные ракеты – разумеется, с соответствующей инфраструктурой: сетью дорог, мостов, городков и прочего, прочего, прочего. Поскольку многие шахты «пришлись» на крайне заболоченную местность, копать которую было бессмысленно, её... замораживали жидким азотом и лишь после долбили и сверлили. Когда ракеты были уже наведены на потенциальных врагов – страны НАТО и США, вспомнили, что в столице области до сих пор нет шоссейного моста через самую крупную реку Европы – Волгу, которая в этом течении разливается более, чем на версту. Мост построили лишь к 1970 году, а до этого так и сообщались две городские стороны при помощи парома! И это в то время, когда большинство крупных промышленных предприятий было построено как раз на менее значительной по численности населения заволжской стороне города (в прошлом году на мосту провели долгожданный ремонт!). Так и жили, сурово и весело. Основное костромское производство – это текстильные мануфактуры и машиностроение, но со временем появилась и углублённая переработка древесины, и не только в Костроме, но и на Северо-востоке области: в Мантурове и Шарье. Честно говоря, костромская лесная отрасль жила очень неплохо почти до Ельцинских времён. Леспромхозы (ЛПХ) стали не только производственными локомотивами края, но и средоточием культуры и духовной жизни. Здесь и зарабатывали больше, и жильё строили, и соцкультбыт, и обеспечивали своих работников и членов их семей всем необходимым для хорошей жизни, в том числе пресловутым дефицитом. Костромской край – это не только Волга да боры дремучие, хотя под Кологривом до сих пор сохранились участки девственной нетронутой тайги с выводками тетеревов и глухарей, с лосями, медведями, кабанами и даже рысями. Костромская область – это страна синих озёр и разливов до горизонта, это край искусных рыболовов и охотников, грибников, ягодников, травников и уникальных знатоков всех удивительных секретов русского Севера. Здесь, где-нибудь под Боговаровом, пахтают такое домашнее масло, что после него и знаменитое вологодское намазывать не станешь. Здесь, где-нибудь под Буем, Сусанином, а то и Вохмой тебя угостят таким сыром, какой ни одному голландцу придумать не под силу. А от ухи «с Чухломского озера» можно сойти с ума! В разгар так называемого Застоя в Кострому очень любил ездить на охоту брежневский зять Юрий Чурбанов со товарищи, которого, как водится, встречало первое лицо региона, в ту пору – первый секретарь Костромского обкома КПСС Юрий Баландин. Уже находясь в возду-

хе, первый заместитель министра внутренних дел Чурбанов попросил главу области Баландина угостить его знаменитыми чухломскими карасями. Времени оставалось в обрез. Что делать?! Баландин, о крутых нравах которого в Костроме до сих пор рассказывают анекдоты, вызвал из местной воинской части вертолёт и послал его на Чухломское озеро – ловить карасей. А дело было январской ночью, в аккурат на Крещенье. Мороз в Чухломе стоял такой, что весь карась забился в тину и в сеть, спущенную через прорубь, естественно, не торопился. Обозлённый Баландин сидел на рации, поминутно спрашивая про улов. О каждом пойманном карасе ему докладывали отдельно. Наконец, когда число рыбин перевалило за дюжину, первый секретарь приказал срочно лететь назад и как можно скорее доставить пойманное вместе с чухломским уховаром. А, между прочим, вывесил каждый озёрный карасик никак не меньше килограмма. Так что, Чурбанов и его московские генералы были страшно довольны угощением, сваренным в специальном казане на каких-то заранее заготовленных, не известных никому травах. И подобных рассказов я слышал десятками, и всегда все они были только из первых рук, от непосредственных участников и свидетелей. И всё же, увы, самое сильное впечатление на меня произвели не Чухломское и Галичское озёра, и даже не заповедный Каменик, где, запнувшись о белые грибы, можно вывихнуть ногу, а острова между Нёмдой и Унжей неподалёку от Берёзовца, что в Кадыйском районе. Мы с сыном ловили там щук «на дорожку» и были страшно увлечены процессом, как вдруг заметили какие-то странные перемены вокруг. Словно Стикс переплыли! Вода незаметно встала и потемнела, а кругом воцарилась такая мёртвая тишь, какой в июле, да ещё по весело текущей Нёмде, просто и быть не может. Ни птичьего щебета, ни коровьего мыканья (на островах всегда паслись коровы, самостоятельно переплывая с одного клочка суши на другой), ни древесного шелеста... Внимательно присмотревшись к ближайшему острову, мы увидели старый пирс из полусгнивших брёвен, а дальше – ржавые остовы небольших судов-лесовозов и лесопогрузочной техники: краны, лебёдки, вагонетки, обломки рельсов, обрывки тросов и прочее. Потом появился ещё один такой пирс, а потом ещё и ещё. Всё, как будто, говорило о том, что здесь произошла какая-то страшная катастрофа, и люди, которые некогда работали в этих краях, просто в одночасье бросили всё и кинулись в чащи, спасаясь от смертельной опасности. И больше они сюда уже не вернулись. Сын, ничего не понимая, сидел на корме и, словно домашнего кота, гладил по голове недавно пойманную, ещё не уснувшую щуку, а я вдруг вспомнил про УнжЛаг, о котором мне рассказывал один костромской краевед пару лет назад. Помнится, я ещё и слушал-то его не шибко внимательно, поскольку обильно хлынувшей литературой обо всех этих лагерных ужасах был буквально утомлён. И вот на тебе, так просто, безо всякой журналистской цели, сибаритствуя и наслаждаясь любимым видом отдыха на редкой по красоте реке, взять и выплыть сразу в центр самой страшной русской трагедии. Ещё не выйдя полностью из ступора, я неожиданно громко закричал сыну, чтобы он грёб отсюда в обратную сторону, ужасаясь от одной лишь мысли, что впереди нас могут поджи-

дать всё новые и новые пирсы. Успокоились мы лишь возле Берёзовца, при виде плывущего прямо по Нёмде стожка(!). Это один из местных «укоренённых» жителей вёз с островов сено, укутавшись в него с головой.

Вообще говоря, костромичи в семидесятые-восьмидесятые годы жили не хуже других, – и не только «лесники» (работники лесной отрасли), но и, например, многочисленные «текстили», которые имели весьма приличные привилегии по сравнению с теми же машиностроителями, учителями и прочей интеллигенцией. Зарплаты, ежегодные бесплатные путёвки, свои профилактории и стадионы. Да и самый крупный в области Дворец культуры, в который охотно ездили и ездят все звёзды страны и Зарубежья, – их, текстилей! Даже в первые годы – ещё советского – Рынка они оказались в выигрыше, поскольку стали менять часть своей продукции на дефицитные в ту пору автомобили «Ваз», которых попросту не было в свободной продаже. А тут директора льняных комбинатов обеспечили своих сотрудников дефицитными автомобилями «от и до». Многие, честно говоря, их попросту перепродавали, и не по одной машине. Ещё лучше жилось работникам крупнейшей в Европе Волгореченской ГРЭС (в полусотни километрах от Костромы), которая до приезда на неё Чубайса, была не только градообразующим для Волгореченска предприятием, но и значительно пополняла областной бюджет. Но с приходом Ельцина и команды Гайдара всё, увы, в Костромской области стало круто меняться в худшую сторону. И, конечно, не только и даже не столько в материальном отношении. У большинства «укоренённых» россиян попросту вышибли из-под ног абсолютно все основы их жизни, самого мироощущения. Подавляющее большинство людей среднего и более чем среднего возраста перестали понимать: что (а главное, во имя чего) в стране происходит? Какие-то проворные молодые люди, которых никогда не видели ни на фабриках, ни на комбинатах и заводах, и которых ранее все считали тунеядцами и спекулянтами, стали массово скупать ваучеры, становясь хозяевами тех самых предприятий, что совсем недавно кормили практически всю область. Теперь же, воцарившись на них, новые хозяева, первым делом, грубо говоря, гнали всех в шею, и прежде всего – самых опытных и профессиональных специалистов, потому что они во все времена оставались, по большому счёту, независимыми гражданами края и страны. Признаться, мне этот процесс чем-то напоминал раскулачивание, только в сфере производства. Чем всё это закончилось, известно. Самые умные и мастеровитые со временем ушли в частные фирмы, а то и вовсе уехали из края, оставив фабрики и заводы на полное разграбление и умирание. И они практически все умерли... Умереть текстильной промышленности края помог к тому же Китай, рьяно занявшийся переработкой исконно русского продукта – льна. Китайцы стали заваливать им наши западные рынки по заниженным ценам. И вскоре Дания, Голландия, Италия и иные наши постоянные западные партнёры переключились на китайцев. Но куда больнее было «лесникам», поставлявшим на рынок основной костромской продукт – пиломатериал. Главный удар гайдаровцы нанесли по леспромхозам, практически уничтожив как их самих, так и завязанные на них структуры жизнеобеспечения. И если горожане в этой ситуации ещё как-то могли переориентироваться и даже какое-то время просуществовать, например, на зарплату члена семьи, занятого в другой отрасли, то в многочисленных удалённых от центров лесных посёлках наступил самый настоящий мор, поскольку в них все только лесом и занимались – от мала до велика. Я знаю, о чём пишу, потому что изъездил весь костромской Северо-восток вдоль и поперёк. Лесорубы – это соль костромской земли. Их посёлки и называются то по-особому, словно и не сёла так называли, а прозрачные лесные родники, которые всегда наши люди оберегали пуще своей жизни: Талица, Воробьёвица, Полдневица, Черемошница... Так и слышится в них – «водица», а ещё есть в череде их Питер и Иерусалим. Последнее, согласитесь, вольно – невольно напоминает о мученической смерти Иисуса, столь же чистого, открытого и, по большому счёту, беззащитного. В этой связи мне в ту пору очень хотелось дать холёному москвичу Гайдару топор и отправить его куда-нибудь

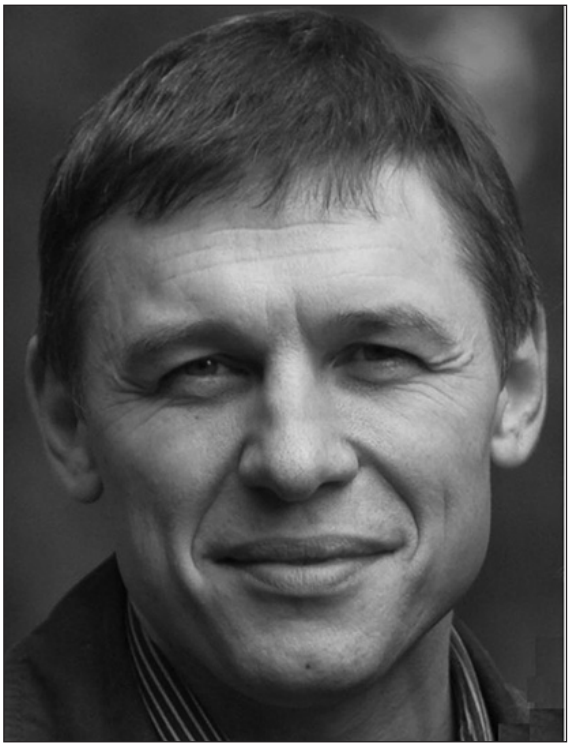
под костромскую деревню Гробовщина, в царство мошкары и слепней – сучковать заваленный ельник. Кстати, в конце концов, ЛПХ точно так же разворовали и обанкротили, как и городские предприятия. А процесс, о котором говорил ещё Горбачёв, всё шёл и шёл: вскоре в области ликвидировали мобильные дорожно–эксплуатационные предприятия (ДЭПы), жилищно-эксплуатационные комбинаты и участки (ЖЭКи и ЖЭУ), ремонтно-строительные участки (РСУ) и даже наша «градообразующая» ракетная дивизия была выведена в неизвестном направлении, а многочисленные ракетные шахты взорвали и частично засыпали старыми денежными купюрами. Я бывал в брошенных военных городках, на так называемых ракетных точках. Ощущение сродни тому, что я описывал выше, когда случайно заплыл в УнжЛаг. Но до сих пор я езжу на своём автомобиле по многочисленным проложенным военными бетонкам и до сих пор в костромских лесах не заросли рваные траншеи – следы выкопанных чёрными следопытами кабелей. О сельском хозяйстве и говорить нечего. В области есть районы, например, Пыщугский, где «колхозов» (ОПХ или СПХ) нет вообще: скотина забита, а пахота окончательно заросла.

Но, как утверждал некогда Александр Блок, у которого взбунтовавшиеся в семнадцатом году мужики сожгли родовое имение, сколько бы мы ни говорили о печальном и ни рассуждали о концах и началах, всё же необходимо думать и о простом человеческом счастье. Какое оно у людей в нашем заповедном лесном крае? «Оно соткано из удивительных, неповторимых приоритетов! – Считает костромской губернатор. – Скажите, где ещё, в каком регионе огромной страны русский мужик ставит взаимоотношения с соседом выше отношений с супругой?! Честно, не знаю: плохо это или хорошо… Но, вообще, дружба в шкале нравственных ценностей у жителей нашего Северо-востока стоит на первом месте! Увы, здоровье пока лишь на восьмом…». Наверное, поэтому ни что в области сегодня не развивается столь интенсивно, как строительство и переоборудование поликлиник, больниц и медицинских центров. И приток свежих сил наблюдается, – например, врачей из соседних регионов, где у них и зарплаты ниже, и нет той сетки льгот, которые разработаны и обеспечены губернатором и думой. Да и бизнес, если трезво подумать (увы, пьянство по-прежнему остаётся главным бичом провинциальной жизни!), способен встать на ноги не только на торговом Юго-западе, но и в удалённых от цивилизации Боговарове или Павине. Для этого бизнесмену необходимо продуманное целеполагание, честолюбие и самоотверженность. В общем, всё те же качества, которыми обладали костромские предприниматели начала прошлого века. И в крохотном Павине, например, таковых наберётся человек пятнадцать. Это бывшие лесорубы, трактористы и инженеры, которые, используя преимущества протекционистской в сфере развития лесоперерабатывающей отрасли политики, учредили в начале века более десятка частных фирм. Пишущий эти строки объехал с главой района несколько таких малых предприятий и был несказанно удивлён высокой культурой павинской лесопереработки: до двадцати пяти наименований продукции по самым высоким евро-стандартам! И каждая партия, а то и отдельное изделие – в целлофановой плёнке и с маркировкой. Но и среди этих полутора десятков предпринимателей, по мнению Сергея Ситникова, есть настоящие феномены, опыт которых может стать живым примером для всей России. Например, хозяйство Курбанова (я был в нём лично ещё лет пять-шесть назад), на котором лесопереработка искусным образом сочетается с сельским хозяйством. На первых порах, как животноводство, так и земледелие предприниматель поддерживал исключительно за счёт леса. Но со временем он сумел добиться такого гармоничного сочетания видов деятельности, при котором всё в хозяйстве стало зависеть одно от другого. Навоз и опилки так обогащают курбановские посевные угодья, что земля на них даёт до сорока центнеров с гектара зерновых при пятнадцати – восемнадцати центнеров – у соседей. В свою очередь, хорошие урожаи обеспечивают значительные привесы

свиней и бычков. Средства же от выгодно реализованного мяса Курбанов вкладывает в модернизацию лесоперерабатывающего оборудования и расширение лесосечных площадей. Кстати, плату за аренду лесосечных площадей нынешняя администрация снизила почти вдвое.

Увы, куда более однороден и не затейлив бизнес, развивающийся в самой Костроме. К сожалению, в большинстве своём, местные предприниматели не унаследовали тех, прежде всего, человеческих качеств, коими были в полной мере наделены их знаменитые на всю Россию предшественники. Казалось бы, налоги – святое дело! Но даже их, легальные, предусмотренные федеральными законами денежные отчисления в бюджет, нынешние костромские капиталисты платят неохотно, изощрённо изобретая разного рода «уходы» и хитрости. Например, в любом из магазинов широкой сети одного «закоренелого» депутата областной думы вы получите на кассе сразу несколько чеков: колбаса и мяса – от одного ИП, рыба и консервы – от другого, молочная продукция – от третьего и так далее. Делается это как раз с целью уйти от налогов и хорошо известно в самых широких кругах, как дробление бизнеса. И лучше других это знают костромские силовики и фискальные органы. Но... в костромских думах, как областной, так и городской, львиная доля депутатов – предприниматели, которые ловко лоббируют свой бизнес, часто применяя при этом не самые прозрачные приёмы и методы (пресловутые зарплаты в конвертах и прочее). Так, Кострому не безосновательно называют «ювелирной столицей России», но налогов областная казна от этой самой столицы получает – кот наплакал. То же можно сказать и о строительстве. Например, некогда мощный и единый Горстрой сегодня также представляет из себя не менее дюжины куда более мелких строительных компаний и фирм. Одна из основных причин всё та же: возможность более гибкого ухода от налогообложения. Депутат областной думы и руководитель группы компаний «ФЭСТ» Владимир Михайлов по этому поводу не раз взывал к коллегам: дескать, пора образумиться и перестать дурить хотя бы самих себя. Ведь постыдным для всех нас является не то, что налогов не платят разного рода подпольщики (тех же ювелиров-частников в одном только Красносельском районе более трёхсот!), а как раз то, что это постыдное явление касается руководителей, формально признанных и уважаемых, которые поставляют на рынки всего Центрального региона самый широкий спектр товаров и услуг. За это Михайлова в Думе считают белой вороной, особенно после того, как он со скандалом вышел из состава «Единой России». Кстати, бизнес самого Михайлова, без натяжки, может служить примером для всех российских предпринимателей. Когда-то, ещё в девяностые, он решил развивать на костромской земле такую сферу, которую до него по каким-либо причинам не «трогал» никто. Например, автомобильные аптечки. Когда занялся, то оказалось, что это «поле напаханное» и во всей России. А потому уже к 1995 году ФЭСТ становится в стране очевидным лидером в этом сегменте аптечного производства. Дальше – больше. В 1998 году Михайлов ак-

тивно берётся за производство бандажной продукции, которую до него в стране монополизировал Минздрав. Со временем и здесь ФЭСТ выходит во всероссийские лидеры. Для того, чтобы прилично выглядеть на европейском уровне, он начинает активно ездить во Францию и Италию с тем, чтобы выставлять свою продукцию женского белья на международных выставках. Его дизайнеры и модельеры скрупулёзно изучают все самые модные тенденции и цвета, и вскоре ФЭСТ признают одним из лидеров в сфере производства дородовой и послеродовой продукции для женщин. «А ведь мы только сунули туда нос!» – восклицает предприниматель. Впрочем, чего уж там «сунули нос»?! На предприятиях Михайлова работает порядка пятисот человек, а в Европе предприятия подобного профиля, насчитывающие сто работников, уже считаются крупными. Сегодня он поглощён производством стерильной продукции, в том числе для беременных и только что родивших женщин. А началось всё с его жены, которая вышла в фойе родильного дома к мужу, «укоренённому россиянину», в весьма смешном, плохо сидящем халате. Выяснилось, что своё бельё и одежду в роддом приносить нельзя, ибо там всё должно быть абсолютно стерильным. И это стало толчком для предпринимателя Михайлова. Сегодня ФЭСТ производит более тридцати видов стерильной одежды для женщин. Это постельное бельё, полотенца, пледы, носки, детские комплекты, различные бандажные как дородовые, так и послеродовые вещи и прочее. Но гуманитарная мысль предпринимателя пошла дальше. Возвращаясь из Парижа, он разговорился в самолёте с Виктором Николаевым, директором фирмы «Старсем», которая, помимо прочего, стерилизует одежду для космонавтов, стартующих во французской Гвиане. Оказалось, что они делают это кустарным способом... Похоже, беседа может перерасти в сотрудничество, поскольку предприниматели подобного склада «с тех ещё времён» никогда и ничего не бросали на полпути. И, если задуматься всерьёз, что может быть гуманнее вспоможения женщинам рожать, оставаясь как до, так и после красивыми и желанными? Интересно и другое. Начал Михайлов с автомобилей, которые «весь мир заполонили», а теперь на горизонте – всепоглощающий Космос. И ещё. Весьма характерно и знаменательно то обстоятельство, что он не конкурирует со своими, а, наоборот – как те же Чижов, Третьяковы, Сытины, становит костромское дело российским, европейским и, может быть, мировым. А что? Он ещё довольно молод, а у молодых есть перед всеми нами одно существенное преимущество: они, как правило, – оптимисты и, в лучшем смысле этого слова, прагматики. Да и не всегда, согласитесь, больная память делает счастливым? Духовным – да, добрым – безусловно, а вот удачливым, обеспеченным – это навряд ли. А мы сейчас, в большей степени, говорим как раз о последнем, ибо, живя и действуя в потенциально самой богатой стране мира, продолжаем в большинстве своём свыкаться с, так сказать, персональной бедностью, как с непреложной данностью. И это неправильно хотя бы потому, что абсолютно не соответствует незыблемому для всех эпох и формаций философскому и жизненному закону о единстве материи и духа, формы и содержания, одёжки и ума. И хоть второе костромского губернатора волнует и занимает куда больше первого, идти к его совершенствованию он мыслит через



Владимир Михайлов

преобразование первого, что в дотационной Костроме сегодня может показаться и немыслимым. Но кроме тощего бюджета остаются ещё и они, нынешние Чижовы, которых год от года становится на земле Костромской всё больше: медленно, но верно. Не верится, но факт! Бывая сегодня у нас, как предприниматели, так и просто туристы из индустриально развитых регионов, мягко говоря, недоумевают: да, откуда у вас столько торговых центров – в разы больше, чем в любом соседнем городе? Например, где ещё можно найти столько всего для строительства и ремонта, как в костромском «Аксоне»? Поверьте на слово: нигде! Разве, что в Москве или Питере, только существенно дороже... Это же можно сказать и о нашем наивкуснейшем в мире хлебе (например, о самых доступных в России пирогах и тортах!), и о нашей пище духовной, за которой на родину последней монаршей династии едут сегодня из соседних областей, некогда пытавшихся поглотить, по мановению космополитического Центра, наши реки, леса, сёла и города. Не получилось. Да не очень-то, видно, и хотелось, потому как богу – богово, а кесарю – кесарево. Последние русские кесари пошли из Костромы, а Бог у нас – один. Но это здравый смысл и логика. А есть ещё и «живая» власть, которая, по меткому выражению Пушкина, «для черни ненавистна». Весь вопрос в том, согласны ли мы, «укоренённые русские», считать себя чернью? Самая пора при-

шла с этим как-то определиться. Хотя бы потому, что опять российские края и области намерены укрупнять путём всё того же пресловутого присоединения слабых к сильным. Понятно, что Кострому, если такое начнёт происходить в Центральном регионе, в силу опять-таки всё тех же причин, «назначат» слабым регионом, а, к примеру, Ярославль, который дымит всеми своими трубами всего в шестидесяти километрах от Костромы, – сильным. И вряд ли того же геополитика Жириновского, недавно затребовавшего для себя «пожизненного депутатства», смутит то «временное» геополитическое обстоятельство, что Костромская область более, чем вдвое, обширней Ярославской. Ну, не парадокс ли? А может, чем по новой заниматься болезненными административными перетасовками, лучше приступить к окончательной разработке и последующей реализации проекта по глобальному инвестированию Центра России, к чему призывал ещё Александр Солженицын в брошюре «Как нам обустроить Россию»? Правда, тогда ни Горбачёв, ни Ельцин, «увлечённые» борьбой друг с другом, любимыми, его попросту не услышали. А теперь? Теперь, мы, добрые и отзывчивые «укоренённые» русские люди, искренне радуемся построению колоссального моста на Дальнем Востоке, преображению Краснодарского края, присоединению Крыма и даже удорожанию газа для непостоянной и необязательной Украны. Но если честно, то нам самим чрезвычайно остро не хватает ещё одного (грузового) моста через Волгу, а нашим природным газом, который обогревает пол – Европы, пользуются всего пять районов области из двадцати пяти! Более того, даже в самой Костроме найдутся дома и целые улицы, на которые ещё не ступала нога работника самой мощной в мире газовой компании.

г. КОСТРОМА

Юрий КИРИЕНКО-МАЛЮГИН

Я НЕ ВЕРЮ ВЕЧНОСТИ ПОКОЯ

Часто пытаешься понять, чем руководствовался Николай Рубцов при поэтическом представлении какого-то явления (случайно возникшего и увиденного, или специально созерцаемого, или мистического) или своего подсознательного мировоззрения? Вот в стихотворении «Гость» лирический герой во время встречи с приятелем сообщает, чем он поддерживает жизнь. Возникает ассоциация, что «красным» – это красным вином, «белым» – это водкой, «зелёным» – это для знатоков того исторического периода – ликёр «Шартрез» зелёного цвета.

Что касается внешнего вида Поэта, то задаёшься вопросом, отчего это он так рано облысел? На фотоснимках во время службы на Северном флоте мы видим матроса с нормальной шевелюрой, играющего на гармошке и исполняющего чечётку в кубрике миноносца «Острый».

На многих снимках периода начала 60-х годов 20-го века виден лысеющий 25-летний Николай Рубцов.

Я часто задавался вопросом о причинах ранней потери волос Рубцовым и однажды выдвинул версию воздействия электромагнитных излучений от приборов, с которыми контактировал матрос-дальномерщик. В августе 1962 года на входе в общежитие Литературного института при случайной встрече с флотским другом и писателем Валентином Сафоновым Рубцов посетовал: «Тут вон на голове волос совсем, считай, не осталось. Очень я это переживаю...»

Многие современники отмечали пессимистические мотивы в поэзии Рубцова при довольно оптимистическом характере. Хотя никто не задавался вопросом о причинах такого странного явления для довольно молодого поэта. Правда, некоторые обосновывали эти факты бездомностью и безденежьем поэта. Автора статьи также насторожила сдержанная грусть поэзии Рубцова. Не помню, кто из современников подметил, что поэт писал так, как будто прожил большую часть жизни.

Приведу примеры мотивов видимого необъяснимого прощания Н.Рубцова с окружающим миром.

Прощай, костёр! Прощайте все,
Кто нынче был со мною рядом,
Кто воздавал земной красе
Почти молитвенным обрядом.

Это опубликовано 31.10.1964 г. в газете «Ленинское знамя», г. Тотьма

И эту грусть, и святость прежних лет
Я так любил во мгле родного края,
Что я хотел упасть и умереть
И обнимать ромашки, умирая...

Когда ж почую близость похорон,
Приду сюда, где белые ромашки,
Где каждый смертный свято погребён
В такой же белой горестной рубашке ...

Это – «Над вечным покоем», 1966 г., альманах «День поэзии». Есть свидетельства, что Рубцов исполнял эти стихи как песню в

общежитии Литинститута ещё за год-два до официальной публикации и затем часто в Вологде и в Москве. Имеется магнитофонная запись этой песни, исполняемой Рубцовым.

Я вспоминаю, сердцем посветлев,
Какой я был взволнованный и юный!
И пусть стихов серебряные струны
Продолжат свой тоскующий напев
О том, какие это были дни!
О том, какие это были ночи!
Издалека, как синенький платочек,
Всю жизнь со мной прощаются они...

Это – «Синенький платочек»; опубликовано 03.09.1967 г. в газете «Вологодский комсомолец». И следующие исповедальные мотивы:

Красным, белым и зелёным
Мы поддерживаем жизнь.
Взгляд блуждает по иконам,
Настроенье – хоть женись!

Я молчу, я слышу пенье,
И в прокуренной груди
Снова слышу я волненье:
Что же, что же впереди?

Как же так – скажи на милость! –
В наши годы, милый гость,
Всё прошло и прокатилось,
Пролетело, пронеслось?

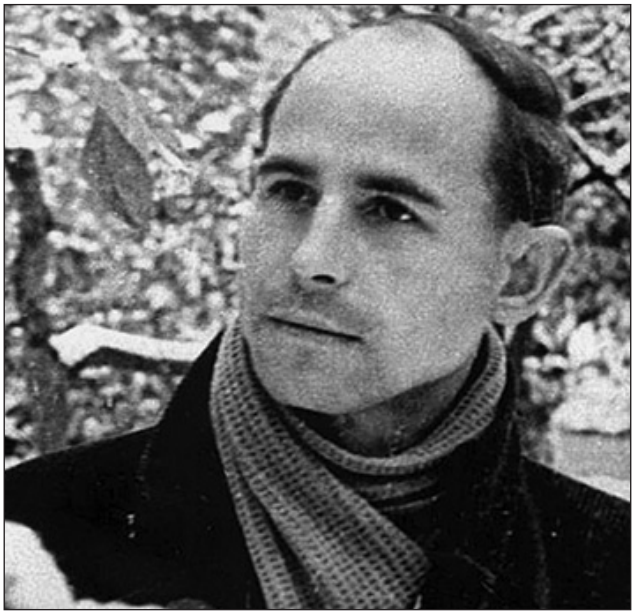
Этот фрагмент из стихотворения «Гость», которое было опубликовано после гибели поэта в 1976 году в сборнике «Подорожники». Создано в довольно благополучные в материальном отношении годы (конец 60-х – начало 70-х годов 20-го века).

Перед этим
Строгим сельсоветом,
Перед этим
стадом у моста,
Перед всем
Старинным белым светом
Я клянусь:
Душа моя чиста.

Пусть она
Останется чиста
До конца,
До смертного креста!

Это фрагмент из стихотворения «До конца»; опубликовано 25.03.1969 г. в вологодской газете «Красный Север». Такое написать мог только человек, который чувствовал свой преждевременный уход.

Можно ещё упомянуть содержательные размышлительные и мистические картины, нарисованные поэтом в «Философ-



ских стихах», «Осенних этюдах», «Журавлях», «Ферапонтово» и в которых проявляется народная философия Поэта.

А теперь обратимся к страницам биографии Н.М. Рубцова.

Из книги Ю.Кириенко-Малюгина «Николай Рубцов: «Звезда полей горит, не угасая...» (Изд. НО «Рубцовский творческий союз», М., 2011), из главы «Николай Рубцов и Северный флот» привожу фрагмент № 1:

«Для понимания габаритов военно-морского корабля – места службы Николая Рубцова и условий службы – приводим информацию Г.Фокина:

«Эскадренный миноносец «Острый» стал на долгие четыре года не только местом службы, но и родным домом. **Боевой пост Коли, визирщика-дальномерщика артиллерийской боевой части, был на фок-мачте, повыше командного мостика**, а мой, машиниста котельного, – намного ниже ватерлинии. Его кубрик – под носовой надстройкой, мой – под ютовой палубой.

И хотя нас разделяло всего около ста метров (таковы масштабы миноносца. – Прим. автора), виделись мы нечасто. Ко-

рабельная служба, строгое расписание боевых вахт в походе не совпадали с нашими желаниями, а мы уже выяснили, что оба пишем стихи.

Но мы, всё же, встречались между вахтами, перекуривая на юте полярными ночами, светлыми от всполохов северного сияния, где-нибудь у берегов Новой Земли или ещё подальше» (Г.Фокин фактически обозначает зоны, где советские корабли вели охрану территорий испытаний атомных бомб. – Прим. автора книги). Именно там матросы получали повышенные дозы радиации».

Из авторской книги «Николай Рубцов: «Звезда полей горит, не угасая...» привожу фрагмент № 2:

«После проведения ядерных испытаний, в которых участвовал в отряде оцепления и визуально-приборных исследований миноносец «Острый», дальномерщик Н.М. Рубцов, находясь на фок-мачте миноносца, наверняка получил облучение. В связи с этим он был направлен на обследование в госпиталь в Мурманск. Вскоре после этого матросу Рубцову предоставили отпуск и он уехал в Приютино (проезд туда и обратно был бесплатный, и даны суточные на проживание, как это было при советской власти).

Как сообщил адмирал флота Капитанец И.М., корабли Северного флота, в том числе миноносец «Острый», стояли в оцеплении зоны серии пятнадцати ядерных воздушных взрывов (31). И тогда Рубцов, который нёс палубную службу, получил довольно высокую дозу радиации. Во всяком случае, командир миноносца Капитанец И.М. сообщает, что у него количество лейкоцитов после испытаний уменьшилось в 2 раза. Что сказалось на его зрении к 90-м годам прошлого века. А у Рубцова вследствие участия в испытаниях через несколько лет выпали волосы на голове. В одной песне тех лет есть строка: **«водка очень хороша от стронция». Этим лекарством пользовались все, кто получил радиацию. В том числе Рубцов**, не афишируя конкретных причин.

На основании информации, взятой из Интернета на поиск «Ядерные испытания в СССР, создание ядерного полигона на Новой Земле» привожу следующие фрагменты сведений:

Создание полигона на Новой Земле проходило поэтапно:

1. Для проведения морских испытаний ядерных боеприпасов постановлением Совета Министров СССР от 31 июля 1954 года № 1559-669 был определён район испытаний на островах Новой Земли с соответствующими координатами и создан морской научно-исследовательский полигон.

Для проведения воздушных испытаний в соответствии с постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 5 марта 1958 года № 258-126 территория морского научно-исследовательского полигона была расширена, и за полигоном был закреплён статус Государственного центрального полигона Министерства обороны...

2. По результатам испытаний, проведённых в 1955–1956 гг., был сделан вывод о пригодности острова Новая Земля для проведения всех видов испытаний.

По документам видно, что испытания атомных бомб проводились в 1955–1956 г.г. и продолжались в 1957 г. и далее.

Постановлением Совета министров СССР № 724-348 от 27 июля 1957 года были предусмотрены и реализованы мероприятия по отселению гражданского населения с островов «Новая земля»: трудоустроить всё трудоспособное население, отселяемое с островов Новая Земля; назначить, в виде исключения, переселяемым с островов Новая Земля пенсии...; построить: в г. Архангельске пять (8-квартирных) брусчатых домов с котельной; на о. Колгуев пять (2-квартирных) брусчатых домов, баню, прачечную и электростанцию...; выплатить за счёт средств Министерства обороны пособие отселяемым на материк в размере 300 рублей (на о. Колгуев 1000 рублей) на каждого человека.

То есть, государственные органы предусмотрели трудоустройство и условия проживания отселяемого населения.

Согласно приказу командира миноносца моряк Рубцов с 24 мая 1957 года числится убывшим в Военно-морской госпиталь. Очевидно, с целью обследования матроса после ядерных испытаний.

Летом 1957 г. Николай Рубцов получает отпуск фактически для профилактическо-

го отдыха-лечения после испытаний и приезжает на побывку в Приютино. Ожидаемое счастье не получилось. Тая Смирнова вышла замуж. В Приютино Рубцов узнаёт, что Николая Белякова, друга юности посадили в тюрьму. Как он потом говорил, за то, что заступился за приятеля».

Из авторской книги «Николай Рубцов: «Звезда полей горит, не угасая...» привожу фрагмент № 3:

«В 1957, 1958 и 1959 годах продолжались ядерные испытания, в которых участвовали корабли Северного флота, в том числе для визуальных исследований (службой дальномерщиков) и в оцеплении для предупреждения заходов иностранных любознательных военно-морских кораблей для разведки.

Для понимания остроты ситуации с ядерными испытаниями привожу фрагменты стихов Рубцова. Из стихотворения «В походе», которое опубликовано 26 июня 1958 г. в газете «На страже Заполярья»:

В походе мужают люди,
Суровы их лица страстные...
Зрачками стволов орудия
Уставились в даль ненастную.

Из стихотворения «Первый поход», которое создано, вероятно, в 1956 году, опубликовано в газете «Комсомолец Заполярья» 5 июля 1959 г:

Казался сон короче
вспышки залповой
И обострённость чувств такой была,
Что резкие звонки тревог внезапных
В ушах гремели, как колокола.

В апреле 1958 года матрос Рубцов получил отпуск сроком на 51 сутки. 14 июня 1958 года согласно приказу Рубцов числится прибывшим в свою часть из отпуска. Автор считает, что этот внеочередной отпуск был предоставлен Рубцову для радиационно-медицинского обследования и профилактического лечения».

В стихотворении «В горной долине» (опубликовано 29 мая 1966 года на Алтае) Рубцов вскользь говорит:

Я видел суровые страны,
Я видел крушенье и смерть,
Слагал я стихи и романы...
Не знал я, где эти тюльпаны,
Давно бы решил посмотреть!

Н.М. Рубцов нигде, ни в общежитии Литинститута, ни на Вологодчине, ни в литературных застольях не сообщал об участии в испытаниях ядерного оружия. Нигде не говорил о причинах раннего облысения. Потому, что он наверняка давал подписку о неразглашении секретных сведений, тем более таких сверхсекретных. Это обычная в те времена, да и сейчас практика в любом государстве.

Итак, сделаем выводы. За время службы на Северном флоте Н.М. Рубцов получал неоднократно большие дозы радиации, находясь на фок-мачте миноносца «Острый», даже находившегося на определённом удалении от зоны ядерных взрывов. Более того, наводчик-дальномерщик получил лучевую болезнь и знал об этом. Знал, что уйдёт преждевременно по сравнению со сверстниками из гражданских областей жизнедеятельности. Как сообщает Н.А. Старичкова (которая была старше поэта на 5 лет), Н.Рубцов говорил: «Я умру, а ты ещё поживёшь». Он просил Н.А. Старичкову, чтобы та написала воспоминания о нём. Рубцов знал, что единственным способом продления жизни является вино, особенно красное. Известно, по свидетельствам современников, что Н.М. Рубцов водку не жаловал, любил красное вино. Вот этим-то и объясняется эпизодическое стремление студента-поэта и позднее дипломированного литератора к застольям. Также, как следствие, констатировалась наличие пустых бутылок из-под красного вина в комнатах Н.Рубцова в Вологде. Но многочисленные стихи поэт создавал, конечно, на трезвую голову.

Попытки Л.Дербиной, убийцы поэта, представить Н.М. Рубцова алкоголиком не выдерживает критики по всем выше изложенным фактам. Её попытки представить, что Н.Рубцов хотел добровольно уйти из жизни, являются просто дезинформацией. Её ссылки на Чёрного Рока – это игра на мистическом мировоззрении русских читателей. Тёмные силы были, но это те, кто генетически не воспринимал русскость поэзии Рубцова. Почему атеистка, поклонница «волков» и звериных образов Л.Дербина

при наличии в квартире Рубцова икон и портрета православного писателя Н.В. Гоголя продолжала приходить к нему на квартиру? Знала ли Л.Дербина о нюансах службы Поэта на Северном флоте? О его участии в оцеплении зоны ядерных испытаний и ви-

зуальных исследованиях на боевом корабле – эсминце? О том, что Рубцов должен рано уйти из жизни именно из-за невидимой лучевой болезни? Трудно сказать. Она знала, конечно, по содержанию, по настрою ряда стихотворений Рубцова о его преждевременном уходе из жизни. Но она передёргивает причины и следствия мотивов ухода поэта. Особенно, упирая на стихотворение «Я умру в Крещенские морозы...»:

Я умру в Крещенские морозы,
Я умру, когда трещат берёзы.
А весною ужас будет полный:
На погост речные хлынут волны!
Из моей затопленной могилы
Гроб всплывёт, забытый и унылый,
Разобьётся с треском,
и в потёмки
Уплывут ужасные обломки.
Сам не знаю, что это такое...
Я не верю вечности покоя!

Начальная строка ещё не означает, что Рубцов именно в ожидаемые Крещенские морозы января 1971 года собирался уйти из жизни. Кстати, мистика состоит в том, что с 19 января 1971 года и в течение более месяца не было никаких морозов на Европейской части России, была оттепель и плюсовая температура. Природа плакала... Это известный факт.

Следующая часть стихотворения также оказалась неисполненной. Поэт похоронен на Пошехонском кладбище в Вологде, где нет никаких затоплений. Одна – правда: Не дают тёмные силы успокоения Рубцову после гибели («Я не верю вечности покоя!»).

А Поэт надеялся и исповедовался:

Отложу свою скудную пищу,
И отправлюсь на вечный покой.
Пусть меня ещё любят и ищут
Над моей одинокой рекой

Пусть ещё всевозможное благо
Обещают на той стороне.
Не купить мне избу над оврагом
И цветы не выращивать мне.

И мы знаем, кому адресовал Рубцов такие строки из стихотворения «Слёз не лей», которое опубликовано 31.09.1969 г. в газете «Вологодский комсомолец»:

Слёз не лей над кочкою болотной
Оттого, что слишком я горяч,
Вот умру – и стану я холодный,
Вот тогда, любимая, поплачь!

Это обращение к Гете Меньшиковой, матери его дочери Лены. Или есть и на это стихотворение претендентки, коих появилось множество в последние несколько лет и которые проживали бы в местах «с кочкою болотной»?

Известно, что Н.М. Рубцов написал морскую повесть, которую, конечно, не мог тогда опубликовать. Повесть исчезла из квартиры Рубцова после убийства. У кого она находится? Осталась только одна страница. А поэт в стихотворении «По дороге к морю» (опубликовано 9 августа 1968 года в газете «Вологодский комсомолец») писал:

Ещё он долог по селеньям,
Мой путь к морскому кораблю,
И, как тебе, цветам осенним
Я всё шепчу: «Люблю. Люблю...».

Ответы, ответы на некоторые тайны... И вопросы, вопросы...

Вячеслав ОГРЫЗКО

СЛУЧАЙНЫЕ ЭПИЗОДЫ

В 60-е годы уже прошлого столетия Александра Дымшица считали пугалом для либералов. Как от него доставалось журналу «Новый мир», редакции «Краткой литературной энциклопедии», Василию Аксёнову, Евгению Евтушенко, другим современникам! Но он же первым добился переиздания книг запрещённых некогда Михаила Зощенко и Осипа Мандельштама. Как говорили, этот критик имел огромное влияние в кабинетах ЦК партии на Старой площади.

Круг интересов Дымшица был чрезвычайно обширен. Он изучал Некрасова, пролетарский фольклор, Маяковского. Ему была близка немецкая литература, причём как классика, так и творчество современных авторов. Его занимали искания и ведущих русских писателей. А ещё критик интересовался Арменией, не пропускал ни одного нового кинофильма, следил за театральными премьерами, ходил на выставки художников.

Не обошёл Дымшиц своим вниманием и Север. Но насколько профессионально он судил о Севере? Что было больше от его суждений: пользы или вреда?

1.

Первое соприкосновение Александра Дымшица с непривычной для европейцев культурой кочевых народов Севера произошло в конце 30-х годов. Он тогда приятельствовал с писателем Геннадием Гором, который иногда вёл занятия в Институте народов Севера. А у Гора в любимчиках ходил начинающий художник Константин Панков, приехавший учиться в Ленинград с Приполярного Урала. Гор считал Панкова ненцем. Но это было не так. Отец северянина происходил из коми зырян и много лет работал на местных купцов, а в жилах его матери текла кровь вогулов – манси (она почти всю жизнь батрачила на богатых оленеводов).

Дымшица заинтересовали необычная судьба и причудливые картины Панкова. Ему захотелось познакомиться с художником поближе. Уже в 1973 году он вспоминал: «Панков был человеком скромным, даже чуть стеснительным. Держался он просто, вежливо кивал головой с густой шапкой волос, сосредоточенно, внимательно глядел на собеседника, крепко пожимал руку, улыбался приветливо и частенько начинал говорить со слова однако» («ЛР», 1973, 17 августа).

Когда началась война, Панков и Дымшиц ушли на фронт. Панков стал снайпером (его убили в 1944 году в Северной Норвегии). А Дымшиц сначала получил назначение в одну из армейских газет, а потом занялся контрпропагандой среди войск противника на Ленинградском фронте.

Надо отметить, что Дымшиц долго ничего не знал о судьбе Панкова. После войны он был оставлен в Берлине. Ему поручили заниматься проблемами литературы и искусства в Советской военной администрации в Германии. Критик, в частности, лично отбирал для перевода на немецкий язык произведения современных советских авторов. На этой почве он возобновил отношения с Гором. Он хотел познакомить немцев с последними рассказами этого писателя. Одновременно ленинградские издатели попросили Дымшица написать предисловие к одной из книг Гора. Так завязалась

переписка двух литераторов.

Дымшиц первым делом поинтересовался у Гора, как сложилась судьба Панкова. Гор ответил 19 июля 1946 года.

«Дорогой Александр Львович! – писал Гор. – Посылаю Вам заказной бандеролью мою новую книжку «Остров будет открыт», замысел которой я вам рассказывал на невском проспекте перед Вашим отъездом. Критикам и, кажется, читателям она понравилась. Впрочем, я имею ввиду ленинградских критиков, в Москве крит. отзывов о ней не было.

«Панкова» пошлю как только достану журнал. У меня эта повесть не сохранилась. Сам Панков погиб незадолго до окончания войны на границе Норвегии. Неповторимый был художник и замечательный человек.

Эльмар Грин написал очень интересную повесть «Когда ветер дует с юга». Будет печататься в 8 или 9 номерах «Звезды». Там же печатается мой «Учитель», но под другим названием. Когда выйдет журнал, пришлю.

Когда мы Вас увидим в Ленинграде? Часто вспоминаем Вас.

Привет от Кратта, Рахманова.

Ваш Геннадий Гор». (РГАЛИ, ф. 2843, оп. 1, д. 1004, л. 1.)

Спустя какое-то время Гор отправил Дымшицу новое письмо Он сообщил:

«Дорогой Александр Львович!

С большим запозданием посылаю Вам свою повесть «Панков».

Сам герой повести художник Панков погиб в конце войны. Он освобождал Норвегию и был ценим командованием как отличный снайпер.

Репродукций с его картин у меня, к сожалению, нет. Посылаю два фото: скульптурную мастерскую ИНСа [Института народов Севера. – В.О.] и нанайцев, исполняющих свой традиционный танец на фоне одной из картин Панкова.

Вот и всё. Буду рад, если повесть вам не разонравится. Она писалась в 1940 году, и сейчас я пишу уже не так. Потому и посылаю без новой концовки. Думаю, что о его смерти надо сообщить в предисловии. Я рассчитываю, что это Вы сделаете гораздо лучше меня.

В одном из писем к Бурсову Вы сообщали, что перевели мой «Остров будет открыт». Если это так, был бы очень признателен, если Вы бы прислали мне вырезку.

Часто вспоминаем Вас, особенно во время наших лит. дискуссий и теоретических собраний.

Ваш Геннадий Гор». (РГАЛИ, ф. 2843, оп. 1, д. 1004, лл. 21–21 об.)

После возвращения Дымшица в 1949 году из Германии в Ленинград надобность в переписке отпала. Два литератора имели возможность видеться и обсуждать наболевшее чуть ли не каждый день.

Переписка возобновилась уже в 1959 году, когда Дымшиц переехал в Москву. И в какой-то момент главным её лейтмотивом стал Панков.

Уже в начале 1967 года Гор писал:

«Дорогой Александр Львович!

В короткой новогодней открытке я не мог что-нибудь вразумительно сказать о Вашей статье.

Всё, в том числе и её, воспринял я как искреннее выступление в защиту прогрессивной культуры от рафинированного хунвейбина и скрытого реакционера М.Лифшица.

Статья Лифшица таит большую опасность для советской культуры из-за своей рафинированности. В ней много общего с «Тлёй». Но «Тля» менее опасна, потому что глупа.

Книга о Панкове (с репродукциями) выйдет в конце этого года в изд-ве «Совет. художник» (Ленингр. отделении). Отредактированная, она давно уже томится в производ. отделе издательства, работающего в расчёте на долголетие автора.

Но увы! Мы не долгожители. Вчера похоронили прекрасного человека и большого писателя Юру Германа. Очень грустно, что наши желания несоразмеримы сроку, нам отпущенному.

В книге о Панкове я вспоминаю многих друзей его творчества, в том числе и Вас, дорогой Александр Львович.

Ещё раз благодарю Вас за честный выпад против Лифшица и его позорной статьи.

Ваш Геннадий Гор». (РГАЛИ, ф. 2843, оп. 1, д. 1004, лл. 8–8 об.)

Вновь Гор напомнил Дымшицу о Панкове в конце 1972 года. Он писал:

«Дорогой Александр Львович!

Пользуюсь случаем поздравить Вас с Новым годом на

открытке, репродуцированной картины К.Панкова.

Не примите это за напоминание о той статье, которую Вы обещали написать.

Это ещё не поздно. В марте 1973 года выйдет большой альбом его вещей в издве «Аврора».

С глубоким уважением Геннадий Гор». (РГАЛИ, ф. 2843, оп. 1, д. 1004, л. 14.)

Добавлю, на открытке была репродукция картины Панкова «Оленья упряжка».

Как только вышел альбом, Гор стал хлопотать об откликах в печати. И первым делом он обратился к Дымшицу. 25 мая 1973 года писатель сообщил:

«Дорогой Александр Львович!

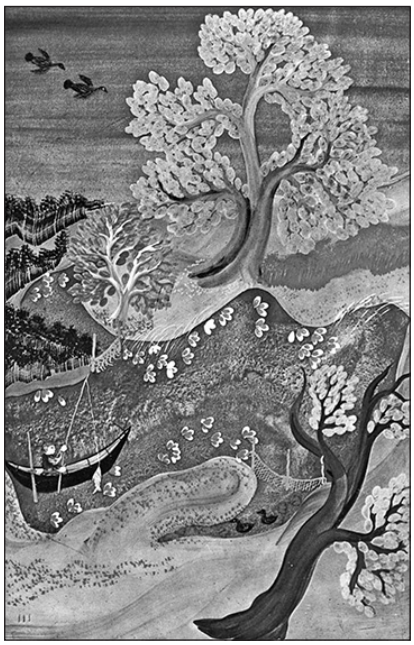
Несколько дней назад я послал Вам альбом Панкова. Я понимаю, что слащавое мещанское слово «альбом» совсем не вяжется со смыслом и духом свежего и первозданного творчества этого удивительного художника.

Надеюсь, что это красивое издание поможет Панкову занять ему подобающее место в советской и мировой живописи.

Думаю, что Вы не станете возражать, что Панков не только поразительно оригинален, но и духовен той особой эпической хлебниковско-пушкинской духовностью, подобной которой я не вижу ни у кого из его современников. Об этом я не писал в своей вступительной статье (выжимают из ранее вышедшей книги), но надеялся, что это скажет самому себе каждый кто раскроет альбом.

Панкову нет равного и подобного в современной культуре, потому что он единственный гений, совершивший переход из палеолита в современность.

Каким рассудочным по сравнению с ним кажется творчество Рытхэу и других куда более известных и оценённых, чем гениальный Панков.



Весна.
Картина Константина Панкова

Жена Панкова работала кладовщиком в Луге, сохранила всего одну картину, её купил Б.И. Бурсов (увидите в конце альбома), сейчас живёт в Луге и получает крошечную пенсию (40 рубл.). Справедливо ли это?

Надеюсь, что Вы напишите о Панкове. Я не хотел бы, чтобы его слава была односторонней, мне хотелось бы, чтобы его знали не только рафинированные ценители живописи, но и весь советский народ, ведь он отдал всё, в том числе и жизнь, служа Родине.

Редко какому художнику удалось передать с такой поэтичностью истинно музыкальный феномен рождения современного искусства у народов Крайнего Севера.

С приветом и уважением Геннадий Гор».

(РГАЛИ, ф. 2843, оп. 1, д.1004, лл. 16–16 об.)

Однако Дымшиц с откликом на альбом не спешил. Гора это огорчало. 15 июня 1973 года он вежливо напомнил критику о себе. Гор отметил:

«Буду рад, если Вам удастся написать о К.Панкове. Панков для меня символ гармонии, которую я ценю выше всего, символ чистоты и подлинной народности. Для меня он выше, чем Матисс и даже Шагал.» (РГАЛИ, ф. 2843, оп. 1, д. 1004, л. 19).

Статья Дымшица об альбоме Панкова появилась в еженедельнике «Литературная Россия» 17 августа 1973 года. На мой взгляд, ничего необычного в ней не было. Статья получилась суховатой. Но Гор был безмерно рад и этому отклику. 22 августа он сообщил критику:

«Дорогой Александр Львович!

Благодарю Вас за отличную статью о Панкове в «Лит.России».

Статья Ваша написана с пронзительной душевностью и любовью к живописи Панкова, написана ярко, не столько критиком, а писателем, не ставящим перегородку между личностью и искусством.

Только так и надо писать о настоящем искусстве.

Рад и за Панкова и за Вас. За Вас рад тому, что Вы сумели сохранить свежесть восприятия и чувств.

Ваш Геннадий Гор.» (РГАЛИ, ф. 2843, оп. 1, д. 1004, л. 22).

Спустя неделю, 29 августа

Гор в другом письме добавил:

«Так случилось, что Панков нашёл убежище не только в моём, но и в вашем сердце. Для меня он находится где-то рядом с Хлебниковым, которого Вы, кажется, тоже высоко цените» (РГАЛИ, ф. 2843, оп. 1, д. 1004, л. 25).

В это время Гор дописывал повесть «Деревянные квитанции» о Хлебникове. Эта повесть была опубликована летом 1974 года в журнале «Нева». *«Хлебников и Панков,* – подчеркнул Гор в письме Дымшицу после выхода журнала, – *находятся где-то рядом в моём сознании и помогают мне видеть природу и любить её»* (РГАЛИ, ф. 2843, оп. 1, д. 1004, л. 34).

2.

Ещё одно случайное обращение Дымшица к Северу состоялось в 1956 году. Критик тогда руководил Ленинградским институтом кино и театра и одновременно был почасовиком в Ленинградском пединституте имени А.И. Герцена, где после войны вместо Института народов Севера был создан для северян отдельный факультет. Так вот у него на этом факультете преподавало немало добрых знакомых. Одной из них была Зинаида Куприянова. Когда-то они вместе начинали заниматься наукой и оба интересовались фольклором: только Дымшиц изучал дореволюционное творчество рабочих, а Куприянова – песни русских деревень. Потом Дымшиц устроился в Пушкинский Дом и взялся за классику – прежде всего Некрасова и Маяковского, а Куприянова стала преподавать русский язык в Институте народов Севера, со временем открыв там для себя ненецкий фольклор. Впоследствии Куприянова в совершенстве овладела языком ненцев как Большеземельской тундры, так и Малоземельской, совершила несколько длительных экспедиций и записала сотни образцов ненецких песен. Но на родном факультете в ЛГПИ исследовательнице по разным причинам долго хода не давали. И она вынуждена была в начале 1956 года за содействием обратиться к Дымшицу.

Прочитав фундаментальную статью Куприяновой о героических песнях ненцев, Дымшиц быстро подготовил отзыв. Он отметил:

«Не будучи специалистом по фольклору народов крайнего Севера, я хочу подойти к рецензируемой рукописи с общефольклористических «позиций».

Рукопись З.Н. Куприяновой читается с большим интересом и, как мне представляется, безусловно заслуживает опубликования в «Учёных Записках».

Автор изучает так называемые сюдбабц – героические песни ненцев – путём сравнения записей, сделанных в 40-х гг. прошлого века и новейших записей, относящихся к 30-м и 40-м гг. нашего века. Такой сопоставительный анализ даёт тов. Куприяновой интересные возможности изучения идейно-тематической и художественной эволюции жанра. З.Н. Куприянова именно такую работу и выполняет. Ценной стороной её труда кажется мне широкий и вдумчивый художественный анализ.

Вместе с тем хочу высказать несколько критических замечаний и пожеланий.

Мне кажется, что автору следует осторожнее оперировать терминами – реализм, натурализм. Вряд ли весь ненецкий эпос глубоко реалистичен? (как утверждается на с. 1); во всяком случае последующий анализ «старинных» сюдбабц таков, что требует пересмотра этого утверждения. Вряд ли можно говорить и о натуралистичности художественного воспроизведения, как это сделано на с. 4.

На с. 5 надо указать – к какому времени (точные ссылки) относятся записи двух песен.

На с. 33 идёт речь о двух стилях, тогда как следует говорить о двух художественных тенденциях в пределах одного стиля.

Серьёзное сомнение вызывают у меня переводы. Они чересчур буквальны, отчего текст звучит порой обессмысленно и антихудожественно (у русского читателя возникнут недоумения по поводу похвал автора в отношении мастерства стиля сюдбабц). Убеждён, что переводы надо сделать заново.

Отдельные мелкие замечания сделаны мною на полях рукописи – для автора.

После некоторой редактуры рукописи её несомненно следует опубликовать» (РГАЛИ, ф. 2843, оп. 1, д. 55, л. 176).

Дымшиц не понял: он имел дело не с рядовой статьёй. Это был конспект целой книги. Главная заслуга Куприяновой состояла в том, что она обнаружила и зафиксировала целый ряд ранее неизвест-

ных героических песен ненцев, которые позволили по-новому трактовать вопросы этногенеза, истории и культуры этого северного народа. И в этом плане Куприянова существенно продвинулась после довоенных исследований Г.Прокофьева и Г.Вербова вперёд. К тому же у неё вовсе не было цели красиво перевести собранные материалы на русский язык. Она записанные у ненцев тексты рассматривала не столько как литературные произведения, а как источник для изучения фольклора и этнографии ненцев. Поэтому для неё первостепенное значение имели не художественные переложения, а буквальные переводы. Куприянова сознательно взялась сделать именно подстрочники. А Дымшиц этого не понял. Он не смог оценить масштаб её вклада в самодийские науки.

По уму работу Куприяновой следовало бы отрецензировать прежде всего специалистам по самодийским языкам. И ведь таковые в середине 60-х годов у нас имелись (хотя и не мирового класса). Я имею в виду, в частности, А.Щербакову, Н.Терещенко, Л.Хомич. Беда заключалась в том, что среди советских северoведов никогда не существовало единства. Каждый боролся сам за себя и старался подсидеть других. Не поэтому ли чрезвычайно важная книга Куприяновой «Эпические песни ненцев» вышла лишь в 1965 году?!

Добавлю, что вскоре после того, как Дымшиц представил свой отзыв о статье Куприяновой по фольклору ненцев, критик получил ещё одну рукопись этой же исследовательницы, но уже по проблемам истории ненцев. Он также оперативно ознакомился с материалами. 21 февраля 1956 года критик отправил в редакцию «Учёных записок факультета народов Севера» следующее письмо:

«По Вашему поручению я познакомился с рукописью тов. З.Н. Куприяновой «Черты общественного строя в эпосе ненцев». Не будучи ни этнографом, ни специалистом по фольклору северных народов, я могу поделиться лишь некоторыми общими впечатлениями и соображениями, полученными в результате чтения статьи.

Тема работы т. Куприяновой чрезвычайно интересна. Ряд её наблюдений и выводов также представляется весьма ценным. Однако, статья – как мне представляется – ещё нуждается в некоторой доработке.

Думается, что автору следует прежде всего подчеркнуть, что самая постановка проблемы связана с традициями, определёнными подходом Энгельса к некоторым явлениям фольклора. Классическую работу Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» мало только процитировать, как это делает т. Куприянова на стр. 13. Надо сразу же высказать необходимые соображения о методе подхода Энгельса не только в этом его труде, но и в других работах, письмах и т.д.

Далее было бы, как мне кажется, полезным несколько перестроить работу композиционно, а именно – сначала сказать о выводах, достигнутых ранее историками и этнографами в изучении особенностей общественного строя ненцев, а затем показать то новое, что вносит в уже имеющиеся представления фольклорный материал, рассматриваемый в статье.

Статью надо бы переозаглавить: речь должна идти о чертах общественного строя ненцев в отражении ненецкого героического эпоса. Термин – реализм, часто употребляемый автором, требует во всяком случае объяснения. Автор должен сказать – в каком смысле надо понимать реализм фольклора, да ещё столь своеобразного характера.

Цитируемые в статье переводы надо улучшить, дабы не пропадало художественное обаяние фольклора.

Надо уточить в статье библиографические ссылки.

Некоторые замечания частного и стилистического порядка сделаны на полях рукописи.

В доработанном виде статью, разумеется, следует напечатать. Она очень интересна и содержательна» (РГАЛИ, ф. 2843, оп. 1, д. 55, л. 177).

Подведу промежуточные итоги. Увы, но в советской науке очень долго компетентность уступала место идейности. Судьбу рукописей зачастую решали не дотошные специалисты, а люди с положением, со связями. Ведь тот же Дымшиц не раз признавался, что в вопросах северoведения он – не большой знаток. Но так получалось, что именно он не раз в области становился северoведения становился верховным арбитром. И кто от этого выиграл?

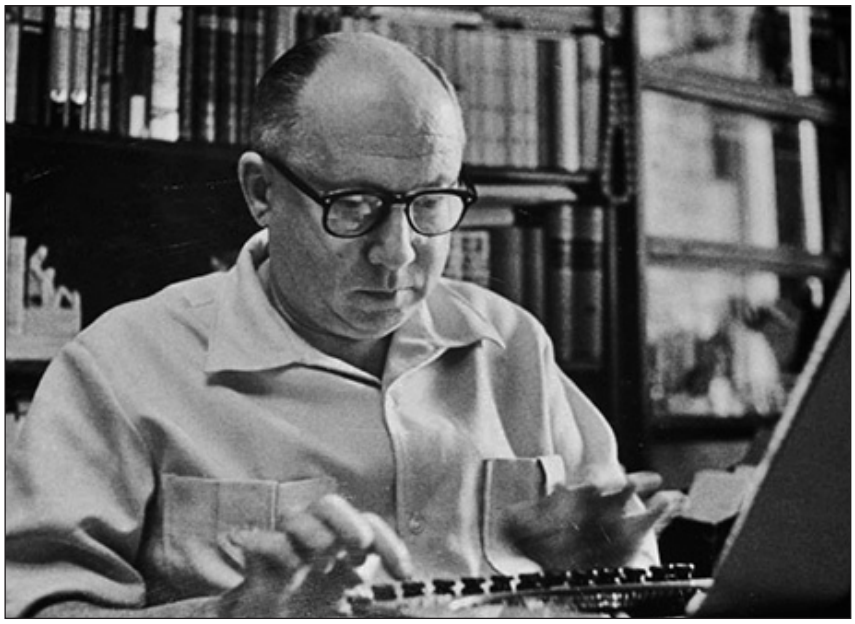
3.

Вновь к Северу Дымшиц обратился в начале 1961 года. В руководстве Союза писателей России тогда возникла идея собрать под Ленинградом, в Комарове, всех литераторов народов Севера. Леонид Соболев главным ответственным за этот форум назначил Валерия Друзина, который родом, кстати, был из Сибири, из Иркутской губернии.

В юности Друзин слыл задиристым критиком. Он очень почитал Сергея Есенина, знал и любил уже запрещённого Николая Гумилёва, но приходил буквально в ярость от эстетствующих поэтов. После войны Агитпроп ЦК поручил ему очистить от стихов Ахматовой ленинградскую печать и потом даже назначил его главным редактором журнала «Звезда». Либералы Друзину этого не простили и в годы «оттепели» попытались ему устроить обструкцию. Уже при Сергее Сергеевиче Смирнове его изгнали из «Литгазеты». Правда, потом давно скомпрометировавшего себя критика подобрал Леонид Соболев, сделав его одним из своих заместителей в Союзе писателей России.

Друзин, как выяснилось, мало что смыслил в литературах Севера. Он почти всё перепоручил декану факультета народов Севера Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена фольклористу Михаилу Воскобойникову и, кроме того, привлёк к подготовке конференции ленинградцев Геннадия Гора и Глеба Семёнова, которые в отличие от него занимались литературой Севера профессионально. Но и Гор, и Семёнов никогда не отличались партийностью. Они нередко допускали разного рода вольности. Гор, тот вообще с юности тяготел к авангарду. Кстати, его «Факультет чудаков» не раз упоминал Лев Троцкий. Ему даже из-за этого угрожал арест. Но он вовремя переориентировался и написал пафосный роман о счастливом перерождении отсталого нивха «Ланжеро», который потом в ленинградском «Резце» поддержал Дымшиц (а до этого в «Литсовременнике» похвалил Друзин). А Семёнов в 1956 году одобрил стихи своих учеников в защиту венгерских повстанцев. Поэтому у Друзина не было уверенности в том, что маститые ленинградские писатели ещё что-нибудь не выкинут. Он хотел каким-то образом усилить контроль над Гором и Семёновым (да и Воскобойниковым, которому в 1952 году военный трибунал неизвестно за что впаял десять лет лагерей и которому даровали свободу отнюдь не сразу после смерти Сталина). И вот тут-то как нельзя кстати подвернулся Дымшиц.

С одной стороны, в начале весны 1961 года Дымшиц уже вроде бы окончательно ушёл из редакции газеты «Литература и жизнь», а с другой – толком ещё не принял дела в журнале «Октябрь». Поэтому какое-то время на него не давила газетно-журнальная текучка. Он мог позволить себе без ущерба для редакций надолго, к примеру, уехать во Францию.



Александр Дымшиц за печатной машинкой

Пользуясь моментом, Друзин попросил Дымшица, которого он хорошо знал ещё с 30-х годов, поучаствовать в подготовке первой всероссийской конференции писателей народов Севера. А Дымшицу как раз хотелось вновь побывать в Ленинграде.

Сохранился блокнот Дымшица с записями о конференции.

«20 марта <1961 года>

Ленинград – Комарово

8.50 приехали (В.Смирнов,

Д.Романенко, Н.Старшинов В.Кеулькут и я). Встретили Д.Молдавский и В.Бахтин.

Заехали в Союз писателей, оттуда отправились в Комарово.

Завтрак.

Прогулка.

Обед.

Прогулка с В.П. Друзиным.

Веч. – работа с Г.Семёновым по нашим докладам. Работали до 3 часов ночи.

_____

Всю ночь Кеулькут не мог спать. «У нас в эти часы – ясный день».

21 марта

9.30 – завтрак. Прогулка с В.Азаровым.

11 – Начало конференции – речь А.Прокофьева, доклад В.Друзина и Г.Гора, доклад Г.Ходжера.

Обед.

Прогулка с В.Азаровым и В.Друзиным.

5 – Конференция – доклад Г.Семёнова и мой (читал я), доклад М.Воскобойникова, доклад Ю.Рытхэу.

8 – Уехал в Ленинград с А.Прокофьевым, А.Чепуровым и В.Инфантьевым.

Веч. – ужин у Молдавских.

22 марта

9 – завтрак.

10–11.30 – прогулка с Д.Молдавским.

У Горского С.Л.

1.09 – поездом в Комарово.

Обед.

Семинар по прозе.

Сон.

Ужин.

Прогулка с В.Друзиным и В.Азаровым (морозно).

Веч. – читал рукопись пьесы Ивана Истомина «Цветы в снегах» (может получиться весёлая пьеса, а могло бы выйти славное либретто для ком. оперы или оперетты).

23 марта

9 – завтрак.

Прогулка.

Обсуждение прозы северян.

Обед.

Обсуждение пьесы И.Истомина. Выступал.

Ужин.

Обсуждение поэта Ивана Шульгина. Выступал.

Прогулка.

24 марта

Завтрак.

Прогулка.

С Азаровым и Шефнером – в Ленинград.

«Звезда» (беседа с Г.Холоповым и П.Журом).

3–5 – обед у М.А. Копелянской и Дм. Ник. Наследова.

6–8 – у Дуси Мотольской.

8–9 – у Володи Персона.

9–11.30 – с Володей у тёти Сони (были ещё Соня Дымшиц с Наташей и Молдавский).

Ночевал у Молдавских.

25 марта

10.20 – отъезд в Комарово.

Семинар по вопросам перевода. Выступал.

Прогулка (заходил в ВТО к Р.Мессер, с ней – к Касторским).

Обед.

Приехал А.П. Эльяшевич.

– Прогулка с ним.

Отъезд в Ленинград.

7 – у Б. и М.Н. Котляров.

Веч. – у Абрамкина (были ещё Чепуров, Г.Сергеев, Н.Луговцов с жёнами).

Ночевал у Абрамкина.

26 марта

12.12 – отъезд в Комарово (ехал с Эвентовым).

Обед.

Прогулка с И.С. Эвентовым.

У Р.Мессер в ВТО.

Вместе с Раей у С.В. Касторского (поужинали, выпили).

Прогулка с Б.И. Бурсовым.

Веч. – читал, отдыхал.

27 марта

Завтрак.

Прогулка с Г.С. Гором.

Семинар (по фольклору).

С Б.А. Толчинским у Бурсовых.

Обед.

Прогулка с Г.Семёновым и А.Кушнером, молодым поэтом, который – первокурсником, несколько лет назад – приносил мне свои стихи.

Ужин.

Отъезд в Ленинград (с Б.Толчинским и А.Смоляном).

Веч. – у Молдавских (был ещё поэт Лев Мочалов, читал стихи). Сначала Мочалов смотрел на меня со страхом (запугали разные сволочи), потом расположился ко мне. Пишет интересно, читает исключительно плохо.

28 марта

Утром – прогулка с Д.Молдавским.

Второй завтрак у Молдавских.

В Союзе (заказал билет на Москву), в «Звезде».

Сон (у Молдавских).

На вечере поэтов-северян в Доме писателя.

В ресторане «Восточный» отметили 20-летие свадьбы Молдавских (были Д.Прицкер, С.Владимиров, две подруги Лели, из коих одна – с мужем, виновники торжества с Димочкой). В ресторане встретил очень милого человека – Ник. Задорнова.

Ночевал у Молдавских.

29 марта

8 – электричкой в Комарово.

Завтрак.

Прогулка с Гором.

11–2 – Заключительное заседание конференции. Речь А.Прокофьева и др.

2–4.30 – обед, прогулка с Друзиным.

4.30–6 – Заключительное заседание (резолюция и т.д.).

Ужин у Г.Гора (были А.Прокофьев, В.Друзин, Б.Дьяков, А.Чепуров, М.Подрядчикова).

Прогулка.

Отъезд поездом (с А.Прокофьевым и А.Чепуровым).

Веч. – у В.Дмитриевского и Г.Карнауховой (душ, беседа, сон). Похоже, что эти ребята склонятся к духовному «стилю» (спор о Сэлинджере и др.). Нет руки, кот<орая> бы их вела, поддерживала. Нет Ирины Валериановны». (РГАЛИ, ф.2843, оп. 1, д. 148, лл. 40 об.–45).

По этим записям видно, что Дымшиц выполнял на конференции писателей народов Севера в большей степени свадебные функции. Главный доклад по прозе сделал Геннадий Гор, по поэзии почти все материалы подобрал Глеб Семёнов. Дымшиц в основном расставлял акценты и следил за идейностью. А так его куда больше занимали личные дела: он постоянно срывался из Комарова в Ленинград, навещал старых знакомых, вёл переговоры со своими издателями. Вникать в творчество всех участников конференции ему было некогда.

Побывав урывками на двух-трёх семинарах, Дымшиц заприметил всего несколько авторов. Особенно его заинтересовали драматическая судьба коми зырянина Ивана Истомина, который многие произведения сочинял на ненецком языке, стихи и картины молодого ульча Александра Дяталы, вызвавшие множество ассоциаций с творчеством погибшего в войну Константина Панкова, лирика ханта Микуля Шульгина и чукчанки Антонины Кымытваль.

В архиве критика я нашёл небольшую заметку о Кымытваль, написанную почти сразу после окончания конференции. Дымшиц писал:

«В марте месяце в посёлке Комарове под Ленинградом проходила первая конференция литераторов народов Крайнего Севера, созванная Союзом писателей РСФСР.

Конференция писателей-северян осталась в памяти её участников как знаменательное событие. Народы, которые в царской России были обречены на голод и вымирание, расцвели под солнцем советской жизни, выдвинули из своей среды талантливых поэтов, прозаиков, драматургов. Десять дней в помещении Дома творчества ленинградских писателей шёл большой и заинтересованный разговор о произведениях литераторов разных народов Севера – чукчей и манси, хантов и орочей, эвенков и ульчей, нивхов и ненцев...

Мы слушали новые произведения уже известных писателей-северян: Юрия Рытхэу, Григория Ходжера, Виктора Кеулькута, Андрея Пассара, Ивана Истомина и других. Мы радовались открытию новых дарований, произведениям писательского молодняка.

Среди молодых литераторов-северян обратила на себя особое внимание молодая поэтесса Антонина Кымытваль. Девушка с отличным трудовым путём, серьёзная, вдумчивая, сосредоточенная, она прочитал ряд талантливых лирических стихотворений, проникнутых тонким чувством природы, отмеченных остротой восприятия современности.

Мне запомнилось, с каким волнением читала Антонина Кымытваль стихи, посвящённые одному из замечательнейших героев современности – Манолису Глезосу. Эти стихи были встречены горячо всеми собравшимися. С большим теплом говорил о них Александр Прокофьев.

Антонина Кымытваль выходит на поэтический путь. Сейчас стихи её переводятся на русский язык. Вскоре они появятся в печати.

Её облик скромной девушки северянки с задумчивым взглядом, выражающим большую думу о жизни родины и человечества, удачно запечатлел в публикуемом рисунке молодой художник-северянин Александр Дятала. Такой мы видели её на конференции в марте месяце, когда был сделан этот рисунок.

Такой она порадовала нас, своих слушателей, хорошими стихами. Такой мы говорим ей – «Доброго пути в литературу!» (РГАЛИ, ф. 2843, оп. 1, д. 55, л. 188).

Но при этом ничего конкретного о судьбе Кымытваль Дымшиц не сообщил. Не удосужил он себя и разбором подстрочников чукотской поэтессы. Критик ограничился общими словами.

Потом к Дымшицу посту-

чался Александр Дятала. *«Приехал Дятала* – ульчский художник, – сделал 20 мая 1961 года критик запись в своём блокноте. – *Ульчей 2 тысячи (он их единственный художник). Завтрак. Прогулка с Дяталой, связал его с М.Н. Алексеевым («Огоньком»)* (РГАЛИ, ф. 2843, оп. 1, д.148, л. 71).

Уже после конференции Дымшиц попытался поучаствовать в делах Ивана Истомина. Сохранились письма Истомина критику.

«Дорогой Александр Львович! – писал Истомин в апреле 1962 года. – Открытку Вашу получил. Большое спасибо. Насчёт моей пьесы дело обстоит вот как – я над ней работал почти весь истёкший год, постарался учесть все Ваши замечания и пожелания и сделал, как Вы советовали, лирическую комедию. Пьеса моя в декабре 1961 года обсуждалась здесь, в Тюмени, на 3-й областной конференции литераторов, получила положительную оценку, и Марк Соболь, участвовавший в работе конференции, забрал пьесу с собой в Москву, чтоб показать её в Министерстве культуры. Но ответа от него нет до сих пор.

Экземпляр рукописи пьесы имеется и в Союзе писателей РСФСР у тов. Сотникова Н.А., который сообщал мне, что пьеса моя заслуживает театра. Одновременно он ставил меня в известность о том, что в апреле-мае будут проходить Всероссийский и Всесоюзный семинары драматургов и советовал, чтобы наше областное литературное объединение обратилось с официальной просьбой в Комиссию по драматургии при СП РСФСР о предоставлении мне возможности принять участие в одном из этих семинаров.

Наше литобъединение таковую просьбу выслало в Союз ещё в марте, но до сих пор тоже нет пока ответа. А мне очень хочется довести пьесу до конца. Ведь я столько сил и времени потратил на неё.

Я хотел было сразу же, как только переделал пьесу, выслать рукопись Вам на товарищеский суд (Вы в Комарове говорили мне об этом и даже сказали, что будете с моей пьесой «носиться как со своей, если понадобится»). Однако, зная Вашу чрезмерную занятость, я решил не беспокоить Вас излишне, тем более, что тов. Соболь уже увёз её в Москву. Теперь очень сожалею об этом.

Александр Львович, если не затруднит Вас, поинтересуйтесь хотя бы по телефону у вышеназванных товарищей, что с моей пьесой. Пусть дают мне какой-нибудь ответ. Я в этом очень нуждаюсь, так как местный наш Тюменский театр склонен принять пьесу к постановке, если её апробирует Москва (тоже глупость и трусость какая-то).

Вот такие мои мытарства с пьесой. А всё это страшно мешает в дальнейшей творческой работе. У меня начата давно повесть об оленеводах «Человек с арканом», но неопределённость в судьбе пьесы не даёт нужного вдохновения, чтобы вплотную заняться повестью и быстрее завершить её. Она очень интересна, оригинальна и своевременна по замыслу.

В марте ездил в Салехард, руководил совещанием литераторов Обского Севера. Выявил ряд новых способных авторов.

Здоровье моё среднее, часто «пошаливает» сердце. Но стараюсь быть как всегда оптимистичным и бодрым.

Извините, что занимаю у Вас время. Поздравляю Вас и Вашу семью с праздником Первого мая и желаю Вам всем всего наилучшего в жизни.

С сердечным приветом И.Истомин» (РГАЛИ, ф.2843, оп. 1, д. 1244, л. 1–1 об.).

Меж тем на Первой Всероссийской конференции писателей народов Севера ярко проявили себя также эвен Платон Ламутский (Степанов), эвенк Алитет Немтушкин, ненец Василий Ледков, некоторые другие литераторы. Но Дымшиц, поглощённый многими другими делами, похоже, упустил это.

Ещё один момент. В своём блокноте Дымшиц упомянул об одной послеобеденной прогулке по Комарову с Глебом Семёновым и Александром Кушнером. Кушнера привлёк к работе конференции Семёнов, который уже тогда имел славу мэтра. Он хотел, чтобы его ученик поближе познакомился с обычаями северян и взялся бы за переводы. Дымшиц вспомнил, что Кушнер, когда ещё был студентом первого курса Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена, приносил ему свои стихи. Но он даже вскользь не упомянул о том, как почти весь 60-й год известный блоковед Дмит-

рий Максимов чуть не умолял его дать подборку стихов Кушнера в газете «Литература и жизнь», а Дымшиц так и не пошёл навстречу Максимову. Почему – до сих пор неясно.

Любопытно и другое. Вскоре после конференции Дымшиц напечатал в журнале «Октябрь» у Вс. Кочетова доклад Геннадия Гора и Валерия Друзина. Но при этом он не дал в журнале доклад о поэзии. Почему? Может, чтобы лишний раз не дразнить гусей. Ведь многие знали, что основную часть доклада о поэзии писал Глеб Семёнов, а Дымшиц лишь усилил идейную, но не содержательную часть. Кстати, Дымшиц не стал печатать и доклад о фольклоре Михаила Воскобойникова, хотя сам до этого очень просил этого известного североведа прислать рукопись ему в редакцию «Октября».

Всё-таки к Северу Дымшиц относился лишь как к случайному эпизоду в своей жизни. Всерьёз им заниматься он не собирался.

4.

Надо отметить, что долгое время Дымшиц имел о Севере в основном книжные представления. Первая его поездка на Север состоялась лишь зимой 1962 года. Этому предшествовали обращения некоторых якутских очерков и писателей в редакции московских изданий. Они не могли смириться с тем, что местные власти долго отрицали огромную роль в истории якутской литературы трёх писателей-просветителей: Алексея Кулаковского, Анемподиста Софронова и Николая Неустроева.

Споры о наследии трёх великих якутов шли, почитай, с конца 20-х годов. Партийные чиновники Якутии никак не могли угнаться за конъюнктурой. Смелость проявил молодой якутский историк Георгий Башарин. Это он в 1943 году предложил официально признать Кулаковского, Софронова и Неустроева основоположниками якутской реалистической литературы. Но в обкоме партии такую формулировку принять побоялись. Партийные функционеры продолжали считать этих писателей буржуазными националистами. Настаивая на своём, Башарин обратился в Москву и нашёл понимание в Институте мировой литературы. Крупнейший теоретик литературы Леонид Тимофеев даже предложил ему защититься в ИМЛИ. Но Башарин считал себя не филологом, а историком и предпочёл защищаться в Институте истории СССР.

Георгий Башарин

Всё вернулось на круги своя в конце 1951 года. Инициативу проявил один из руководителей Якутского обкома КПСС Семён Борисов. Он давно мечтал подсидеть первого секретаря обкома Илью Винокурова. Воспользовавшись длительным отсутствием Винокурова в Якутии, Борисов организовал в «Правде» статью «За правильное освещение истории якутской литературы», которая опорочивала трёх реалистов. Кроме него, подлый материал подписали также поэт Алексей Сурков и переводчик Люциан Климович. Дальше в Якутске были арестованы два студента и молодой писатель Афанасий Фёдоров, а Башарина выгнали из партии. По сути, в республике готовился масштабный погром в среде якутской интеллигенции. Но потом подули иные ветры. Одну из статей о необходимости полной реабилитации трёх классиков подготовил собственный корреспондент газеты «Советская Россия» по Якутии Иван Аргунов. Другой материал для журнала «Вопросы литературы» организовали якутский поэт Семён Данилов и молодой литературовед Иван Спиридонов. Борисов, когда узнал об этом, страшно забеспокоился. Он с трудом, но остановил публикации в московской прессе.

Однако полностью замять скандал не удалось. В ЦК партии решили направить в Якутию комиссию. Возглавил её новый, переведённый из Кемерова инспектор ЦК КПСС Евгений Разумов, который хоть и вырос в Мордовии, но всерьёз национальными культурами никогда не занимался. А Дымшиц попал в эту комиссию как эксперт по литературе. Хотя что он понимал в якутских делах?

Сохранились дневниковые записи Дымшица о поездке на Север.

«7 февраля <1962 года>

9 ч. – у т. Чехарина (зав. отд. науки, школ и культуры Бюро ЦК по РСФСР) и З.П. Тумановой – надо ехать с группой ЦК (вернее, в группе ЦК) в Якутск. Беседа с руководителем группы – Евг. Зотовичем Разумовым, с Павлом Ив. Апостоловым, также едущим в Якутск, консультационная беседа с И.С. Черноуцаном, знакомство с некоторыми материалами.

2 ч. – Высшие лит. курсы (беседа о предстоящем спецкурсе).

3 ч. – в редакции «Лит. и жизни». Беседа с К.И. Поздняевым. Заседание редколлегии <...>

6 – обед

Сон.

8 – пришёл Юра (он приехал на Гор. и Обл. Моск. конференцию комсомола приветствовать от Сев. флота). Пришли Галя и Нина.

Ужин. Пришла Лена.

8 февраля

Завтрак.

Работа.

12–2 – у Вс. А. Кочетова (беседа о делах, читал статью-воспоминание о Маяковском, Кочетову понравилось, что мне очень радостно, – он по-настоящему любит Маяковского).

2–3 – редакция «Октября».

3–5 – в ЦК (командировка, деньги на поездку).

5–8 – редакция «Октября».

Прогулка с С.Трегубом.

Обед.

Сборы (заходил проститься с Леоновым).

Ужин с Галей и Юрой.

Сборы.

9 февраля

8 – завтрак. Заехал за мной П.И. Апостолов.

10.10 – вылет с Внуковского аэродрома (группа – Евг. Зот. Разумов, Павл. Ив. Апостолов, Алексей Ал<ексан>дрович Шварев, Ал<ексан>др Ив. Фокин и Сем. Петр. Хлебутин из Сов. Мина; на два дня раньше вылетел Пётр Вл. Свечников.

В самолёте «Ил-18» с П.И. Апостоловым читали материалы.

Свердловск – около 1 ч. стояние.

Красноярск – самолёт неисправен, сменный – также.

Ужин – вместе с Солчаком Токой (едущим к себе – в Туву).

Долгое сидение в аэропорту (приехал к нам 1-ый секретарь крайкома Ал-др Акимович Кокорев, очень интересно говорил о жизни, о работе, проблемах). В ожидании переоборудования самолёта (поставили за ночь кресла в транспортный Ил) ночёвка в гостинице «Девятки» (в номере с П.И Апостоловым).

10 февраля

Завтрак к гостинице.

Поездка на машинах по городу, – новый мост, очень красивый. Мороз крепкий.

Вылет (В самолёте – чтение материалов).

Якутск – 12.15 по московскому времени, 6.15 по местному. Морозище!

Встретил 2-ой секретарь ОК [обкома КПСС. – В.О.] т. Матюшкин.

Гостиница «Лена» (332, с П.И. Апостоловым).

Ужин в номере.

Выход на улицу, до почты (дали телеграмму домой). О, морозище!

Работа.

Чай.

11 февраля

Завтрак в гостинице.

В обкоме (беседа с 1-м секр. ОК тов. Сем. Зах. Борисовым, – пожилой якут).

Знакомство с секретарём по пропаганде Гавр. Иос. Чиряевым, зав. отделом науки Сем. Ник. Васильевым и др. тт.

Ознакомление с материалами.

Обед в гостинице.

Работа с П.И. Апостоловым (чтение материалов).

Беседа в гост. номере у т. Разумова.

Ужин.

Работа.

12 февраля

Завтрак в гостинице.

Работа с П.И. Апостоловым.

Обед в гостинице.

Работа с П.И. Апостоловым.

Ужин.

Беседа у т. Разумова (за полночь).

Переехали вечером в 429 («люкс»).

13 февраля

Завтрак в гостинице.

Работа с П.И. Апостоловым в ОК (писали, читали материалы).

Обед в ОК.

Работа с П.И. Апостоловым.

Ужин в гостинице.

Работа.

Гале – письмо (1).

14 февраля

Завтрак в гостинице.

Послал письмо Гале.

Работа в ОК (с П.И. Апостоловым, Г.И. Чиряевым, П.В. Свечниковым).

Обед.

Работа.

Беседа у т. Разумова (до 4 ч. ночи, работа).

15 февраля

Завтрак в ОК.

Работа с П.И. Апостоловым и П.В. Свечниковым.

Обед в ОК.

Работа с тт. и т. Чиряевым.

Ужин в ОК.

Беседа у т. Разумова (работа до 1 ч. ночи).

_____

Телеграмма Гале.

16 февраля

Завтрак в ОК.

Работа с тт. Апостоловым, Свечниковым, Чиряевым.

Приём посетителей – научных работников Института Языка, Лит. и истории, Университета и т.д.

Обед в ОК.

4–11.30 – Заседание Бюро ОК (выступал в прениях).

11.30 – ужин в ОК.

17 февраля

Завтрак в гостинице.

11–3 – Беседа в Союзе писателей (тт. Сем. Данилов, Элляй, В.Новиков-Урастыров, Дм. Сивцев, Леонид Попов, Н.Габышев и др.).

Обед в ОК.

Прогулка (с проф. Г.П. Башариным, – проводил до гостиницы, зашёл на 15 мин., – впечатление: серьёзный, скромный человек, глухой почти совсем, сильно настрадался от несправедливости с 1952 года до восстановления в партии).

Ванна.

Ужин в гостинице.

Работа. Чтение.

_____

Гале – письмо (2).

18 февраля

Завтрак в ОК.

Работа.

К нам с П.И. Апостоловым заходил проф. Г.П. Башарин.

Обед в ОК.

Работа.

Ужин в номере с П.В. Свечниковым и А.А. Шваревым.

Работа у Е.З. Разумова.

Долгий научный разговор с П.И. Апостоловым о музыке.

19 февраля

Завтрак в ОК.

Пленум Обкома в помещении Русского драм. Театра. Доклад С.З. Борисова. Речь Г.Башарина (могла быть хуже), И.Романова (университет), С.Данилова (СП), С.Томского (газета «Кыым»), Г.Завьялова (секр. ГК), ряда секретарей райкома (среди них хорош т. Ивасик) и т.д.

Обед в ОК.

Пленум (до 9 ч.). Очень хорошая – политически и человечески – речь Е.З. Разумова.

Веч. – беседа у Е.З. Разумова.

_____

От Гали первое письмо (шло 6 дней! – вот как далеко я забрался).

20 февраля

Завтрак в ОК.

Совещание редакторов у С.З. Борисова.

Историко-филологический факультет Ун<иверсите>та. Беседа с деканом – Ф.Г. Софроновым (историк!).

Обед в ОК.

Сон.

Работа.

Ужин в ОК.

Беседа с Е.З. Разумовым.

Чтение.

_____

Гале – письмо (3).

Днём послал Гале телеграмму с просьбой подослать мне рублей тридцать.

21 февраля

Завтрак в ОК.

Ист.-филолог. ф-т Ун-та. Беседа с зав. кафедрами: Г.Альбиной (русская лит-ра, – когда-то приезжала ко мне консультироваться, ученица П.Н. Беркова), М.Дружининой (ученица проф. Бубриха), Н.Григорьевым (оба последние – лингвисты, – Др. – зав. каф. русского языка и общего языкознания, Гр. – зав. каф. якутского языка и лит-ры, – учился в ИЯМе в 39–41 гг.).

Обед в ОК.

Перевели в «одиночный» – 405.

Веч. – в Якутском муз.-драм. театре. Опера по мотивам олонхо «Ньургун боотур» М.Жиркова и Г.Литинского. Либретто Д.К. Сивцева-Суорун Омоллона (очень интересно).

_____

От Гали письмо – второе.

22 февраля

Завтрак в ОК.

Работа с С.К. Томским (ред. Газ. «Кыым» – «Искра»).

На фил. фак-те Ун-та (беседа с Вл. Андр. Лебедевым, – зам. декана ист.-фил. факта).

Обед в ОК.

Сон.

Веч – с 7 ч. до 3 ч. ночи: на собрании парторганизации университета; доклад С.З. Борисова. Прения. Выступление Е.З. Разумова, закл. сл. С.З. Борисова.

От Гали – 30 р. телеграфом.

23 февраля

Завтрак в ОК.

Работа с С.К. Томским.

Обед в ОК.

Сон.

Вечер в Якутской Республиканской библиотеке им. Пушкина. Моё вст. слово о журнале «Октябрь». Выступления якутских поэтов С.Кулачикова-Элляя, Семёна Данилова, Ивана Гоголева, Михаила Тимофеева, Прокопия Григорьева, русских поэтов – Петра Конкина и

Анатолия Мосунова. Ответы на вопросы читателей.

Чтение.

Гале – письмо 4.

Заказал для «Октября» – «Якутское письмо» Георгию Саввичу Сыромятникову (директору Якутского издательства; окончил Академию общественных наук).

24 февраля

Завтрак в ОК.

Работа с С.К. Томским (Саввой Константиновичем. Он готовит статью о лит-ре).

Обед в ОК.

Прогулка.

Зашёл Г.Г. Окороков (из Института языка, литературы и истории Академии наук), бывший аспирант, – принёс почитать главу из его работы о Пл. Ойунском. (Работа слабая, сумбурная, плохо написанная, теоретически беспомощная).

Веч. – с П.И. Апостоловым и П.В. Свечниковым на вечере самодеятельности в Гор. Доме культуры. Концерт неровный, но как же прекрасна молодёжь (на сцене и в зале) и молодость.

В 1.30 ночи переехали в 429 (люкс).

Гале – телеграмма.

От Гали ещё 30 р. – по почте.

25 февраля

Завтрак в ОК.

Работа с С.К. Томским.

В Краеведческом музее.

Обед в ОК.

Час отдыха в постели.

В Музее изоискусств – выставка. Коллекция произведений зап. живописи профессора М.Ф. Габышева.

О Габышеве – коллекция великолепная (вёл нас его сын, искусствовед). Есть – Брейгель младший, листы Дюрера и Рембрандта. Всё реставрировано любовнейшим образом. Удивителен и сам Габышев – якут, член первого ревкома Якутии, друг Аммосова, Барахова, Ойунского, первый нарком госбезопаности Якутии, потом – экономист, профессор в Москве и Минске, коллекционер с отчётливой целью – принести в дар свою коллекцию Якутии.

Веч. – в Русском драм. театре – В.Гюго «Мария Тюдор». Очень хороший художник!

26 февраля

Завтрак в ОК.

Беседа с секр. по пропаганде – Гавриилом Иосифовичем Чиряевым.

С П.И. Апостоловым – в Ин-те Языка, Лит-ры и Истории Якутского филиала Сиб. отд. АН СССР.

Обед в ОК.

Чтение. Знакомство с книгами як. писателей.

Ужин в ОК.

Чтение.

Прогулка (погода стала мягче – около 30°, подобие снежка).

Чтенрие.

Лене – 25 лет. (Вчера послал телеграмму. 25 лет тому назад я стоял у окошечка в больнице им. Свердлова, мне по ошибке сначала сказали, что родился... мальчик, но вскоре исправили ошибку.)

27 февраля

Завтрак в ОК.

Работа в ОК.

Обед в ОК.

2–12 ч. ночи – общее собрание якутских писателей. Доклад т. С.З. Борисова. Председатель – Н.Е. Мординов. Выступали – М.Ефимов, А.Сыромятникова, В.Новиков, С,Кулачиков-Элляй, С.Васильев, Д.Сивцев и мн. другие. Мне пришлось произнести длинную речь.

Гале – телеграмма об отъезде из Якутии.

28 февраля

Завтрак в ОК.

Работа в ОК.

Обед в ОК.

4–12 ч. ночи – Бюро ОК.

Ночью чай в номере.

Сборы.

4 ч. ночи – заехали за нами Сем. Зах. Борисов (летит также в Москву, на пленум) и Гавр. Иос. Чиряв.

Поехали на аэродром.

1 марта

6.30 – якутского времени, 12.30 – моск. времени – вылет. Стоянка – в Красноярске, Свердловске (последняя – с задержкой).

Прилёт в Москву» (РГАЛИ, ф. 2843, оп. 1, д. 149, лл. 6–9).

Что меня поразило в этих записях Дымшица? Критик ничего не сказал о том, что он узнал о судьбах якутских классиков Кулаковского, Софронова и Неустроева (с их произведениями он вряд ли мог познакомиться по причине отсутствия на тот момент переводов). Похоже, Дымшиц слепо доверился одним лишь справкам, которые подготовил для московской группы аппарат С.З. Борисова. Но тогда для чего он летал в Якутск?

Я надеялся какую-то дополнительную информацию найти в письмах Дымшица жене. Но в них критик о работе почти ничего не рассказал. С точки зрения семьянина он, возможно, и правильно поступил: зачем тревожить близких рабочими делами. Дым-

шиц предпочёл регулярно сообщать жене о своём настроении и о своих чувствах. В этих письмах он проявил себя, с одной стороны, как лирик, а с другой – как муж, нежно заботящийся о жене.

В первом письме (оно датировано двенадцатым февраля 1962 года) Дымшиц писал:

«Галюша, родная моя!»

Пишу ночью, дни заняты сплошь. Работа и впечатления очень интересные.

Летели так: Свердловск, Красноярск (там застряли почти на 12 часов), Якутск. Морозно здесь для меня необычайно. Например, сегодня было 44°. Во!

Гостиница хорошая, харч тоже вполне добр. В общем, у меня всё ладно.

По ночам думаю о Вас, тревожусь – как-то Вы там?

Жду от тебя письма. Не знаю только, сколько времени идут письма.

Телеграмму я дал сразу же после приезда. Перед выездом (когда он, ещё не представляю точно, но думаю, что в середине – конце 20-х чисел), разумеется, протелеграфирую. Скорее всего – числа 26-го.

Вот, Кисонька, таковы дела.

Полагаю, что недели через две мы увидимся и расцелуемся. Чего я хочу? – Чтобы ты и дети были здоровы.

Как Пусенькин фурункул? Даёшь ли ей регулярно дрожжи? Это вообще хорошо после гриппа.

Ну, Котя, целую тебя крепко.

Твой, мамин, Сибиряк!

Саня» (РГАЛИ, ф. 2843, оп. 1, д. 521, лл. 2, 2 об.).

Во втором письме (оно датировано 17 февраля) Дымшиц писал:

«Мушенька, дорогая моя!

От тебя кроме телеграммы, пока ничего ещё не получил. Часто думаю о Вас (в просветах между весьма напряжённой работой), тревожусь – как-то Вы там. Думаю, что провёл здесь, примерно, пол срока. Полагаю, что не позднее 26–27.2 пустимся в обратный путь.

Работа у нас очень интереснейшая. Наблюдений – уйма. Вот бы я был беллетристом. Эх!..

На дворе – морозы (от 38° до 50° и выше), привыкнуть к ним трудновато. Зато к пище очень легко привыкнуть (и к бруснике подмороженной с сахаром, и к удивительным рыбам – чиру, нельме, карасям-«великанам», – в том числе к строганине из сырой, подмороженной рыбы, которую едят с перцем и горчичным соусом, и к оленине и к пр.).

Как-то Вы там? Как уехал Юра [сын Г.Я. Снимщиковой от первого брака. – В.О.]? Как самочувствие Пусеньки (фурункул?) и её школьные дела? Как Лена? – не поуспокоилась ли?

Как-то ты, моя котя? Я почему-то думаю, что тебе без меня даже чуть полегче, даже какой-то «отдых». Но всё же хочу скорее к тебе.

Работы у меня очень много, – сна порой маловато. «Пауз» нет, да и не надо. Литературных газет не читаю (подумать только!).

Я не уверен, успеешь ли ты ответить письмом на это письмо (не понимаю, сколько идёт почта?) Но телеграмму я от тебя жду. И сам пошлю ещё парочку телеграмм, перед выездом тоже, конечно.

Будьте только все здоровы! Крепко, крепко тебя, кошенька, целую.

Твой Саня» (РГАЛИ, ф.2843, оп. 1, д. 521, л. 4).

Далее шли две коротенькие приписки дочерям: Нине и Лене.

Потом было письмо от 20 февраля 1962 года. Дымшиц сообщил:

«Я, действительно, забрался очень далеко. Твоё письмо, посланное авиа 13-го, я получил вчера на исходе дня. Вот так...

Сегодня я послал тебе телеграмму с просьбой прислать мне рублей тридцать. Мне иначе не обойтись. Я взял под отчёт 400 рублей. Из них одна дорога на самолёте стоит туда и обратно по 156 р... Так что я, как Иван Александрович Хлестаков, в дороге поиздержался. Я надеюсь, что Наташа Кожевникова принесла тебе мою зарплату и ты, таким образом, можешь прислать мне «на зубок».

Писать письма я уже больше не буду, т.к. и это придёт, видимо (судя по темпам движения твоего письма) в канун моего приезда. Теперь о дате приезда. Мы кончим свою миссию около 23 и тут же вылетим. О вылете я, конечно, протелеграфирую.

Да, жаль, что Юра был коротко. Мне так хотелось с ним походить, поболтать, поразговаривать о их будущем. Всего более я хочу, чтобы он попал в Академию. И для него, и для Шуры, и для учёбы малышей несколько лет, проведённых в Ленинграде, будут очень полезны.

Теперь о Лене [о старшей дочери. – В.О.]. Всё это очень сложно и как-то «тупиково». Здесь, вдалеке от дома, я начинаю думать, что надо

искать ещё каких-то подходов к ней. Меня мучает её «бездомность» (того дома нет, у нас не получилось, – в последнем очень виновата она. Если она хочет в Армению, пусть едет. А до этого надо ещё раз попытаться как-то наладить с ней отношения. Я думаю, что именно мне. В конце концов самые большие и внутренние, духовные трудности образовались именно у меня с ней. А в общем я запутался... Надо «выстоять», вытерпеть. По возможности сняв трудности. Приеду, ещё попробую. Но что я об этом разболтался. Приеду, посоветуемся). В день рождения, если письмо до того дойдёт, поздравь её, пожалуйста, и за меня.

Я счастлив, что у Пуси сразу после моего отъезда кончился фурункул. Думаю, что её надо регулярно покормить дрожжами. Говорят (Молдавскому сказали в больнице), что они – форма ликвидации гриппа и его последствий. Поцелуй за меня Пусеньку, скажи, что я её скоро обниму.

Я понимаю, Муся, почему Юра высказал тревогу за твоё здоровье. Это – тревога оправданная. Мы стареем, за плечами нелёгкая жизнь. Надо и в самом деле меньше носиться. Слава всевышнему, а главное природе – скоро повеет весной. Станет полегче. Очень, очень надеюсь на то, что без меня ты больше отдыхала. Мне так хочется застать тебя отдохнувшей.

Сам я устал и устаю изрядненько... Приеду – немножко отосплюсь, отдышусь. Мне хочется продолжить «мемуары» (хочу написать о Демьяне и поэтах парт. прессы, – к сожалению, несколько запоздал – 5 мая 50 лет «Правды», но 5-ые уже сдаются. Вот разве что в наш журнал я ещё могу успеть, но лучше бы не «у себя», а это будет поздно. Для написания этого очерка мне надо будет залезть в свой архив. Хочу сделать сиё сразу по приезде).

Миф, легенда и реальность

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

...По дороге бежал пожилой мужчина в синем шерстяном спортивном костюме с большой клубной буквой «Д» на груди. На голову была одета шапочка со смешным шарообразным помпончиком. Я часто его видел в дачной зоне Сергеляха, где он совершал свои ежедневные утренние пробежки. Позже узнал, что это профессор Башарин, которого, как выяснилось, прекрасно знали мои родители. В то время ему было уже под семьдесят, но при ближайшем знакомстве он оказался весьма бодрым и веселым человеком. Георгий Прокопьевич говорил о себе: «Я молод. Но стаж молодости у меня большой...»

Георгий СПИРИДОНОВ

Жизнь – нередко собирает в один клубок мифы, легенды, реальности, что не знаешь, с какой стороны подступиться. Так бывает... Но есть, к счастью, Ее Величество история – свидетель и вечный хранитель действительности в ее развитии, вечном движении. Не зря говорят, что история рано или поздно все расставляет по своим местам: восстанавливает справедливость, если она потеряна в оценке, сути и хронологии событий и фактов, воздает по заслугам роли и месту личности. У истории свои законы и критерии, она изначально объективна. Необъективными бывают историки, за что она их их наказывает.

Юбилей в ЮНЕСКО

Признанием заслуг доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Георгия Прокопьевича Башарина не только на российском, но и международном уровне станет празднование 100-летия со дня его рождения в штаб-квартире ЮНЕСКО. В эти дни делегация Якутии находится в Париже, где сегодня отметят юбилей известного ученого, выдающегося сына народа саха.

Кто бы мог подумать 60 лет назад, что такое сможет произойти? В 1952 году Г. П. Башарина исключают из рядов компартии. Это был сильнейший удар по престижу уже тогда ставшего известным ученого. Мы возьмем лишь один эпизод из жизни Георгия Башарина. Но он ярко характеризует его и как ученого, и как мужественного, до конца преданного своему делу человека.

«Любимое детище» ученого

Не всем известно, что как ученый-исследователь Георгий Башарин начал формироваться с литературной критики. Вопросами истории якутской литературы он начал заниматься еще будучи студентом. Его первой опубликованной в печати работой стала статья в нашей газете «К вопросу о якутском олонхо» («Социалистическая Якутия», 11.07.1940). В ней основное внимание автор уделил не разбору особенностей жанра олонхо, а его актуальному значению, неизменности центра его художественной структуры, восемьдесят лет сохраняющих ин-

правленность содержания героического эпоса. В дальнейшем он, углубляясь в проблему, написал еще одну работу в нашей газете «Идея патриотизма — основная в олонхо» («Ой», 13.01.1942). Здесь Георгий Прокопьевич уже ставит принципиальные вопросы о роли фольклора в истории народа, о патриотической сущности олонхо, что было особенно важно в условиях войны советского народа с немецким фашизмом.

В таких условиях Башарин приступил к изучению основной проблемы истории якутской литературы, превратившейся, на взгляд специалистов, в «любимое детище» его научной жизни. В 1944 году увидела свет монография ученого «Три якутских реалиста-просветителя» (из истории общественной мысли дореволюционной Якутии).

Кандидат исторических наук, председатель Союза писателей Якутии (1998-2003) Иван Спиридонов писал: «Книга Георгия Прокопьевича «Три якутских реалиста-просветителя» — книга-легенда. Легенда потому, что нет равного в истории якутского народа печатного издания, вызвавшего столь шумную реакцию, положившего начало направлению в науке, обогатившему интеллектуально и духовную жизнь народа. Полвека первое издание книги практически невозможно было найти: возымело действие ее изъятие из пользования еще в грозные 50-е годы. Она превратилась в передаваемое из уст в уста предание...».

(Ок 2-ю стр.)

САССР ТЫЫ, ЛИТЕРАТУРАНЫ УОННА ИСТОРИЯНЫ "ЧЫЛЫЫЫР" НАУЧНАЙ ИНСТИТУТА

Г.П. БАШАРИН

Саха ө реалиста-сырдатаччыта

(Революция иннинэ эбэ саха сирин общественнай ойуна сонуттан историяттан)

САССР ГОСИЗДАТА

Якутскай

1944

Очень мне захотелось пойти с тобой (и м.б. с Пусей, если в воскресный день) в концерт. Так давно не слушал музыку, а хочется очень.

Огорчает то, что ты пишешь о Марусе. Если увидишь её, скажи, что я её очень прошу попробовать обойтись без курева. Ох, ей бы хорошо устроить семью, и всё было бы ладно. Так я почему-то думаю.

Написала ли ты Володе? Если будешь писать, черкни от меня привет. Как подписные издания? Не было ли подписки на Фейхтвангера? (Я обещал Соне Дымшицу, сам – я полагаю – буду получать как член редколлегии, в издве).

Котенька, я очень по тебе тоскую (сама знаешь! и по Тусе! и по дому!) Ну, теперь – до скорого! Писать, конечно, больше не буду, т.к. надеюсь в будущий четверг вылететь домой. Пишу вечером, хочу надеяться, что письмо уйдёт завтра, в среду (но, может, пролежит, т.к. самолёт идёт в четверг).

Много, много раз целую тебя, ручки и ножки.

Твой Саня» (РГАЛИ, ф.2843, оп. 1, д. 521, лл. 7, 7 об.).

Но потом Дымшиц не удержался, и 23 февраля отправил жене ещё одно письмо. *«Я,* – подчеркнул он, – *всё ещё в работе. Сегодня выкроил время и провёл лет. вечер от «Октября» со здешними поэтами. Было славно. А вообще – подустал. Прошлой ночью вернулся с одного очень интересного собрания в 3 часа. Эх, повторяю, был бы я беллетристом!»* (РГАЛИ, ф. 2843, оп. 1, д.521, л. 9).

Но если обойтись без лирики. Всё-таки чего добилась московская комиссия в Якутии? Что сделал лично Дымшиц? Москвичи всех выслушали, но до истины так и не добрались. Неудивительно, что состоявшийся при них пленум Якутского обкома принял половинчатое решение. Мол, Борисов в 1952 году хотел сделать как лучше, но в каких-то вещах недоработал. Больше того, зачинщики травли Башарина – Н.Канаев, Г.Ефремов и Г.Тихонов, написавшие позорную брошюру «Против извращений истории якутской литературы», на этом плену-

ме были взяты под защиту. А один из ораторов – некто И.Н. Чибаков – без обиняков заявил: «Особенно раздувать вопрос о якутском литературном наследстве не нужно».

Вообще о пленуме Якутского обкома стоит сказать отдельно. С одной стороны, он прошёл по-боевому. Так, очень жёстко выступили проректор ЯГУ Романов и поэт Семён Данилов. Дымшиц даже кратко законспектировал речь Данилова.

«*ЦК,* – отметил Данилов, – *помог исправить ошибки ОК. Культ личности – первым пал Ойунский, многие другие (Сивцев, Заболоцкий и др.). Страх ареста у многих. Арест Аф. Фёдорова. Готовился арест многих писателей и учёных. Провокация была сорвана. Вышел и вскоре скончался Аф. Фёдоров. Пост. и книга Канаева и др. – компрометация интеллигенции, оскорбление народа. Дезориентация писателей. Дм. Сивцев хорошо начал, много сделал. В 37 г. был арестован, потом вышел, началась травля. В 52 году опять травля (до обвинения в классицизме, не только в бурж. нац.). Плохо влияло и на сторонников постановления – судьба Элляя, из тонкого лирика превратился в декларативного поэта. Антинаучное решение 52 года, попытка критиковать – ревизионизм и бурж. национализм. Путаница в науке. Очерк якутской литературы, 15 лет работает целый сектор и дошёл до тупика. Пост. <52 года> разжигало вражду и усобицу, помогало карьеристам. Башарин – труд молодого учёного с серьёзными ошибками. Чудовищные обвинения. У Башарина ошибки научные, в постановлении же 52 года и у Канаева – политические. Борисов не назвал Канаева и Ко – и так бегло говорил о своих ошибках. Заменить – без либерализма – путаников на достойных людей*» (речь Данилова приведена по конспективным записям Дымшица, РГАЛИ, ф. 2843, оп.1, д. 143, лл. 95–96).

Семён Данилов

Но чего лучшие сыны якутского народа добились этой критикой? Секретарь Верхоянского райкома партии П.П. Ивасик попытался всех успокоить. Он на пленуме заявил: «*В полемике – две крайности. Канаев и др. – грубости, оскорбления, злобное и преднамеренное отношение. В работе Башарина есть идеализация, преувеличение влияния <...> Новое решение бюро обкома – верное*» (РГАЛИ, ф. 2843, оп. 1, д.143, л. 94).

Ещё более острые споры возникли на собрании писателей Якутии. Народ, недовольный прошедшим пленумом обкома партии, недоумевал: почему С.З. Борисов остался на своём посту, это же он организовал погром якутской литературы. «*Некоторые считают т. Борисова героем борьбы с национализмом,* – заявила Анастасия Сыромятникова. – *А настоящим героем был Ленский, герой поэмы С.Васильева*» (РГАЛИ, ф. 2843, оп. 1, д. 143, л. 68). Она спрашивала: «*Кто несёт ответственность за то, что Аф. Фёдоров два года был в заключении? Народ хочет знать, по чьей вине он был арестован. Если б найти конкретного виновника, он понёс бы наказание. Слишком велика эта потеря. Сын его вправе спросить, кто в этом виноват. Пусть ответит т. Борисов, не имеет ли он к этому отношение <...> Обычно раньше несли ответственность рядовые товарищи, но есть главный виновник. Хорошо, что т. Борисов признал ошибки, но надо сказать – в чём их существо, а газетам объяснить. Раз он 10 лет допускал такие ошибки, то я не уверена, что он их сможет исправить*» (РГАЛИ, ф.2843, оп. 1, д. 143, л. 69).

Сыромятниковой вторил Николай Золотарёв (Якутский). «*В 52 г.,* – напомнил он, – *были обвинены почти все учёные и писатели-якуты, многие работники ОК. Всё это выходцы из народа. Создавались дела «националистов». Спасались бегством из республики – Башарин, Новгородов, Пухов и др. – Кривошапкин <нрзб>. Этого эвенского поэта чуть было не подверстали к Башарину (бумага Бурятовой из ИЯЛИ). Партия после смерти Сталина сразу*

начала борьбу против к. личности. Но т. Борисов, бывая на пленумах ЦК, продолжал оберегать постановление 52 г., не слушал напоминаний (в том числе простых людей), отстаивал пост., зажимал критику» (РГАЛИ, ф. 2843, оп. 1, д. 143, л. 82).

Д.К. Сивцов-Омоллон добавил: *«Мы не уверены в том, что т. Борисов выправит свои ошибки»* (Там же, л. 83).

Но Разумов что на пленуме обкома партии, что на писательском собрании мнение якутской интеллигенции проигнорировал. Единственное, что он позволил – разрешил всем высказаться, выпустить пар. Однако оргвыводов московский чиновник делать не стал. Давно превратившийся в одиозную фигуру, Борисов продолжил управлять Якутией. ЦК своих ставленников в обиду не дало.

5.

Московская комиссия покинула Якутск 28 февраля 1962 года, так кардинально ничего и не решив. Многие в Якутске остались в недоумении: что же решили москвичи?

Ряд писателей, прежде всего те, кто сгруппировался вокруг поэта Семёна Данилова, тешили себя иллюзиями, что последует коренной перелом и справедливость восторжествует. 6 марта 1962 года якутский поэт сообщил московскому критику:

«Дорогой Александр Львович,как обещал, посылаю газеты «Кыым» и «С.Я.» с редакционными статьями о наследстве трёх дореволюционных писателей. Так же в «Кыыме» помещён отчёт об общем собрании писателей Якутии. На русском языке на днях вышлем Куклису. [зам. гл. редактора газеты «Литература и жизнь». – *В.О.*]

Куклису пошлём так же наше возмущение по поводу книги Г.Тихонова.

Пока у нас всё по-старому. Только немножко потеплело, дни настали настоящие якутские весенние и прозрачные.

Недавно состоялся пленум Якутского горкома, была такая же жёсткая критика (почти единодушная) по адресу Борисова, Чиряева, Канаева, Тихонова и, особенно, Ефремова.

С приветом и наилучшими пожеланиями

С Данилов.

6.III.1962 г.» (РГАЛИ, ф.2843, оп. 1, д. 1081, л. 2).

Однако буквально через пару недель команда сохранившего свой пост первого секретаря Якутского обкома КПСС Семёна Борисова перешла в наступление и стала мстить всем партработникам, учёным и писателям, которые выступали против прежней линии партийного руководства. На этой почве у Семёна Данилова случился инфаркт. 21 апреля он писал Дымшицу:

«Дорогой Александр Львович!

Никогда не думал, не гадал, что заболею инфарктом, но дня через 3 после вашего отъезда был сражён этим страшным ударом судьбы. Плохо то, что по халатности наших врачей почти два дня находился дома, иногда даже ходил по комнате и даже во двор. Но всё это уже проходит, я уже начинаю оживать – уже могу самостоятельно сидеть 3 раза в день по полчаса (поднимают, конечно, сёстры).

После Вас у нас в Союзе писателей вроде нет никаких изменений и новостей. Там царствует Сергей Васильев (отв. секр.). Он у нас страшный лентяй, к тому же малограмотный. Я очень боюсь – как мы будем встречать наше московское начальство, если нагрянет оно в июле. За меня в правление обком поставил пьющего парня Н.Габышева, который обязательно подведёт. А С.Васильев ничего не будет помогать. Вот такие дела.

Обком начал контрнаступление против тех, кто хотел поднять сыновний бунт против руководства, всё идёт к тому. Трём нашим критиканам – ограничились простым выговором, без занесения и т.д. Канаев обнаглел, говорит: «Ха-ха, выговор ерунда, его дают за такую незначительную провинность, как лёгкое опьянение». Грозится дать перцу всем, кто его посмел обвинять в фальсификации и т.д. Правда, Тихонова освободили с должности руководителя лекторской группы.

т. Борисов хотел Павлова, который министром назначен только 4 месяца тому назад (М. просв.) в сельхозправлении на Вилюй, но ЦК не согласился (помните, всё время ратовал за решительное и безоговорочное постановление об отмене бывшего решения ОК). А Е.Д. Кычника, тоже недавно назначенного заведующим партийным отделом ОК, определили в ссылку на Колыму – также за непослушание за крит. выступления по адресу Борисова. Зам. редактора «Кыыма» И.Филиппова и зав. отделом культуры и литературы т. Егорова очень

ругали за напечатание крит. статей против святой троицы наших критиков и определили в районные газеты. И т.д. И т.п.

Всё это я Вам пишу как другу нашему, как человеку, который по-настоящему стал нашим большим другом, болеющим делами всей сов. литературы и в том числе якутскими. И я уверен, что Вы за это не будете укорять меня.

Теперь, дорогой А.Л., пользуясь капризными правами больного и уверенный в вашей величайшей доброте и отзывчивости, хочу просить сделать следующее одолжение для меня и для як. литературы.

1. Я написал письмо на имя Черноуцана. Но пока нет никакого ответа. Особенно нас интересуют Гослитиздат и «Молодая гвардия», они должны были издать большой сборник якутской поэзии к юбилею.

2. Узнать у поэтов Козловского и Липкина С., переводят ли мои стихи они. И им большой привет.

За всё, что сделали Вы для нас и в ЦК, и в Союзе писателей, и в редакции «ЛиЖ», большое человеческое спасибо от всей Якутской писательской организации.

Пожалуйста, извините меня за нескладность письма, я его писал 3 дня подряд, лёжа на спине.

Привет В.Литвинову. С благодарностью и тов. приветом Семён».

(РГАЛИ, ф. 2843, оп. 1, д.1081, лл. 4–4 об.)

На этом история не закончилась. Уже первого сентября 1962 года младший брат Семёна Данилова – Софрон написал критику:

«В июне в университете было обсуждение «Очерков истории якутской литературы». Почти все выступавшие единодушно отметили, что новый вариант «Очерков» мало чем отличается от прежнего, вычеркнуты только слова «буржуазно-националистический», «контрреволюционный». Отвечая на критику, авторы – работники Института языка, литературы и истории филиала АН сказали, что они трёх дореволюционных писателей не считают демократами и реалистами и дали понять, что новое постановление о наследстве считают временным недоразумением. Один из них (Г.Эргис) прям так и заявил: «будущее покажет!» Сейчас среди интеллигенции о новом постановлении стали говорить с некоторой оглядкой. К этому, видимо, во многом способствует всё ещё продолжающееся снятие с работ противников старого постановления. Освобождён от работы заведующий отделом агитации и пропаганды ОК КПСС тов. Васильев С.Н., внесший на бюро вопрос о фальсификациях Канаева и Ко; удалены из обкома и перешли на учительскую работу два инструктора отдела науки обкома тт. Черин и Ларионов, выступившие ещё зимой с критикой линии обкома в литературе и науке, смещён с работы зам. редактора газеты «Кыым» тов. Филиппов, напечаавший статью Е.Алексеева «Честно относиться к историческим документам» (о Канаеве и др.) и т.д.

Не знаю: что дальше будет...

Будьте здоровы, дорогой А.Л.!

Жду от Вас добрых вестей.

С. Данилов»

(РГАЛИ, ф. 843, оп. 1, д.1082, лл. 6–6 об).

Но что мог сделать Дымшиц? Изменить решение Якутского обкома КПСС или наказать Борисова было не в его силах. Критик мог лишь развести руками. Но не больше. Против позиции нескольких отделов ЦК партии Дымшиц идти не рискнул. Он даже в письмах побоялся выразить своё сочувствие Семёну Данилову и его единомышленникам.

Правда, часть якутской интеллигенции продолжала верить в иное. Она считала Дымшица чуть ли не всемогущим. И когда после многочисленных жалоб северян Георгию Башарину наконец вернули все научные звания, некоторые учёные Якутии были убеждены в том, что добился этого ни кто иной, как Дымшиц. 28 октября 1962 года тот же Башарин направил критику благодарственное письмо. Он сообщил:

«Дорогой Александр Львович!

Горячо поздравляю Вас с наступающим великим праздником.

Решением пленума ВАКа от 9 июня с/г восстановлен в степени кандидата наук с 10 сент. 1943 г., в степени доктора (по Защите 5 июня 1950 г.) и в звании профессора с 12 апреля 1952 г. Волей судьбы, таким образом, дважды утверждён в степени доктора и в звании профессора (вторично в 1956 и 1959 гг.). Восстановлена справедливость в моём научном стаже. В связи с этим ещё раз благодарю Вас за

проявление принципиальности и помощи в решении важных вопросов истории якутской литературы.

Получил квартиру в новом каменном доме. Теперь мой адрес таков: Якутск, проспект Ленина, 23, кв. 32.

Желаю Вам всего самого наилучшего.

Г.Башарин»

(РГАЛИ, ф. 2843, оп. 1, д.772, л. 3).

Однако Дымшиц к решениям ВАКа по поводу научной реабилитации Башарина никакого отношения не имел.

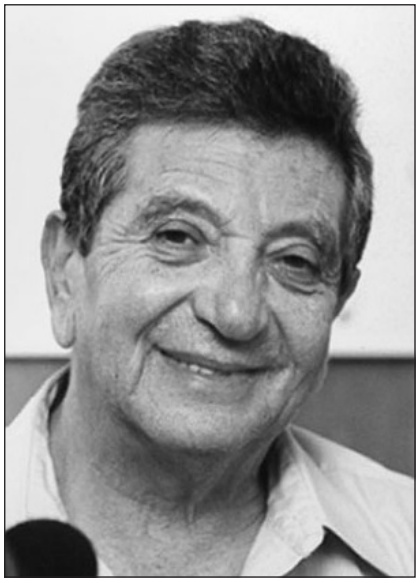
По моему мнению, как раз во многом из-за некомпетентности Чехарина, Разумова, Апостолова и Дымшица полная творческая реабилитация трёх якутских классиков задержалась на целых полтора десятилетия. По вине партработников тот же Кулаковский к русскому читателю пришёл лишь в конце 1970-х годов (в чём была огромная заслуга прежде всего русских поэтов и переводчиков Сергея Поделкова и Владимира Солоухина). А мог бы прозвучать ещё в начале 1960-х годов. Добавлю: Разумов вскоре после возвращения из командировки пошёл на повышение: его утвердили помощником первого заместителя председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР Андрея Кириленко. Начальство, как выяснилось, нуждалось не в профессионалах, хорошо разбиравшихся в национальных проблемах, а всего лишь в верных служаках.

6.

Но совсем ли бесполезной оказалась поездка Дымшица в Якутию? Нет. Ему всё-таки кое-что удалось сделать и полезного.

Начну с мелочей, но приятных. Вернувшись в Москву, Дымшиц, выполняя просьбу Семёна Данилова, поинтересовался в Союзе писателей России ходом рассмотрения приёмных дел некоторых якутских литераторов. Он даже написал по этому поводу письмо одному из секретарей Союза – Сергею Баруздину. Ответ от важного литературного чиновника пришёл 13 марта 1962 года.

«Теперь о делах якутских, – писал Баруздин. – *Кандидатуры Р.Багатайского и П.Степанова-Ламутского будут обсуждаться на нашей приёмной комиссии 30 марта. На заседании комиссии 6 апреля мы рассмотрим дела С.Тимофеева, А.Бродникова и Ф.Софронова. Что касается Н.Босинова, то его дела у нас нет»* (РГАЛИ, ф.2843, оп. 1, д. 763, л. 8).



Александр Янов

Одновременно возник вопрос: как помочь талантливым писателям Якутии с переводами. Дымшиц посоветовал Семёну Данилову обратить внимание на Александра Янова, который до этого неплохо переложил для газеты «Литература и жизнь» молодых кабардинских поэтов. В ответ Данилов 15 мая 1962 года сообщил критику:

«Я даже не знаю как благодарить Вас, дорогой А.Л., за Вашу большую заботу о нас. У нас до сих пор не было такого искреннего, отзывчивого друга нашей литературы.

У нас нет ни в Москве, ни в Якутске ни одного переводчика, который бы серьёзно занимался переводом якутской литературы на русский. Поэтому т. А.Л. Янов, если серьёзно желает заниматься переводами якутских поэтов, то, конечно, мы можем только приветствовать и хотели бы с ним связаться, конкретно договориться обо всём. Я очень прошу Вас, дорогой А.Л., если это не затрудняет Вас, сообщить его адрес. А мы ему напишем письмо» (РГАЛИ, ф. 2843, оп. 1, д. 1081, л. 6).

Однако Янов вскоре с поэзии переключился на публицистику. Впоследствии он работал в журнале «Молодой коммунист». Но пламенного большевика из него не получилось. Имя Янов себе сделал как диссидент, взявшийся разоблачать советский режим. А Семёну Данилову пришлось искать других переводчиков.

Больше повезло Софрону Данилову, хотя по уровню таланта он сильно уступал своему старшему брату. Пока Дымшиц был в Якутске, Семён Данилов прожужжал ему все уши о пьесе брата. Критика заинтересовала тема (пьеса была посвящена одному из первых коммунистических руководителей Якутии Максиму Аммосову). Он согласился посмотреть подстрочник.

Узнав об этом, Софрон Данилов 18 марта 1962 года отправил Дымшицу большое послание. Он писал:

«Добрый день, дорогой Александр Львович!

Мне очень приятно было узнать от Семёна Петровича, что Вы заинтересовались моей пьесой. Посылаю Вам её подстрочный перевод. К сожалению, я не смог послать первый экземпляр, его взяли для ознакомления в наш Русский театр. Перепечатка заняла бы не менее 1–2 недели. Потому вынужден послать второй экземпляр и, надеюсь что Вы не осудите меня за это.

Пьеса «От имени якутов» писалась для Якутского театра, для якутских читателей, которым жизнь и деятельность М.К. Аммосова хорошо известна. К тому же некоторые приёмы и сцены, приемлемые для нашей слабо развитой драматургии, могут выглядеть весьма примитивными для русского читателя. Потому при переводе пьесы на русский язык литературная редакция (сокращения в одном месте, вставили в другом и др.), видимо, будет неизбежна. Во всём этом я полностью полагаюсь на Вас, дорогой Александр Львович.

Подстрочные переводы обычно страдают одним общим недостатком: в них во многих случаях теряются естественность, различные оттенки, подтексты в речи героев. В этом я ещё раз убедился, ознакомившись с этим подстрочником. Многие реплики в нём, более и менее звучавшие в якутском тексте, превратились в голые лозунги. Хорошо бы было избавиться от них.

Об Аммосове напечатано у нас очень мало. Зато очень много архивных материалов. Посылаю книгу воспоминаний и ещё ряд неопубликованного ценного материала имеется в статье П.Филиппова.

О деятельности Аммосова в период колчаковщины можно узнать многое в книге Виленского-Сибирякова «Царство Колчака». Там он показан в образе якута-большевика Алексея (В.Д. Виленский-Сибиряков – министр иностранных дел ЦИК Советов Сибири, впоследствии редактор «Известий»). Для характеристики деятельности Аммосова в этот период имеет большое значение и статья «Что такое колчаковщина?», которую напечатал он 5.VII.1919 г. в газете «Правда» (145) после первого перехода фронта.

Сердечный привет вам от Семёна Петровича. Он заболел и лежит в больнице: инфаркт» (РГАЛИ, ф. 2843, оп. 1, д. 1082, лл. 1–1 об.).

Дымшиц перевёл пьесу Софрона Данилова за два месяца. Уже 16 июня 1962 года он сообщил автору:

«Дорогой Софрон Петрович!

Ну вот: шлю Вам перевод пьесы. Прошу познакомиться.

Мне почему-то кажется, что перевод получился. Я давал кое-кому читать; пьесу хвалят, значит она читается и «видится». Я старался сохранить Ваши подтексты.

Кое-что я позволил себе сделать в надежде на Ваше согласие.

В «Интернационале» поют: «...и это будет»; так тогда пели. Несколько обыгрывается солдатская песня («Солдатушки, бравы ребятушки»). Срезан конец сцены на явочной квартире (так динамичнее и реалистичнее). Голосов – не член ЦК (такие к Ленину уже не ходили). Крестьянин просит не раздела земли (он уже был произведён, кое-где стихийно), а возврата лошадей (эпизод от мая (!) 1919 года отражён в записке Ленина Аванесову, которая прямо цитируется; реплика Ленина крестьянину тоже взята из ленинского текста – статьи 19-го года). Адъютанту дан «рефренчик» – Вова приспособился; это из лексикона того времени – войны и белогвардейщины. Я думаю – Вы не в претензии за эти мелкие «своеволия», которые никак делу не во вред.

Полагаю – Вы не в претензии и за помещение отрывка в «Литературе и жизни». Я не успел снестись с Вами, так как прохворал неделю, а отказываться от того, чтобы Вы были в юбилейной полосе газеты и от того, чтобы обратить внимание на Вашу пьесу – я не хотел. Эпилог, помещённый в газете, произвёл здесь хорошее впечатление.

Завтра я еду в Ленинград и буду говорить в «Звезде» или «Неве» о помещении Вашей пьесы в 11 (она, по-моему, звучит именно в номере к годовщине революции). Кроме того хочу начинать переговоры о театральном бытии пьесы. Этим займусь через неделю, когда вернусь в Москву.

Прошу Вас (если Вы согласны с моим переложением) сразу же выслать мне авиапочтой Ваше письмен-

ное согласие с переводом и его авторизацию. Напишите всего лучше так примерно: познакомился с переводом моей пьесы «От имени якутов», согласен с ним и авторизую его. Адресуйте один экземпляр – мне, другой – в Управление по охране авторских прав (на всякий случай).

Не могу не сказать несколько лирических слов. Пьесу я очень полюбил, работал над ней с большим удовольствием. В ней чувствуется автор – хороший человек, которому дороги революционные традиции, талантливый литератор, с резко выраженным чувством драматичного и с необходимым психологическим чутьём. Вы, вероятно, заметили, что я счёл нужным выразить своё отношение к пьесе в коротком «врезе» к сцене, помещённой в «Литературе и жизни».

Как здоровье Семёна Петровича? Передайте ему, пожалуйста, мои горячие приветы и самые добрые пожелания.

Крепко жму Вашу руку» (РГАЛИ, ф. 2843, оп. 1, д.291, лл. 1–2).

Софрон Данилов был просто в восторге. *«С переводом пьесы ознакомился,* – ответил он 12 июня 1962 года Дымшицу, – *остался очень доволен им. Перевод получился очень хороший. Ваши исправления в тексте я считаю, не только уместными, удачными, но и просто необходимыми. Спасибо Вам большое, дорогой Александр Львович, за всё: за отличный перевод, за Ваш тёплый отзыв в «Литературе и жизни», за Ваше доброе ко мне отношение. Спасибо от всего сердца»* (РГАЛИ, ф. 2843, оп. 1, д. 1082, л. 2).

Потом Дымшиц откликнулся на вышедший в Москве однотомник классика якутской литературы Платона Ойунского. Он отметил:

«Поэт, произведения которого собраны в этой книге, давно стал легендарной фигурой в памяти родного народа.

В интересной пьесе якутского драматурга и поэта Софрона Данилова «От имени якутов» он выступает, как литературный персонаж, как один из главных героев революционной истории своего народа. Платон Слепцов, ставший впоследствии известным поэтом советской Якутии, показан здесь, как один из первых якутских коммунистов, как пламенный революционный романтик, действующий в кругу подпольщиков – борцов за торжество идей Ленина на просторах Сибири. Он в одном ряду с замечательным якутским коммунистом Максимом Аммосовым, с другими славными ленинцами Якутии.

В ту пору, на том великом подъёме истории, на котором он изображён в пьесе Софрона Данилова, началась и писательская биография Платона Слепцова, писавшего стихи и пьесы, прозу и статьи под псевдонимом Ойунский. Именно в то время сложено им полное революционного пафоса стихотворение «Не всё ль равно?!», именно тогда создан им якутский текст «Интернационала». Так в революционных боях с белогвардейщиной, в боях за освобождение Сибири от колчаковщины, в битвах за свободную, советскую Якутию выковывался революционно-романтический характер этого замечательного поэта, этого зачинателя якутской советской литературы.

Якуты издавна богаты фольклорным поэтическим творчеством. В нём особое место занимают прославленные эпические произведения – так называемые олонхо, обстоятельно исследованные и освещённые в вышедшей в 1962 году отличной книге фольклориста И.В. Пухова «Якутский героический эпос Олонхо» (Издание Академии наук СССР). Но ещё до революции у якутов появились первые выдающиеся писатели – основоположники письменной литературы – Кулаковский, Софронов, Неустроев. Они творили под очевидным воздействием передовой русской литературы, в традициях критического реализма.

Платон Ойунский, начавший свой поэтический путь с высокого романтического пафоса и никогда не отступавший и в дальнейшем от революционной романтики, явился в якутской литературе крупнейшей новаторской силой. Он сумел выйти в своём творчестве на широкие просторы реализма и романтики, он стал зачинателем литературы социалистического реализма в Якутии. За ним в якутскую литературу пришли поэты, составившие с ним вместе славу и гордость родной литературы. Это – Кулачиков-Элляй, А.Абагинский, Новиков-Урастыров и другие.

Платон Ойунский был безусловно крупным художни-

ком-новатором, реформатором якутского стихосложения, выдающимся лингвистом. Он проявил свой талант в самых разных литературных жанрах – и в политической поэзии, и в лирике, выразившей торжество новых социальных отношений, утверждаемых революцией, и в драматургии. Его четырёхкратная песня-олонхо «Красный шаман» обратила не себя внимание Максима Горького, она явилась интереснейшим опытом революционного переосмысления традиционных сюжетов и образов, созданных народными олонхосутами.

Один из старейших коммунистов Якутии Платон Ойунский пал в годы культа личности жертвой несправедливых репрессий вслед за своим замечательным другом, верным ленинцем Максимом Аммосовым. После XX съезда партии эти славные деятели революции были посмертно реабилитированы, имена их были возвращены истории. Память Ойунского окружена в Якутии большим сердечным уважением. Достаточно сказать, что его сочинения изданы на якутском языке в семи томах, что его творчеству посвящены специальные исследования.

На русском языке произведения Платона Ойунского издавались мало. Поэтому выпуск однотомника его избранный сочинений с обстоятельной вводной статьёй И.Пухова хочется горячо приветствовать. Мы знакомимся с прекрасной биографией революционера, с творчеством талантливого новатора, с образцами его лирики и «фольклоризма», его драматургии и прозы. Статья И.Пухова, вводящая в анализ творческого наследства выдающегося якутского писателя, написана интересно и обстоятельно. Особенно подробно вскрыты связи поэзии Платона Ойунского с национальным фольклором, с героическим эпосом якутского народа» (РГАЛИ, ф. 2843, оп. 1, д. 53, лл. 12–13).

Однако все отзывы Дымшица о якутских революционерах и писателях страдали одним существенным пороком. Они носили поверхностный характер и не отличались глубиной. А по-другому, видимо, и быть не могло. Дымшиц никогда не изучал ни биографию Аммосова, ни творческий путь Ойунского. Он оказался рабом той точки зрения, которая фигурировала в партийных документах конца 50-х – начала 60-х годов.

Кстати, вся правда об Аммосове, как и об Ойунском, до сих пор неизвестна. В начале 90-х годов попробовал в Якутске один журналист – Иван Ласков – поднять архивы и высказать новую точку зрения. И чем всё закончилось? Вскоре его нашли мёртвым.

7.

После 1963 года Дымшиц к проблемам Якутии и народов Севера уже почти не обращался. Лишь осенью 1973 года его вновь побеспокоил Софрон Данилов. Он сообщил критику о том, что из-за нечистоплотности некоторых деляг от науки у Высшей аттестационной комиссии (ВАКа) появились претензии к диссертациям двух якутских литературоведов: Гавриила Окорокова и Ивана Спиридонова.

Как выяснилось, дело упиралось в некоего Горбатенко, который одно время преподавал в Якутске, а потом написал докторскую диссертацию по политэкономии и перебрался в Москву, устроившись в Высшую комсомольскую школу. Так вот этот Горбатенко оказался проходимцем. И из-за него в ВАКе решили заново изучить все диссертации по общественным наукам, которые писались в Якутске. При проверке выяснилось, что у двух якутских литературоведов оппонентом был Георгий Башарин, который имел научную степень не по филологическим наукам, а по истории. Возник скандал. Хотя глубже Башарина творчество Кулаковского и проблемы реализма в якутской литературе никто не знал.

Дымшиц оперативно вмешался и отстоял как Окорокова, так и Спиридонова.

Спустя год, 25 декабря 1974 года Окороков сообщил Дымшицу:

«На днях состоялось совещание историков в г. Якутске. Приезжали из Новосибирска, из ЦК тоже были. Опять была сделана попытка пересмотреть постановление 1962 года, принятое по приезде комиссии ЦК, где вы участвовали, по лит. наследству. Но попытка оказалась напрасной» (РГАЛИ, ф. 2843, оп. 1, д. 1680, л. 5).

Окончательно вопрос о наследии Кулаковского и других дореволюционных классиков якутской литературы решился, напомню, лишь в конце 70-х годов.

Сергей СУЩАНСКИЙ

С тоской по Наукану

Зоя Ненлюмкина – один из лучших поэтов Севера. Наверное, никто другой лучше, чем она сама, не расскажет о своём жизненном пути. А посему – строки из её Автобиографии, фрагменты писем и документов:

«Я, Ненлюмкина Зоя Николаевна, эскимосская поэтесса, член Союза писателей СССР. Родилась в семье охотника-промысловика в селении Наукан[1] Чукотского района Магаданской области.

Когда мне было два года, мама сильно заболела и, оставив меня на попечение дедушки Тынетегин и бабушки Альпын, уехала в военный госпиталь посёлка Провидения. Поначалу моя мама Лилена Лидия Александровна была домохозяйкой. А по выздоровлению осталась работать строителем – штукатуром-маляром в Провидения.

Мой отец Ненлюмкин Николай Николаевич партийный советский работник работал инструктором окружкома комсомола, секретарём райкома партии, а затем – освобождённым партийным секретарём в совхозе имени Ленина Чукотского района.

Итак, я с двухлетнего возраста воспитывалась в семье дедушки и бабушки... В младших классах отличалась хорошими отметками по рисованию и по сочинениям. Самостоятельно писать стихи и прозаические произведения начала с тринадцати лет.

После окончания восьми классов вместе с подругами поехала поступать в Анадырь в педучилище народностей Севера. Хорошо сдала экзамены и стала учиться. С первого же курса стала совмещать работу в редакции окружного радиовещания на эскимосском языке.

Было трудно, но интересно работать. Делала литературные передачи. Перевела тогда стихи Лермонтова, Маяковского, Пушкина, Шевченко. По окончании педагогического училища пришлось ... поехать по направлению в селение Новочаплино ... учительницей третьего класса начальной школы.

К этому времени у меня родилась дочь в 1972 году. Из-за её болезни вынуждена была уехать в Провидения и там устроилась работать в детский садик «Солнышко». Затем, когда была комиссия работников педагогических коллективов и зашла речь «работать по специальности», перешла работать воспитательницей во вспомогательную школу. После этого, опять запросили меня на окружное радиовещание, которое теперь называлось «Комитет по телевидению и радиовещанию». Стала редактором эскимосского вещания окружного радио в городе Анадыре. В 1977 году меня назначают собственным корреспондентом телерадиокомитета округа по Провиденскому району. Пишу и передаю с репортёром на трёх языках материалы: чукотском, эскимосском, русском.

Всё это время я пишу стихи. С 1975 года печатаюсь в районной газете «Полярник» Провиденского района. Там были напечатаны и прозаические произведения: «Когда у человека праздник», «Начало длинных дней», «Близкое и далёкое детство» и др.

В 1979 году ... выходит моя первая книжка «Птицы Наукана»[2].

С 1980 года перехожу полностью на писательскую работу, много пишу для газеты, радио, очерки, зарисовки. Выходят книги почти каждый год. Такие книги отдельного выпуска: «Где ты?», детская книжка «Идти за солнцем» вышла отдельными двумя книгами на двух языках – на русском и

эскимосском, книга в Дании «Человек и земля» на гренландском языке, выпускаются книги и публикации для институтов Аляски, Италии.

Сегодня работаю над переводами с русского языка сказок Андерсена, над новым сборником детских стихов и прозы на русском языке. Выпущена книжка в Магадане в 1990 году на эскимосском языке «Весна счастья».

З.Н. Ненлюмкина»

Точно неизвестно, когда была написана Автобиография, ибо даты на листках нет. Но, судя по всему, написана она в мае 1991 года – ибо именно такая дата стоит на личном листке по учёту кадров, заполненном З.Ненлюмкиной для Магаданской писательской организации.

*

Председателю Союза писателей
областной писательской организации
тов. Пчёлкину А.А.

Анатолий Александрович, здравствуйте!

По Вашей просьбе высылаю подстрочники к книжке на эскимосском «Погуляй со мною, солнышко!» это было очень нелегко. Живём рискованно, пропадают документы, бумаги. Но на этих, так называемых родственничков, подаю в суд.

Толя, может достаточно этих подстрочников?

На «Волшебную камлейку»[3] возьми, пожалуйста, у В.И.Першина. Найти подстрочники к этой книге пока не смогу.

Ведь хотели меня вообще по одной книге принять в Союз. Так в чём дело, что теперь понадобился такой ад! Для принятия?

До свидания! По получении подстрочников, прошу сообщить. Посылала Вам телеграмму, но, наверное, не получено? А может получено. Тогда извините.

С уважением,

Зоя Ненлюмкина

23 декабря 1986 г.

З.Ненлюмкину не сразу приняли в Союз Писателей. Первый приём проходил ещё в 1982 году. Сохранился Протокол приёма:

ПРОТОКОЛ
Членов Магаданской писательской организации
От 14 мая 1982 года

ПОВЕСТКА ДНЯ:

1.Приём в члены Союза писателей.

2. Обсуждение плана работы организации до конца года.

3.Организационные и текущие вопросы.

Присутствуют 9 членов Союза писателей.

Повестка дня принимается единогласно.

По первому вопросу докладывает А.Мифтахутдинов:

– В писательскую организацию поступило три заявления от литераторов З.НЕНЛЮМКИНОЙ, К.НИКОЛАЕВА, и А.ЩЕРБАНЯ с просьбой рассмотреть их дела на предмет приёма в члены СП СССР. Двое первых представили все документы, а в деле А.ЩЕРБАНЯ, к сожалению, отсутствуют рекомендации.

Принимается решение дело А.ЩЕРБАНЯ на сегодняшнем собрании не рассматривать до полного оформления документов.[4]

МИФТАХУТДИНОВ*: дело Зои Ненлюмкиной включает все необходимые документы. В январе на заседании чукотской группы мы уже рассматривали его, чукотская группа была единодушна: Зоя заслуживает приёма в члены Союза.*

РОЖКОВ*: Зоя Ненлюмкина по-настоящему талантливая поэтесса, я тоже за её приём в члены нашей организации. Имя её известно и стихи переводятся за рубежом. К тому же, приём З.Н. в члены Союза будет для неё немалой моральной поддержкой.*

ЛЕОНТЬЕВ*: было время, когда я колебался немного в отношении Зои, однако, сегодня она работает активно, я за её приём.*

МИФТАХУТДИНОВ*: приступаем к обсуждению кандидатуры К.Б. Николаева.[5]*

Далее идёт обсуждение кандидатуры К.Николаева. И продолжаю цитировать Протокол:

Обсуждение заканчивается. Избирается счётная комиссия. В неё входят: Е.РОЖКОВ, А.ЧЕРЕВЧЕНКО, М.ЭДИДОВИЧ.

После перерыва председатель счётной комиссии А.Черевченко зачитывает протоколы. В результате тайного голосования выясняется:

1.З.НЕНЛЮМКИНА: *«за» – восемь, «против» – один.*

2.К.НИКОЛАЕВ: *«за» – четыре, «против» – пять.*

Протоколы счётной комиссии утверждаются единогласно.

Собрание приступает к обсуждению второго вопроса...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОБРАНИЯ В.ЛЕОНТЬЕВ
СЕКРЕТАРЬ СОБРАНИЯ А.ПЧЁЛКИН

Очевидно, пакет документов З.Ненлюмкиной был направлен в Москву. Но информации из Москвы о том, почему Зою Николаевну не приняли в Союз писателей в 1982 году, я не обнаружил. Но, думается мне, что Анатолий Пчёлкин в своём ответном письме поэтессе от 06 января 1987 года очень толково всё разъяснил:

06.01.87 г. исх. 3
686910, п. Провидения,
Магаданской обл.,
ул. Полярная, 8, кв. 11
НЕНЛЮМКИНОЙ З.Н.

Дорогая Зоя!

Получил твоё раздражённое письмецо и подстрочники к «Солнышку».[6] *Подстрочники передал Марине (секретарю) для распечатки (в деле должно быть три экземпляра). На письмо отвечаю.*

Попытка принять тебя по одной книжке была авантюрой, с 27 стихотворениями в члены СП никого не принимают, а в «Птицах Наукана» было именно 27 стихов.

Сейчас, когда у тебя три (с половиной) книжки мы вправе выходить с таким ходатайством в Приёмную Комиссию СП. Но скажи, пожалуйста, где мне взять подстрочники стихов из твоей «взрослой» книжки «Где ты?»[7]

Понимаю, составление подстрочников труд не лёгкий, но он твой и кто, кроме тебя должен уважать его больше, чем ты сама? Я ведь не владею эскимосским, чтобы перевести твои же стихи на русскую прозу?..

В остальном, прошу тебя, меньше нервничай. Ни сегодня, ни завтра никто из нас не сможет следить за, якобы, пропавшими у тебя «бумагами, документами» и даже вещами. Союз писателей – союз равноправных товарищей, но не «лялек и нянек».

Мы ждём от тебя необходимых (недостающих) подстрочников, будем рады новым твоим стихам, недавно перевели тебе 100 р. материальной помощи, поздравляем с наступившим уже новым 1987 годом, желаем удач, успехов, лёгкого сердца и уважения к окружающим. В том числе и магаданским членам СП.

Всего наилучшего!
Я тебя обнимаю!

А.Пчёлкин

*

К началу 1988 года у З.Н. Ненлюмкиной в активе было уже четыре сборника стихов, вышедших в Магадане. Кроме того, книга стихов поэтессы была выпущена в Дании на гренландском языке. Предлагаю читателям фрагмент письма Петера Ессена, переводчика Бюро АПН в Дании в Магаданское книжное издательство о творчестве Зои (письмо дано в переводе на русский язык и заверено В.С.Журихиной – инспектором издательства):

Уважаемый тов. Александр Бирюков![8]

Имею радость сообщить Вам, что в скором будущем ... выходит в свет сборник стихов Зои Ненлюмкиной на гренландском языке.

Надеемся на то, что данный сборник выйдет весной-летом 1983 года.[9]

Стихи Зои Ненлюмкиной получили известность у гренландского народа. Ряд стихотворений был опубликован в самой крупной гренландской газете «Атуагаал' иутит», в литературной передаче гренландского гос. радио читались отдельные её стихи. Кроме того, несколько стихотворений было напечатано в переводе на датский язык в журнале «Грёнланд» и в ежемесячном журнале Бюро АПН в Дании.

Издавать сборник будет «Гренландское гос. издательство» в сотрудничестве с местным союзом писателей. ...

Зоя Ненлюмкина

С наилучшими пожеланиями Петер Ессен

*

А в марте 1988 года, в Магадан пришло известие о приёме З.Ненлюмкиной в Союз писателей:

Союз писателей РСФСР
ПРАВЛЕНИЕ
Выписка из постановления секретариата
Протокол 5 3 марта 1988

Слушали: *приём в Союз писателей СССР (докл. Ю.Пшонкин)*

Постановили: *принять в члены Союза писателей СССР поэта*

НЕНЛЮМКИНУ *Зою Николаевну (Магадан)*

П.п. Председатель правления СП РСФСР

С.МИХАЛКОВ

*

Видимо, трудно жилось Зое Николаевне, именно этим можно объяснить её послание Станиславу Ивановичу Дорохову, магаданскому поэту, который в те годы являлся уполномоченным Литфонда СССР по Магаданской области:

Здравствуйте
Станислав Иванович!

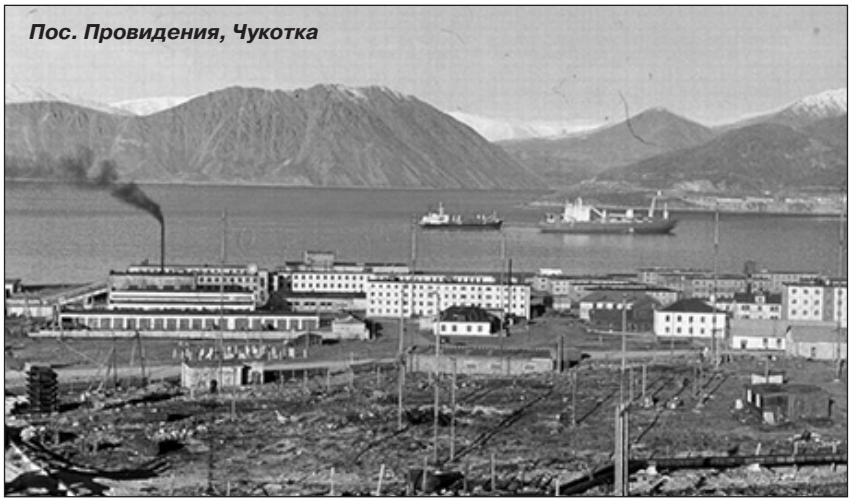
Хотела Вам позвонить, но так дорого для меня телефонный разговор.

Потихоньку живём с Владиком, а Любаша учится в Нунлигране в интернате. Владик учится нормально, только по русскому имеет тройку. Подчерк (так в письме!) ужасный. Здоровье у него тоже нормальное.

В начале февраля у нас были сильные пурги. Даже школу отменяли. А сегодня теплее стало, только небо снежное. Столько снегу упало на улицы за такой короткий период. Первая пурга была в новогоднюю ночь.

Станислав Иванович, мне известно, что, когда я считалась молодым литератором, а не членом Союза писателей, оказывали мне помощь с литфонда в размере пятидесяти рублей. А сейчас нельзя это сделать?

Во всех организациях побывала, чтобы устроиться на работу, но пока всё занято. Вот начнут в марте отъезжать в отпуска, тогда я устроюсь. На сто двадцать рублей прожить невозможно.


Пос. Провидения, Чукотка

Сейчас работаю над эскимосскими стихами, которые будут опубликованы в сборнике[10] в будущем году.

...В общем, черкните мне, пожалуйста, пару слов по поводу денежной помощи из литфонда.

На этом всё. До свидания!

10.02.89 г. С уважением,
Зоя Ненлюмкина

*

Анатолий Александрович,
здравствуйте!

Решила к Вам обратиться, всё-таки, хотя знаю, что может быть неосуществимо, что я прошу.

На этот год в Магадане запланирован выпуск книги пословиц на эскимосском языке, и я ездила в Новочаплино собирать их. Там жила в гостинице. Не знаю, можно ли просить моё пребывание там за командировку? Я выступала в школе по просьбе учителей, они изучают мою биографию и стихи, начиная с начальных классов. Я не верила этому, что меня в школе проходят, а когда приехала в это эскимосское село и стала выступать, убедилась, что им очень нужны мои произведения. Даже после проведённых уроков литературы старшеклассники попросили в своих лекциях, где отражена моя биография, автографы. Давали и книги, у кого они были, чтобы я им что-нибудь на память написала.

...Сейчас я пишу книжку детскую на эскимосском языке, стихи, конечно, для Магаданского издательства. Взрослые ещё надо собрать, их тоже уже много. Прозу пишу попутно. Кое-что хотят мои друзья из Филадельфии издать в США. Я дала согласие. Вот только надо чтобы переслать, чтобы дошло, не потерялось. А может летом кто-то приедет из Москвы, да я и передам, а там перешлют в США. А то, когда я отсюда пишу туда, даже на Аляску письма не приходят по адресу, даже поздравления с Новым годом, с Рождеством не пришли на Аляску. А когда хотели гонорар переслать из Аляски, не смогли по телефону со мной связаться, тогда выслали книги по искусству через знакомых, едущих в Москву. Такие дела и трудности.

Петеру Ессену в Данию на-

писала, чтобы прислал приглашение. Сегодня перечитывала присланные публикации в газетах и журналах Дании и Гренландии, литературную критику, написанную эскимосом из Гренландии. Как они приглашали меня в это время. Я же хотела поехать в Данию хотя бы, уже не говоря о Гренландии, когда поехала в Переделкино и было официальное приглашение – письмо. Я его показала в международный отдел, а мне сказали, что пока буду собирать документы, время приглашения иссякнет. Какая разница, ведь только нужно приглашение, а не время. Сколько уже эскимосов пребывало в Аляске и Гренландии, а я так нигде не была. ...

Анатолий Александрович, как там наши дела, теперь бывшие члены Союза писателей СССР куда принадлежат? И пришлют ли новые удостоверения. Недавно я ходила на ледоколе с французскими киношниками и показывала старое своё удостоверение, ничего, пропустили. Французы снимают художественный фильм о Чукотке. Старый ледокол «Киев», на котором приплыли артисты с «Мосфильмом» совместно с французами. Как там у нас литературная жизнь?

...После поездки в село и при встрече с коренными жителями Чукотки убеждаешься, как им не хватает книг на родных языках. Сказок нет и некому распространять уже выпущенные. Как поговаривают, вообще не будет сейчас никаких книг. У нас даже книжный магазин закрыли.

...Очень трудно одной. Если бы можно было обмениваться нашим эскимосам с литераторами Аляски и Гренландии. Меня одну читать тоже не интересно, хотя я очень стараюсь. Да я и не успеваю так быстро писать книги. А их надо и надо. Могла бы я переводить даже сказки аляскинцев или гренланцев на <неразборчиво> диалект. Но нужно тогда и издательство. На Чукотке. Попробуй попасть сейчас за такую сумму в Магадан. Я получаю пособие меньше, чем стоит билет. Не знаю, если договориться с издательством работать на договорных началах, будут оплачивать мне дорогу хотя бы до Магадана?

Ну ладно. Пока!

С уважением Зоя Ненлюмкина. 5 апреля 1992 г., бухта Провидения

*

Если после 5 апреля 1992 года З.Ненлюмкина и писала письма в Магаданскую писательскую организацию, то я их не нашёл...

Классик эскимосской литературы мирового уровня Зоя Ненлюмкина в настоящее время живёт в Анадыре. Она является членом Чукотского регионального отделения Союза писателей России. Когда позволяет здоровье, участвует в различных творческих мероприятиях. А в 2002 году поэтесса стала лауреатом премии имени Юрия Рытхэу.

[1] – Наукан – село Чукотского района Чукотского АО, ликвидировано в 1958 году

[2] – книга З.Ненлюмкиной «Птицы Наукана» (Магадан, 1979), переведённая на русский язык поэтом А.Черевченко – это первая поэтическая книга эскимосской женщины и первая поэтическая книга, созданная на науканском диалекте эскимосского языка. В 1979 году за этот сборник поэтесса стала лауреатом премии Магаданского комсомола.

[3] – «Волшебная камлейка». Стихи для мл. шк. возраста. Пер. с эскимосского В.Першина. Магадан: Кн. изд-во, 1987

[4] – судя по имеющимся данным, Анатолий Михайлович Щербань, член Союза журналистов СССР, ветеран Великой Отечественной войны, так и не был принят в Союз писателей. Хотя к моменту вступления, к маю 1982 года, у него вышли две книги: одна в 1975 году в Магаданском книжном издательстве – «Почта полевая», и одна в Москве в 1981, в издательстве ДОСААФ – документальные повести «После победы». Позже, в издательстве «Советская Россия» вышла его книга «Демаркационная линия. Записки бывшего военного коменданта в Германии» (М., 1988) и переиздана книга «Почта полевая. Рассказы» (М., Воениздат, 1989).

[5] – я думаю, что когда-нибудь более детально вернусь к личности Кирилла Борисовича Николаева.

[6] – очевидно, речь идёт о будущей книге З.Ненлюмкиной «Идти за солнцем». (Стихи. Перевод с науканского диалекта эскимос. языка А.Черевченко. Магадан: Кн. изд-во, 1988)

[7] – «Где ты?» Стихи. Пер. с науканского диалекта эскимос. языка М.Эдидович. Послесловие Ю.Рытхэу. Магадан: Кн. изд-во, 1986

[8] – А.М.Бирюков был назначен главным редактором Магаданского книжного издательства в июле 1975 года и в этой должности проработал до ноября 1982 года.

[9] – «Человек и земля» (Ipuk nunalo). – Копенгаген, Дания, 1984

[10] – сборник стихов на эскимосском языке «Весна счастья» вышла в Магаданском книжном издательстве в 1990 году.

Алина ЧАДАЕВА

ТУЧА ДИКАЯ НАДВИНЕТСЯ В НОЧИ...

К вопросу о творческом наследии классика нанайской литературы Понгса Киле

Приспело время снова обратиться к творческой, гражданской деятельности нанайского поэта Понгса Киле. Я намеренно поставила понятия «творческой» и «гражданской» деятельности в ряд синонимов. Многим людям, в том числе, и мне, довелось быть причастными к его уникальной поэзии. Педагог из Комсомольска-на-Амуре Наталья Иосифовна Бояринцева создала словесный портрет Понгса Киле, посвятив своё эссе «Мэргэну Амура». Оно было опубликовано в журнале «Экологический Вестник Приамурья» в 1997 году.

«Спросите, кто такой Понгса Киле, и я отвечу: «Мэргэн – сказочный герой». А если нужно представить себе Мэргэна нанайских сказок воочию, посмотрите фотографии Понгса Константиновича. Вот он – юный солдат Отечественной войны, разведчик, прошедший с освободительными боями Европу. Вот – исполненный спокойного достоинства строитель Амурска. Вот – пожилой человек с тонкими чертами лица и ясным,

мудрым взглядом. Человек Поступка, человек Чести и большого таланта. Он был во всём талантлив: в стихах и песнях, в традиционных ремёслах, в философских записках, в этнографических исследованиях.

Когда после многих операций он не смог делать физическую работу, всю свою неуёмную душевную энергию отдал поэзии, возрождению чистых родников народной речи, фольклорных традиций, собиранию народной мудрости. В его поэзии сочетается ощущение своего родства со всем живым на Земле и в Космосе, почитание предков и нежность к детям, мягкий юмор и нехвастливое мужество.

Знакомство с творчеством Понгса Киле обогащает душу. Читайте сами, читайте его стихи детям...»

Слава Богу – есть что почитать. Произведения Понгса Константиновича издаются. Правда, история изданий иногда напоминает «историю болезни». Вот передо мной книга – «Нанайские игры» ... на японском языке. Мне прислала её ныне покойная вдова поэта Мария Борисовна – верный друг Понгса, его единомышленник и в трудные минуты – главная поддержка и опора. В сопроводительном письме – о мытарствах этого издания.

«Это получилось так. Хабаровский методический центр культуры хотел издать книгу. Но посмотрели и сказали: «Нужно определить содержание на технику безопасности, а также пройти медицинское освидетельствование». Тогда Понгса им ответил: «Если бы я не прошёл эти нанайские игры в детстве, как способ воспитания предками детей, я бы не прошёл четыре года войны и не переплывал бы Днепр, Дон, не перешёл бы через Альпийский перевал по дороге Суворова, словом, не вернулся бы живым».

Как раз в это время мужа пригласили на встречу с японцами в Хабаровский Краеведческий музей. Там его заметил профессор Ичиро Курода, спросил, «с чем Вы приехали?» Понгса говорит: «С описанием традиционных нанайских игр». Профессор Курода посмотрел рукопись, предложил: «Разрешите, мы издадим её в Японии». «Я-то не против,– сказал Понгса, – а вот как здешние «люди», не знаю, разрешат ли». Японцы моментально сделали ксерокопию. На следующий год из Японии приехали двое: лингвист и профессор Цумагару из музея этнографии. Сказали, что проф. Курода болен и приехать не смог. А Понгса так ждал его. Ещё через год привезли книгу. Ни Понгса, ни Ичиро Курода уже не было в живых. Рукопись Понгса перевели на японский язык, но описание игр в ней дано и на русском. Посвящена книга памяти Понгса Киле и профессора Курода.

Акт дарения книги (её привёз Синзиро Казама) совпал с днём поминок Понгсы. Тогда исполнилось три года, как он «ушёл»...»

Американский этнограф Беата Гордон, собирательница азиатского фольклора, летом 1988 года посетила Хабаровск. Для гостьи был устроен концерт. Понгса Киле исполнял песни своего сочинения (слова и музыка автора). В начале следующего года делегация деятелей культуры Дальневосточного региона, по приглашению госпожи Гордон, посетила Соединённые Штаты Америки. Три года спустя, Мария Борисовна получила от именитого этнографа письмо. «Понгса был такой чудесный человек и музыкант. Я всегда буду помнить то очаровательное время, когда мы с ним путешествовали из Нью-Йорка в Вашингтон. Я надеюсь, что перевод его поэм был сделан перед смертью, и верю, что ОНИ БУДУТ ЧИТАТЬСЯ В КЛАССАХ ШКОЛ И НА ПЛОЩАДЯХ». (Выделено мной. – *А.Ч.*)

Не только чуткий слух заокеанского этнографа уловил древние голоса предков в фольклорном по природе песенном творчестве Понгса Киле. В 1999 году в Амурске был издан сборник его песен под знаковым названием «Словами предков пою» («Сагдилби хэсэдиэни дяриамби») на нанайском и в авторском переводе – русском языках. В обращении «к читателю» составитель сборника Л.Ф. Синицына писала: «Сборник песен показывает только одну грань таланта нанайского самородка Понгса Киле – его песенное творчество. А ведь он – создатель пока единственной коллекции нанайских народных музыкальных инструментов. А какие чудесные игрушки и украшения пополнили фонды музеев края! Он спешил записать сказки и легенды нанайского наро-

да, описать народные игры, в стихах выразить музыку и песни души.

Сегодня дело за малым – донести творчество Понгса Киле до тех, кто возрождает народную культуру нанайцев».

Призыв Л.Ф. Синицыной отрезонировал через пятнадцать лет – радостным событием: в январе 2014 года в Краеведческом музее Амурска состоялась презентация сборника Понгса Киле «Загляни в душу мне», в котором собрано многое из написанного автором. В маленьком зале собралось несколько десятков жителей; приехали дети из села Ачан, «фольклорная группа «Тасима» («Лепёшка»), к созданию которой когда-то был причастен Понгса Киле. (Средняя школа села носит его имя). Выступали и дети местного ансамбля «Силакта» («Цветок»).

Казалось бы, и беспокоиться не о чем: произведения и деяния Понгса Киле на виду и на слуху нанайского населения Хабаровского края, численность которого 10,5 тысяч человек. Но «благополучие» это внешнее, если не мнимое. Да и не ради прославления собственной персоны Понгса Константинович созидал «нанайский Дом», возрождая его культурный фундамент.

Вчитываюсь в письма последних лет его жизни (1988–1990). Они опубликованы в сборнике «Творческое наследие», вышедшем в Комсомольске-на-Амуре в 1993 году, тираж – 450 экземпляров. Адресованы разным людям, в том числе, и мне. В каждом звучит тревожная нота о судьбе мировоззрения родного народа, извечно воплощавшегося в языке, религиозных представлениях, обрядах, народной традиционной педагогике. Автор с болью фиксирует вехи и результаты насильственной ассимиляции коренных этносов Дальнего Востока, длившейся почти столетие. Инерция подмены древней культуры экзотическим шоу продолжается и сегодня. Понгса Киле видел необратимость этого процесса, пытался его сдержать, встать плотиной «против течения».

Сделаю извлечения из писем, чтобы яснее обнажить проблему.

В письме Т.Д. Булгаковой, доценту кафедры культуры народов Севера Государственного педагогического университета им. Герцена в Петербурге, видимо, предложившей Понгса Киле выступить перед студентами в качестве исполнителя нанайского репертуара, он определяет симптомы болезни культуры нанайского народа, занесённые вирусами извне.

«...Сейчас занят подготовкой праздника фольклора народов Приамурья в Нижних Халбах. ...Спросите, что заставляет меня, вопреки здоровью, работать? Да, трудно, но дело превыше моего здоровья. НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ ИСКАЖАЛИ ИЛИ СТИЛИЗОВАЛИ НАШИ ТРАДИЦИИ. (Выделено мной. – *А.Ч.*)... Лично про себя скажу: я могу быть лоскуточком – экспонатом в живом виде, персонажем нашей истории культуры, той культуры, от которой сохранилась мизерная доля, принесённые эхом старины сказки, легенды и были, которые некоторые учёные как хотят, так, фантазируя, и переворачивают, ломают. Больно и обидно...». Письмо датируется августом 1990 года. В следующем письме, посланном вслед за предыдущим, автор обосновывает свой отказ демонстрировать игру на «дудке» – древней нанайской флейте.

«Для цивилизованной Центральной России мой древний первобытный инструмент – абсолютно дикий и никакого значения не имеет и никогда не имел. В этом инструменте мало кто видит и слышит простой человеческий голос души и пение сердца. 70 лет нас воспитывали в одну дудку дудеть. Сейчас невозможно убедить, даже смешно, что есть другая дудка, которая поёт по-своему. Эта «дудка» – голос, выходящий из глубины души предков моих, из глубины столетий, она истоптана, обсмеяна и выкинута за борт...»

Болью и обидой пропитаны строки письма, в котором говорится о целенаправленном отторжении родного языка от нанайского народа.

«Не могу спокойно слушать, когда ИЗВРАЩАЮТ МОЙ РОДНОЙ ЯЗЫК всякий по-своему... Названия скольких рек, сёл и т.п. извращены. Если бы я делал так, то назвал бы себя диким невеждой». (Из письма А.Чадаевой от 18.10.1986 года).

В течение многих десятилетий уничтожа-

лась (и продолжает уничтожаться) природная почва, которая веками питала малые этносы: вырубается тайга, великая река Амур превращается в сточную канаву химических отходов. Да только ли Амур...

«Иногда так хочется писать о старых временах, но как увижу настоящее – рука тяжелее свинца становится. Кто поверит, что всего пятьдесят лет назад мир был совсем иной? Пока учёные изучают тайгу, дальневосточный край станет калмыцкой степью. Пока ихтиологи считают чешую сазанов и пескарей, рыбы в реках не станет. Лет через сто всё, что было до 1930-х годов, станет сказкой. Тайга пела мощным баритоном, а сейчас свистом на ветру плачет. А с бедного Амура-батюшки не только чешую сняли, но и плавники поотрывали... В тайге – пустота и хаос. ...Язык, игра, быт, промысел тесно связаны с окружающей средой, пропитаны её дыханием, впитали её в кровь и плоть, не только тесно связаны, – зависимы. Природа является их питанием, жизнью, домом, надеждой на будущее». (Из писем А.Чадаевой и Борису Аянко, другу семьи Киле, жившему в селе Красный Яр в Приморье, а также Н.Б. Марголиной, старшему научному сотруднику Государственного музея этнографии в Петербурге).

Понгса Киле со своей женой, другом и единомышленником Марией Борисовной Киле.

Ради возрождения НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКИ, Понгса Киле создаёт подробнейшее описание национальных игр. Иллюстрации автора по сути – их методические разработки. В предисловии он говорит о значимости игр как «зеркального отражения действительной жизни, быта, труда нанайцев в разные времена года. ...В таких играх формируется характер, воля, мораль,... что вместе взятое составляет здоровье нации».

В 80-х годах Понгса Киле ещё надеется на возрождение самобытной культуры своего народа, верит, что не исчерпаны её ресурсы. Не только воссоздаёт на практике, материально, забытые музыкальные инструменты, отринутые новыми временами игрушки, работает с детьми, знакомя их с устным вековым творчеством нанайцев, но и неустанно взывает: «Давайте вернём язык своей старины детям. Ведь мы не появились из трещины глинистой почвы или ила и не свалились с бродячих облаков. Есть у нас свой язык, культура, фольклор – значит, была и есть история. Народа без истории не бывает. НЕТ ЯЗЫКА – И НЕ БУДЕТ ИСТОРИИ». (Выделено мной. – *А.Ч.*) В марте 1989 года Понгса Константинович выступает на семинаре учителей Нанайского района. И снова – тот же «глас вопиющего». «А сейчас, в наше время, не надо забывать свою историю, язык, быт. Всё это надо возродить. Это в ваших руках. Если вы будете об этом думать, делать своими руками, то прошлое возродится».

Двадцать четыре года минуло со дня кончины поэта-подвижника. Ни одна из книг Понгса Киле не была опубликована при его жизни. Несколько сборников, изданных после его смерти, вышли мизерными тиражами.

Национальная политика, провозглашённая Сталиным на XVI съезде ВКП(б), 27 ию-

ня 1930 года, в двадцать первом веке подсчитывает свои плоды. Вернёмся к документу, чтобы лучше уяснить пагубные составляющие необратимого, увы! – процесса подмены истинных духовных ценностей этносов Российского государства тотальным единомыслием народов, то есть их ассимиляцией методом социалистического реализма как одним из механизмов воздействия советской власти.

И. Сталин: «Уклоняющиеся в сторону великорусского шовинизма глубоко ошибаются, полагая, что период строительства социализма в СССР есть период развала и ликвидации национальных культур. Дело обстоит как раз наоборот. На самом деле период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период расцвета национальных культур, СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПО СОДЕРЖАНИЮ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ПО ФОРМЕ. (Выделено мной. – *А.Ч.*) Только при условии развития национальных культур можно будет приобщить по-настоящему отсталые национальности к делу социалистического строительства».

По своей сути, программа «вождя всех народов» предлагала ликвидировать национальный дух культуры любого этноса, в том числе и русского, приведя всех к одному знаменателю «отсталых национальностей». В выхолощенную маскарадную упаковку якобы «национальной формы» внедрялось враждебное её изначальному смыслу «социалистическое» содержание. Иначе говоря, «традиционную одежду заменили сценическим костюмом».

В 1930 году в Ленинграде был создан Институт народов Севера ВЦИК. Программа его работы как раз и предполагала воспитание национальных кадров в духе социалистического строительства. «В Институте ведётся подготовка кадров ... по советско-партийному и культурному строительству, кооперативно-колхозной работе, промышленному делу для Севера, а также кадров научной работы».

Безусловно, нельзя рассматривать деятельность Института народов Севера только в этом аспекте. В нём была разработана письменность для бесписьменных прежде народов, а это означало приобщение их к горизонтам мировой культуры, русские учёные составляли учебники грамматики нанайского языка, словари. Но главный акцент всё же заключался в переориентировании традиционных ценностей на потребу советского строительства.

Что имеем «в остатке» национальной политики, которая в наши дни существует в реалиях тотальной глобализации? На этот вопрос отвечает сборник под названием «Сохраним родной язык», выпущенный Районным методическим кабинетом села Троицкое (столица Нанайского района) в 2013 году.

Цитирую Введение. «В современной семье не говорят на родном языке. Ребёнок утратил возможность познания мира через родной язык. И семья утратила воспитывающую роль этнической самоидентификации в ребёнке через язык. Эта роль выпала учителям родного языка малочисленных народов и педагогам внеурочной деятельности».

Честь им, «редкоземельным подвижникам». Но и они вынуждены «преподавать культуру» родного народа как предмет этнографии, музейный экспонат, форму с выхолощенным в реалиях повседневного быта содержанием. Вот – горькое признание Юрия Самара о трансформации «Медвежьего праздника» – «пурэси»: «В наше время праздник начала охоты ушёл в прошлое. И если иногда с ним приходится встречаться, то это просто дань старой традиции. То, что прежде было культовым обрядом, становится просто-напросто традиционным развлечением и поводом для понятного времяпрепровождения, увы!»

Да, учителями предпринимаются попытки познакомить детей с материальным бытом их недалёких по времени предков, с нравственными основами былого воспитания, с фольклором «как части мировой культуры». Создаются «кабинеты родного языка», например, в Найхине, где в подобном кабинете вывешены «панно с изображением нанайского жилища, утвари, одежды», а также перечень заповедей как след «воспитания в духе национальных традиций». Проводятся Краевые олимпиады по родному языку и национальной культуре. В селении Верхний Нерген создан школьный музей – «храни-

тель бесценного фонда историко-культурного наследия села», как пишет о нём преподаватель родного языка С.А. Бельды. Учитель из селения Синда Э.Л. Бельды считает, что «обучение родному языку необходимо строить на методике преподавания ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА, например, английского» (подчёркнуто мной. – А.Ч.).

Можно ещё перечислять «точечные застройки» энтузиастов-учителей в их поисках наиболее эффективного внедрения нанайского языка в быт и сознание их воспитанников, но общий рефрен всех без исключения статей, опубликованных в сборнике, – один. Цитирую. «Современные условия почти полностью вытеснили из жизни детей родной язык и культуру своего народа. В семьях школьники не имеют возможности говорить по-нанайски, поскольку большинство родителей не только не знают, но и не понимают родной язык. Носителей нанайского языка – бабушек и дедушек – становится всё меньше».

Не об этом ли предупреждал Понгса Киле в книге «Игры моего детства»? «Советую, – писал он, – через сказки, легенды, игры, творчество вернём язык. Детский сад и школа с букварём не дадут тех знаний, что получают дети дома, от родных». Кто тогда, четверть века назад, внял его публичным воззваниям? А ведь за этот период выросло именно то поколение, которое сегодня стало «родителями».

Вчитываюсь в статьи сборника в надежде увидеть, КАК вписалось сегодня деятельное творчество Понгса Киле в процесс «возрождения национального самосознания» в условиях «критического положения родного языка». Та и другая цитаты – из статьи В.Н. Бельды, учителя физкультуры в селе Найхин. Он ведёт спортивную секцию по национальным видам спорта, занимается с ребятами практическим изучением традиционных летних и зимних игр. Как сказано в статье, «продолжает дело своего дяди Владимира Чубаковича Бельды, разработавшего учебно-методические пособия». В Нанайском Муниципальном районе даже учреждён приз его имени.

Вероятно, и в других школах района полезно внедрить подобный опыт по «методическому пособию» Понгса Киле, дважды изданному под названием «Национальные игры», и достойному учреждению приза имени поэта-подвижника.

К сожалению, в сборнике я нашла упоминание его имени только в перечислении репертуара фольклорного кружка «Нярги» («Тальничок»), который в Верхнем Нергене создала и ведёт учительница М.А. Эльтун.

Думаю, что творческую сокровищницу Понгса Киле, завещанную им нанайскому народу, нельзя делать только музейным достоянием. Все его наработки, касаются ли они игр, национальных инструментов, традиционных игрушек, сказаний, самобытного музыкально-песенного творчества, слишком живы, чтобы списать их в архив. На мой взгляд, следовало бы не только переиздать творческое наследие великого, не побоюсь слова, подвижника нанайской культуры ЗНАЧИТЕЛЬНЫМИ ТИРАЖАМИ, но и ВКЛЮЧИТЬ ЕГО В ПРОГРАММУ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ нанайских детей, а также распространить в молодых семьях. Давно назрел вопрос о воспитании и обучении нанайскому языку и национальной по содержанию и форме культуре не только детей школьного и детсадовского возраста, но и их родителей.

В моём архиве хранится перевод притчи Понгса Киле «Друг-енот» («Андар-яндоко»). Я перевела это произведение ещё при жизни автора. Он не означил его жанр, но в «табели о жанрах» аллегорическое содержание, на мой взгляд, наиболее близко к притче.

У читателя есть возможность поразмыслить над подтекстом произведения Понгса Киле. Бездомного, голодного «друга-енота» автор вводит в традиционный нанайский Дом, стены которого выстраивает «из старинных слов». Аллегорический «Дом» – мыслится как фундамент древней национальной культуры. В нём славно и гармонично жить не только «еноту», но и всему нанайскому народу, если он не отринет духовное наследие своих предков, и, прежде всего, родной язык.

Друг - енот

Понгса КИЛЕ

ДРУГ – ЕНОТ

Едва дождавшись осени,
падёт на землю снег.
Сухие травы проседью
закроют белый свет.

Просунь попробуй голову
сквозь крышу изо льда, –
порежут льдины молнии
острей копья – гидА.

В дебрях усталых трав,
слипшихся в снежный ком,
вместе со склоном к реке скользит,
с яблоней дикой на рёлке дрожит
друг мой – енот-яндако,
не меньше травы устав.

Клочьями, точно в репейнике, шерсть.
В круглых глазах отражается смерть.
Тяжек снежный покров-полта.
Скрыта под ним еда.

Древний мой друг, старина яндако!
Бродишь ли близко или далеко,
всякой дохлой рыбёшке рад,
сонной лягушке с болотного дна,
запаху мыши в дубовых корнях,
там, где пасут тебя голод и страх,
слушай души моей громкий зов.

Если ты глух, старина яндако,
пусть эхо голоса моего
мыслью от мозга внедрится в мозг,
кровью почувствует крови ток:
слышишь – ты не одинок!

Если твои завершились дни,
к предкам усопшим идёшь в буни (1),
хоть у Вселенной-Боа на краю,
выслушай душу мою.

Если в подобный смерти сон,
стужею ты глубоко погружён,
пусть приснится, что наяву
песней тебя зову.

Слушай – сквозь страх, сквозь смерть,
сквозь сон, –
как тебе я построю Дом...

Золотыми да серебряными нитями
утро небо на восходе вышивает.
Плитняком слоистым или ритмами
песня Дома основанье выстилает.

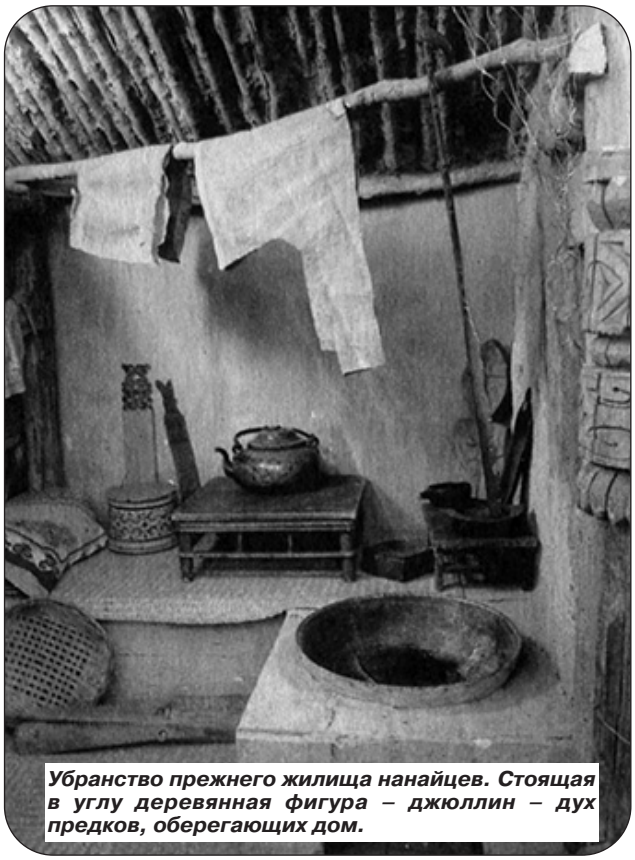
В пыли веков я слова найду, из старинных слов стены возведу,
откопаю слова-хэсэ из забытых глубин,
отчищу, сложу одно с одним,
складно да ловко,
как скороговорку.
Сердцем приглажу, коль неровен ряд.
Душою согреть, коль замёрзли, рад.
Любовью оттаять вместо печки-голдён -
пусть зимой будет жарким Дом.
Спи, яндако, раскинься в тепле.
Дыши во всю мочь смелей!

Прилети из сказки птица-коори!
Крыльями твоими Дом покрою.
Будут крышей крылья великаньи.
А в наверши – петух резной фазаний.
Перья – веером, волнует перья ветер.
Не смотри, мой петушок, на Север,
карауль ты первый луч с Востока,
чтобы вслед за солнечным восходом
поворачивать крутую шею,
радугой играть, как ожерельем.

И тогда не страшен Дому будет
смерч-сои,
бесноватый, одноногий смерч-сои.
Пусть не точит смертной злобой
смерч-сои
сокрушительные помыслы свои.

Хоть с низовьев из-за моря прилетит,
хоть с верховьев из-за взгорья прилетит,
только взглянет на фазаний
светлый лик, -
сникнет, сгинет, прочь ускачет
в тот же миг.

Или ветер подкрадётся низовой -
остановят стены яростный прибой.



Убранство прежнего жилища нанайцев. Стоящая в углу деревянная фигура – джюллин – дух предков, оберегающих дом.

Или тамна (2) белой мутью ослепит -
Дом от чар её коварных исцелит.

Туча дикая надвинется в ночи,
чёрным снегом, зимним громом заворчит,
даже издали завидев светлый Дом,
вспять уйдёт, приглушит в чреве гром.

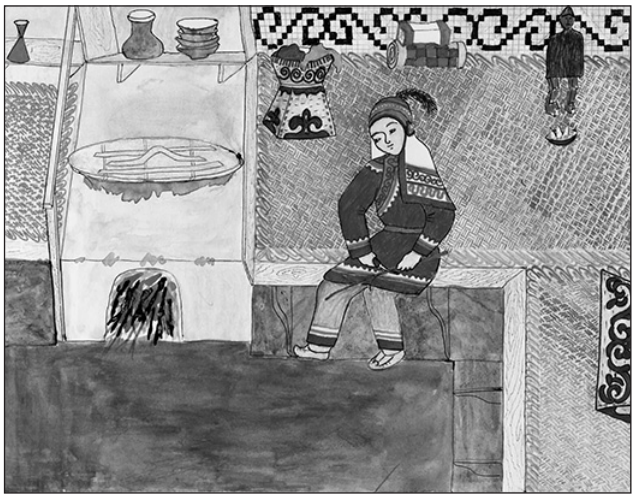
Давай, яндако, войдём
в наш добрый нанайский Дом!

Мысленно следуй от входа за мной,
слева направо, вдоль кан (3).
К стенам прильнут золотой чередой
праздничные сактан (4).

Следуй за мной мимо гилон (5),
чуть поверни возле мало (6)...
Следом – тихо, как мышь, шурша,
лягут циновки из камыша.
Грудью расправлю, коль сбился ряд,
сердцем согреть каждый стебель рад.
С песнею застелю кан-пуксу (7),
солнце в дом принесу.

А над бэсэрэ, над бэсэрэ (8)
привяжу на шёлковом шнуре
серебристый, лёгкий лунный лик -
солнечной красы ночной двойник.
Будет качаться туда и сюда
ночи и дни, и года.
Качнётся сюда – улыбнётся,
туда – подмигнёт, засмеётся,
станет глазами, как птица, играть,
солнца восход отражать...
Голосом птичьим утром зальётся.
Вечером – заревом алым займётся.
Древнюю песню затянет биа (9):
«Хэри-риа»

Сделаю дверь из дубовых плах,
вырежу на плахах звонких птах,
стройных сторожких лесных зверей,
изгородью линий обнесу скорей,
чтобы удержать, а то взлетят,
выпрыгнуть из дерева норовят.
Стойте! Не рвитесь! Остановитесь!
Вы-то живые, да дверь не ожила.
Сделаю ручку из бронзы и стекла,
раздобуду когти старого орла -



Понгса Киле в поэме "Друг-енот" вводит нас в традиционный нанайский Дом.
Аллегорический "Дом" мыслится автором как фундамент древней национальной культуры. Рисунок Анны Онинка.

будут крючками для двери служить,
с петлями железными Дом сторожить.

Дверь распахнёшь, яндако-енот -
тотчас кукушкой она запоёт,
квакает лягушкой, если закрывать,
чтобы силу тёмную отгонять.

Даже если сам злой дух – амбан
подкрадётся ночью к тем дверям,
лягушачий, птичий заслышав хор,
кубарем укатится через двор.

Станет сайкА (10) пробираться
сквозь щель, –
точно иглу, защемит его дверь,
сплющит в лепёшку, раздавит в кисель. –
Нечисти здесь уготована смерть.

Даже нужда, даже беда
не доберутся сюда никогда.

Лавку средь дома и каны – ложиться
вылощу гладкой рукою водицы.
Станут лежанки сверкать чистотой.
Доски, а кажется – луч золотой.

Стен я коснусь, и возникнет повсюду,
справа и слева весёлое чудо:
пища, добыча, еда, угощенье
с крючьев свисает и дразнит вращеньем.
На бэсэрэ и на канах – везде
нет недостатка в еде.

Рыбу и мясо пластами разрежу,
всё разложу, раскидаю, развешу...
Алым мельканием будут манить,
чтоб до отвала тебя накормить.
То-то наешься, дружище-енот,
тело от сыта жирком заплывёт.
Спи беззаботно от бед и от зим,
Домом Нанайским храним.

Конец 80-х годов.

Перевод Алины Чадаевой

Словарь нанайских терминов

1.БУНИ – загробный, потусторонний мир.
2.ТАМНА – туман.
3.КАНЫ – лежанка в нанайском доме между входом и очагом.
4.САКТАН – циновка из тростника.
5.ГИЛОН – кан-настил слева от входа в фанзу.
6.МАЛО – кан в глубине дома.
7.ПУКСУ – боковой кан.
8.БЭСЭРЭ – лавка высотой около метра, посредине дома. На ней хранились сети и другое имущество.
9.БИА – луна.
10.САЙКА – злой дух.

НА НАШИ ИЗДАНИЯ ВЫ МОЖЕТЕ ПОДПИСАТЬСЯ ПО КАТАЛОГУ "РОСПЕЧАТИ":
"МИР СЕВЕРА"
ИНДЕКС - 47303. ПЕРИОДИЧНОСТЬ - РАЗ В ДВА МЕСЯЦА.

"ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ"
ИНДЕКС - 50232